

ТЕУН
МАРЕЗ

УЧЕНИЕ ТОЛТЕКОВ

Книга 3

ТУМАНЫ ЗНАНИЯ ДРАКОНОВ

Все эти техники представляются читателю постепенно, шаг за шагом, в простой и доступной каждому форме. Итак, открытия начинаются! Не обманитесь такими знакомыми названиями прорабатываемых в новой книге Мареза тем и практик — личная история, сталкинг, сновидение, смерть как советчик и т. д. Здесь вы встретитесь с невероятным **НОВЫМ ЗНАНИЕМ**. Книга почти целиком посвящена сталкингу. "Много лиц" сталкера, его отношения с Временем и Пространством, умение задавать правильные вопросы. Эта непростая книга не раз заставит вас почувствовать, что вы сделали важнейшее открытие на своем Пути. ...

Теун Мареэ

Учение Толтеков

Том 3. Туманы знания драконов

ПРЕДИСЛОВИЕ

В качестве отклика на многочисленные письма, полученные от тех, кто прочитал мои первые две книги, следует отметить, что не все Толтеки одинаковы и далеко не каждый человек, вступающий на Путь Воина, является Толтеком. Впрочем, учитывая тот факт, что Толтеки невероятно долгое время были «одинокими птицами», совсем не удивительно, что мир в целом очень мало знаком — если вообще знаком — с нами и нашей деятельностью. В действительности, одни из тех немногих, кто слышал о нас, рано или поздно решали, что мы — просто миф, тогда как другие (в частности, те, кто узнал о нас из книг Карлоса Кастанеды) склонны считать нас магами. Неопровержимой истиной остается то, что Карлос Кастанеда, равно как и другие современные писатели, заявляющие о своей связи с содержанием книг Кастанеды, в действительности отражают традицию Толтеков в понятиях практической магии. И все же подлинные Толтеки отнюдь не потворствуют стремлению к магии, которое вызывает в наши дни такое любопытство. Толтеки являются людьми знания, и, несмотря на то что без познаний в магии наши знания были бы неполными, я обязан подчеркнуть, что магические практики представляют собой лишь крошечный фрагмент общей системы наших знаний. Более того, настоящие Толтеки понимают, что магия не ведет к свободе, но, напротив, обращает людей к продолжительному порабощению. Со времен гибели Атлантиды братство Толтеков оказалось разделенным на две основные группы: на тех, кто посвятил себя исключительно развитию и, следовательно, свободе человека, и тех, кто заинтересован только в эволюции осознания во имя собственных эгоистических целей. К первой группе относятся те из нас, кто движется по Пути Свободы. Во вторую группу входят те члены братства, которые следуют тому, что называют Путем Великого Приключения. Представители обеих групп делятся на различные ранги, или уровни мастерства и опыта; для удобства эти категории перечислены в Приложении. Вообще говоря, существуют только два ранга тех, кто направился по Пути Великого Приключения, а именно — воины первого внимания и воины второго внимания. Коротко говоря, первое внимание представляет собой всю полноту потенциальных возможностей того, что можно назвать рациональной, или нормальной осознанностью, — это тот потенциал, который обычные люди еще даже не начали развивать. С другой стороны, второе внимание означает совершенно иррациональный уровень осознания, о котором обычные люди, фактически, не имеют даже смутного представления, не говоря уже о возможности его исследования. Это поистине бескрайняя сфера осознания, полностью превосходящая относительно узкие и достаточно ограниченные горизонты рационального ума человека. Именно второе внимание является сильной стороной тех наших братьев, которые идут по Пути Великого Приключения. На этом пути можно встретить все те пленительные аспекты традиции Толтеков, которые не ведут к свободе и которым присуще то, что лучше всего можно описать как проявления и пугающей и восхитительной магии и колдовства в том смысле, в каком их понимает большинство людей. Избравшие этот путь Толтеки развивали свои умения сугубо в рамках первого и второго вниманий, и их мастерство в этих сферах осознания называют первым кольцом силы и вторым кольцом силы соответственно. Однако очень немногие из тех, кого интересуют древние практики традиции Толтеков и кто теми или иными способами пытается воплотить эти учения на практике, задумываются над тем, что недостаточное знание неизменно оказывается опасным знанием. Это особенно справедливо в отношении магических практик. Воистину, малое число тех, кого привлекает стремление к этой форме знаний, когда-либо подвергали сомнению действенность этих практик, которые по самой своей природе заставляют практикующего передавать свою силу тому или иному человеку или существу. Могут ли подобные практики

вести к свободе? И все же удивительно огромное число тех заблудших душ, которые упорно цепляются за такие совершенно устаревшие практики, как, например, сотрудничество с неорганическими существами или накопление энергии путем ритуалов и галлюциногенных веществ. Считая, что подобные практики повысят их силу или, точнее, сделают их сильнее своих братьев. Такие практикующие совершенно не осознают, что ни первое, ни второе кольцо силы не является целью само по себе и представляет собой лишь необходимое средство, ведущее человека к раскрытию его потенциальных возможностей, и именно — третьего внимания — той формы осознания, которая превосходит второе и доступна только тем, кто прошел подготовку Пути Свободы. Пытаться описать третье внимание несколькими словами почти невозможно; достаточно будет сказать, что третье внимание представляет собой тот участок проявленной вселенной, тот уровень осознанности, где осознание проявленного и непроявленного сливается воедино и становится проявлением совершенно разумного сотрудничества. Это основной парадокс третьего внимания, но именно этот парадокс обеспечивает доступ к схеме устройства самой Вселенной и именуется третьим кольцом силы. Эта форма силы совершенно неизвестна тем, кто развивает только искусство магии. Тому, кто достигает третьего кольца силы, совсем не требуется прибегать ни к довольно мелочным магическим практикам, ни к тем пленяющим силам, которые встречаются на Пути Великого Приключения, поскольку такой человек в буквальном смысле слова оказывается на расстоянии вытянутой руки от окончательных ключей сотворения и уничтожения. Очевидно, что не может быть магии выше этой. Вследствие этого воину третьего внимания не нужно метать во врагов молнии или прибегать к помощи неорганических существ, так как ему достаточно воспользоваться лишь мыслью, нацеленной на скрытые тропы человеческого осознания. Именно по этой причине такой тип силы недоступен тем, кто еще не обрел всеобъемлющего видения, необходимого для того, чтобы не использовать подобную силу в личных интересах. Задача воинов третьего внимания заключается в том, чтобы использовать свою силу для разрушения тех форм, которые лишают свободы и силы. Эти воины должны обеспечить человечество всеми знаниями, необходимыми для того, чтобы каждый человек мог развиваться сам и одновременно развивать окружающих. Следует осознать, что все живое тесно и неразрывно взаимосвязано, а потому пребывает в постоянном взаимодействии и взаимозависимости. Таким образом, воины третьего внимания могут и хотят бросить вызов всему тому, что становится на пути какого-либо существа, способного заявить свои права на силу и последующую свободу. В связи с вышесказанным следует осознать, что, если вы, читатель, серьезно настроены на то, чтобы следовать по Пути Воина, вам совершенно необходимо уметь отличать Путь Свободы и Путь Великого Приключения. Часто задают вопрос о том, от чего именно нужно освободиться. Придется еще раз повторить, что в рамках данного предисловия на этот вопрос очень нелегко ответить, так как понятие свободы поистине безгранично. Достаточно будет сказать, что следует добиваться свободы от огромного числа иллюзий, порожденных недостатком у человека знаний, от его социальной обусловленности и неведения в отношении собственной божественной природы. Лишь немногие люди осознали, что человек представляет собой не физическое существо, обреченное на существование в границах физического плана, а невероятно важное для всей Вселенной создание, наделенное и магией, и силой. По этой причине, направляя к свободе других, воины третьего внимания действуют в тесном сотрудничестве с осуществляющим руководство Нагвалем; вместе они подталкивают людей к осознанию их подлинных потенциальных возможностей, к их истинному наследию волшебных существ Вселенной. Я сам являюсь Толтеком третьего внимания, и мои официальные полномочия среди Толтеков представлены должностью, которую я периодически занимал в течение множества жизней (хотя и не всегда последовательных), — должностью Дракона-Волка. Если говорить кратко, то обязанности Дракона-Волка заключаются в том,

чтобы привнести в мир умение различать, позволяющее свету трезвости озарить путь к развитию осознания. Таким образом, деятельность Дракона-Волка связана с отделением света от тьмы, возвышающего от подавляющего, существенного от бессодержательного, питательного от губительного — то есть в отделении всего того, что приносит свободу, от ведущего к оковам и порабощению; того, что дарует жизнь, — от разрушающего. Однако ни силу, ни мир, ни свободу невозможно предоставить или подарить. За все это необходимо сражаться, на них нужно заявить свои права. В результате Дракон-Волк становится тем существом, которое обучает людей, во-первых, тому, что именно удерживает их в оковах. Во-вторых, тому, что никто не может оказаться в ловушке без своего на то согласия. В-третьих, Дракон-Волк помогает понять, что люди способны заявить свои права на силу, сражаясь за свое освобождение. Таким образом, вслед за Драконом-Волком всегда тянется широкая полоса умения различать и борьбы, но она является одновременно и следом надежды и обновленной отваги, вызванной самоуважением. Причиной того, что в этой жизни я вновь занял пост Дракона-Волка, стала крайняя нужда показать человечеству те огромные возможности изменений и свободы, которые присущи обстоятельствам современного мира. В этом отношении следует осознать, что повсюду люди начинают приходить в отчаяние, так как их прежний, такой уютный и знакомый мир продолжает распадаться на части. Рост жестокости и преступности во всем мире, ненадежность экономического положения, разрушение этических норм, человеческих взаимоотношений в целом и отношений в семье, искажение правды в корыстных целях, грубое манипулирование осознанностью, к которому прибегают не только отдельные политики и средства массовой информации, но и самозванные целители, пророки и гадалки, — все это загоняет человечество в полный тупик и заставляет его тесно прижаться спиной к стене. В итоге, уже не зная, кому доверять и кого слушать, люди всего земного шара достигли достаточно отчаянного положения, чтобы начать сражаться за свою свободу. На самом деле, в современном мире существует огромное множество людей, горячо желающих развить свои психические мышцы и пылко стремящихся добиться успеха в этом мире, но при этом их сдерживают недостаточно ясное видение, отсутствие таких необходимых знаний о том, что является подлинной природой жизни и всего мира, неведение в отношении собственного волшебного наследия. Добавим ко всему этому истощающие ограничения социальной обусловленности. Совсем не удивительно, что в современном мире живет столько разочарованных людей — тех людей, которые с огромным удовольствием изменили бы свою жизнь и окружающий мир, если бы только знали, как это сделать, и не чувствовали себя такими беспомощными. Что касается Толтеков, то их дела идут просто великолепно, так как только в том случае, когда человека прижимают к стене, он может хотя бы на мгновение задуматься о том, что, быть может, существует и иной образ мышления, ощущения и действия. Лишь после этого человек способен получить эмоциональный заряд, достаточный, чтобы начать бороться за то, во что он верит и к чему стремится. В первую очередь, именно по этой причине Воины Свободы, именуемые Толтеками, вновь решили занять в мире то место, которое принадлежит им по праву. Более того, мы — те, кто преданы пути Свободы, — полностью, по-настоящему готовы воспользоваться стремлением человека к переменам, его глубоким желанием мира, его напряженными поисками благополучия и, прежде всего, его всевозрастающим желанием найти те знания, которые позволяют человеку заявить его право на силу, так как он — личность, имеющая право мыслить и действовать самостоятельно и во благо самому себе. Однако, чтобы достичь этого, человеку придется лицом к лицу столкнуться со своим прошлым и разрушить его; это включает в себя борьбу за освобождение от лишających силы ограничений социальной обусловленности. Сегодня возникает множество досужих домыслов о конце света и грядущем приходе новой эпохи. С точки зрения Толтеков, перспектива окончания мира в том виде, в каком он существует сейчас, неизбежна хотя бы по

той причине, что человек достиг совершеннолетия, и вместо непрерывного создания замков из песка и последующего разрушения их с детской несдержанностью ему придется принять на себя ответственность взрослого человека и начать играть по-настоящему важную роль в тех бескрайних событиях, которые связаны с эволюцией осознания. Ему придется принять на себя ответственность и за то, что по сути своей он является волшебным существом, обладающим силой созидания и уничтожения. Когда человек примет на себя ответственность за собственное наследие, мы действительно увидим рождение совершенно новой эпохи и совершенно нового мира — они не сойдут с небес, но возникнут на основе того, что человек с полной ответственностью начнет исполнять свою истинную роль во Вселенной. Таким образом, говоря о Воинах Свободы, следует осознавать, что, в отличие от тех наших братьев, которые следуют Пути Великого Приключения и посвящают себя магическим практикам, мы полностью отдаем себя свободе и намерены во всей полноте использовать этот период и текущую ситуацию в мире во благо всего живого. По этой причине наши дела целиком посвящены свободе, самосовершенствованию, самоуважению и благополучию всех личностей — и людей, и других созданий. Именно с этой целью я исполняю свою роль передачи человечеству наследия Толтеков.

Ваш Вождь из Вашингтона извещает, что некто купил нашу землю. Ваш Вождь посылает нам весть дружбы и доброй воли.

Он очень добр, ибо мы знаем, что наша дружба — только малая плата за его расположение. Однако мы обдумаем ваше предложение, ибо понимаем, что, если не продадим землю, бледнолицый придет с ружьями и отберет ее силой.

Как вы сможете купить небо или тепло земли? Эта мысль нам непонятна. Если мы не распоряжаемся свежестью воздуха и всплесками воды, то как вы можете купить их у нас?

Для моего народа каждая пядь этой земли священна. Каждая сверкающая сосновая шишка, каждый песчаный берег, каждый клочок тумана в темном лесу, Каждая поляна и каждая мошка — все они святы для памяти и чувств моего народа. Сок, текущий в стволах деревьев, несет в себе память краснокожих.

Вступив на путь среди звезд, усопшие бледнолицые забывают страну своего рождения. Наши усопшие никогда не забывают этой прекрасной земли, ибо она — мать краснокожих. Мы — часть этой земли, и она — часть нас самих. Душистые цветы — наши сестры, олень, конь, большой орел — наши братья, Горные вершины, сочные луга, теплое тело мустанга и человек — все они одна семья.

Когда Великий Вождь из Вашингтона говорит, что хочет купить у нас землю, он требует от нас слишком многого. Великий Вождь извещает, что он оставит нам место, чтобы мы жили в удобстве. Он станет нам отцом, а мы станем его детьми. Но все не так просто, ибо для нас эта земля — священна.

Эта сверкающая вода, текущая в ручьях и реках, — не просто вода, а кровь наших предков. Если мы продадим вам землю, вы должны помнить, что она священна, вы должны учить своих детей тому, что она священна, и любой призрачный отблеск чистых водах озер повествует о делах жизни и памяти моего народа. Журчание воды — это голос отца моего отца. Реки — наши братья, они утоляют нашу жажду. Реки переносят наши каноэ и кормят наших детей. Если мы продадим вам землю, вы должны помнить и учить своих детей тому, что реки — наши братья и ваши братья; и впредь вы должны относиться к рекам с той же добротой, с какой относитесь к своему брату.

Краснокожий всегда отступал перед идущим вперед бледнолицым, как горный туман отступает перед утренним солнцем. Но прах наших отцов свят. Их могилы — священные места, и потому эти холмы, деревья и участки земли стали для нас святыми. Мы знаем, что

бледнолицый не понимает наших мыслей. Для него один участок земли ничем не отличается от другого, ибо он — чужак, который приходит ночью и берет от земли все, что захочет. Для него земля не брат, а враг, и он идет вперед, покоряя ее. Он оставляет могилы отцов позади, но это его не заботит. Он похищает землю у своих детей, но это его не заботит. Он забывает о могилах отцов и о правах своих детей. Он относится к своей матери-земле и к своему брату-небу как к вещам, которые можно купить, ограбить и продать, как овцу или яркие бусы. Его жадность пожирает землю и оставляет позади пустыню.

Я не понимаю... Наши мысли отличны от ваших мыслей. Зрелище ваших городов — боль для взора краснокожего. Возможно, так происходит потому, что краснокожие — дикари, и они многого не понимают. В городах бледнолицего нет тишины. В них нет такого места, где можно послушать, как весной распускаются почки, как шелестят крылья насекомых. Возможно, я просто дикарь и многого не понимаю. Мне кажется что шум только оскорбляет слух. Разве это жизнь, если человек не может расслышать одинокий крик блуждающего огонька или ночной спор лягушек у пруда? Я — краснокожий, я многого не понимаю, индейцы предпочитают мягкое звучание ветра над водами пруда, запах этого ветра, омытого полуденным дождем и пропитанного ароматом сосновой смолы.

Для краснокожего воздух — сокровище, ибо одним дышит все Живое; и зверь, и дерево, и человек дышат одним дыханием. Бледнолицый не замечает воздуха, которым дышит. Он не ощущает зловония, как человек, который умирает уже много дней. Но если мы продадим вам свою землю, вы должны помнить, что для нас воздух — сокровище, что воздух делится своим духом со всем Живым. Тот ветер, который вдохнул дыхание в наших дедов, принимает их последний вздох. И этому ветру предстоит наполнить духом жизни наших детей. Если мы продадим вам свою землю, вы должны держаться в стороне от нее и относиться к ней как к священной, как к тому месту, куда даже бледнолицый сможет прийти, чтобы ощутить вкус ветра, с запахом луговых цветов,

Мы обдумаем ваше предложение купить нашу землю, Если мы решим принять его, я поставлю одно условие; бледнолицый должен относиться к животным этой земли как к своим братьям, Я — дикарь, я не могу думать иначе. Я видел тысячи мертвых бизонов в прериях — их оставил бледнолицый, стрелявший из проходящего мимо поезда. Я — дикарь, и я не могу понять, как дымящийся железный конь может быть важнее бизона, которого мы убиваем, можно оказаться на краю гибели. Что будет с человеком, если не станет зверей? Если все звери погибнут, люди умрут от полного одиночества духа. Что бы ни случилось с животными, это случается и с человеком. Все взаимосвязано.

Вы должны учить своих детей тому, что земля у их ног — прах наших предков. Тогда они будут почитать эту землю и рассказывать своим детям, что в земле кроются жизни нашего рода, учите своих детей тому, чему учим своих детей мы, а мы говорим им, что земля — наша мать. Что бы ни случилось с землей, это случается и с ее детьми. Когда человек плюет на землю, он плюет в самого себя.

Вот что мы знаем; не земля принадлежит человеку, а человек принадлежит земле. Вот что мы знаем; все в мире взаимосвязано, как кровь, которая объединяет целый род. Все взаимосвязано. Что бы ни случилось с землей, это случается и с ее детьми. Не человек плетет паутину жизни — он лишь одна нить в ней. Если он делает что-то с паутиной, то делает это и с самим собой.

И все же мы обдумаем ваше предложение уйти в ту резервацию, которую вы приготовили для моего народа. Мы будем жить в стороне от вас, мы будем жить спокойно. Не так уж важно, где мы проведем остаток своих дней. Наши дети уже видели своих отцов униженными поражением. Наши воины уже ощутили стыд. После поражения их жизнь обернулась

праздностью, и они губят свои тела сладкой пищей и крепкими напитками. Не так уж важно, где мы проведем остаток своих дней. Их осталось не так уж много. Лишь несколько часов, всего несколько зим, и не останется ни одного сына великих племен, которые когда-то так любили эту землю и которые сейчас скитаются малыми группами в лесах. Никто не сможет оплакивать тот народ, который когда-то был столь же могуч и полон сил, как ваш. Зачем же мне оплакивать смерть своего народа? Племя — это всего лишь люди, ничего больше. Люди приходят и уходят, как морские волны.

Даже бледнолицый, чей Бог идет рядом и говорит с ним, как друг, не может избежать всеобщей судьбы. В конце концов, быть может, мы еще станем братьями — посмотрим. Но мы знаем нечто такое, что бледнолицему еще предстоит когда нибудь узнать; у нас с вами один Бог. Сейчас вы считаете, что владеете своим Богом точно так же, как хотите овладеть нашей землей, но это не так. Он — Бог всех людей и равно сострадает и краснокожим, и бледнолицым. Для него эта земля — сокровище, и причинять вред этой земле означает поднимать руку на ее Творца. Бледнолицые тоже уйдут, хотя, быть может, позже, чем остальные племена. Продолжайте пачкать свое ложе, и однажды ночью вы задохнетесь в собственных отбросах. Но в своей гибели вы будете ярко пылать, объятые пламенем Бога, который привел вас на эти земли и по некой особой причине наделил вас господством над этой землей и над краснокожими.

Для нас такая судьба — загадка, ибо мы не понимаем, зачем нужно убивать бизонов, зачем приручать диких лошадей, зачем нарушать таинственные думы леса тяжелым запахом толпы людей, зачем пятнать склоны холмов говорящими проводами.

Где заросли? Их нет. Где орел? Его нет. Почему нужно прощаться с быстрыми пони и охотой? Это конец жизни и начало выживания.

Мы обдумаем ваше предложение купить нашу землю. Если мы согласимся, то будем в безопасности в обещанной вами резервации. Там мы сможем прожить короткий остаток своих дней так, как захочется нам. Когда с этой земли исчезнет последний краснокожий, а памятью о нем будет только тень облака, парящего над прерией, в этих берегах и лесах по-прежнему сохранится дух моего народа, ибо он любит эту землю, как новорожденный любит сердцебиение матери. Если мы продадим вам эту землю, любите ее так, как любили ее мы. Заботьтесь о ней так, как заботились о ней мы. Сохраните в своей памяти вид этой земли, какой она была, когда вы забрали ее. И всеми своими силами, всеми своими мыслями, всем своим сердцем сберегите ее для своих детей — и любите ее так, как Бог любит всех нас.

Мы знаем одно; у нас с вами один Бог. Для Него эта земля — сокровище. Даже бледнолицему не избежать всеобщей судьбы, В конце концов, мы еще можем стать братьями. Посмотрим...

Такую речь произнес в 1854 году индейский вождь Сиэттл. Это отнюдь не попытка предотвратить неизбежное, так как Сиэттл прекрасно понимал, что уже ничего не изменишь. Вместо этого Сиэттл превратил свое выступление в горькое предупреждение об опасности человеческого неведения и его полном неуважении ко всему, что выходит за рамки эгоцентрической алчности.

Впрочем, глубинным мотивом того, что я процитировал эту речь, было не только желание привлечь внимание читателя к ненасытной человеческой жадности, но и стремление показать, что там, где царит подлинное понимание взаимозависимости всего живого, не может возникать никаких обвинений — по той простой причине, что в действительности в нашем мире не бывает ни победителей, ни побежденных. В своем выступлении Сиэттл выразил эту мысль очень ясно, поскольку понимал и обучался взаимоотношениям всего живого. Он не оправдывает действий завоевателей и, несмотря на то что не может их понять, не занимает непримиримой и самодовольной позиции обвинения белых американцев. Вместо этого он настойчиво

подчеркивает тот факт, что существует только одна жизнь и только одна истина, а единственной причиной разделенности и различий становится неведение. Таким образом, Сиэттл не проклиняет белых американцев, но открыто высказывает свое мнение и представления своего народа, тем самым очевидно давая понять белым американцам, что они ошибаются в своих поступках, так как не принимают во внимание взаимосвязанность всего живого.

Сиэттл понимал, что он и его народ — не жертвы, пусть даже судьба распорядилась их жизнью совсем не так, как хотелось бы. Своим подходом он показывает дух *безупречно*гоина — ему было бы очень легко оказаться в ловушке представлений о том, что краснокожих сделали жертвой, но он предпочитает признать, что его народ действительно проиграл битву и, по правилам охоты, победитель получает все. Сиэттл с совершенной *безупречностью* смиряется с испытанием судьбы и не теряет достоинства и изящества истинного воина, верящего в неуязвимость своего духа. Он сожалеет лишь о том, что некоторым его воинам, судя по всему, не присуще подобное чувство собственного достоинства, и потому они позволили себе предаться стыду и жалости к себе. Кроме того, речь Сиэттла дает понять, что он не считает белых людей победителями, так как понимает, что их неверные действия уже начали подрывать эти временные успехи. Он вновь подчеркивает важность поведения, поскольку никто, кроме слепых фанатиков, не станет отрицать, что все мы и мир, в котором мы живем, являемся результатами наших действий. Если мы терпим поражения, то лишь потому, что сами делаем себя жертвами своих действий — физических, эмоциональных и мысленных. В этом отношении следует понять, что Сиэттл и его народ просто проиграли одно сражение, но в этой битве белые американцы пали жертвами ощущения собственного превосходства, жадности, неуважения к жизни; несмотря на то, что Сиэттлу и его племени пришлось расстаться со всем, что было им дорого, белые люди до сих пор продолжают расплачиваться за то, что стали так называемыми «победителями», и настоящей жертвой в тот день оказались не краснокожие, а бледнолицые.

НИЧТО ВО ВСЕЛЕННОЙ НЕ ДАЕТСЯ ДАРОМ. ВСЕ ИМЕЕТ СВОЮ ЦЕНУ.

Свою цену имеет и поражение в битве, и победа в ней. По этой причине довольно смешно считать себя жертвой, если в действительности просто приходится платить за поражение в сражении. Как уже было сказано, для настоящего воина — для того, кто признает и изучает взаимосвязанность всего живого, — принцип деления на победителей и побежденных не имеет никакого смысла. Единственно важным для воина является то, насколько *безупречно* он действует. Воина заботит только это, и только это является его сражением.

Воин рассматривает любую схватку как битву за *безупречность*. Если ему неизменно удастся сохранять *безупречность*, он просто не способен потерпеть поражение, даже если проигрывает некоторые из своих сражений. По этой причине воин не может считать себя жертвой угнетателей, так как прекрасно понимает, что может стать подобной жертвой лишь в том случае, если предпочтет думать и действовать так, словно действия его собратьев могут обладать властью над ним и превратить его в жертву. Однако индальгирование в таких представлениях и действиях совершенно неприемлемо для воина. Вместо этого воин предпочитает рассматривать действия своих собратьев как богатый источник возможностей развития своей *безупречности*.

Это невероятно важный принцип, и его полное понимание совершенно необходимо для того, чтобы читатель смог извлечь настоящую пользу из всего дальнейшего изложения. На протяжении долгих столетий огромному числу людей и целым народам действительно приходилось испытать на себе жестокость других людей, и все же пример Сиэттла и его племени показывает, что у человека всегда есть выбор возможного отношения к подобным ситуациям. Можно сосредоточиться на мыслях о себе как о жертве, но, с другой стороны, основное внимание можно уделять *безупречности* воинского духа. Однако человек не может

следовать Пути Воина, если упорно продолжает считать себя жертвой или верить в собственную беспомощность перед лицом неравных сил противника. Все жизненные испытания возникают для того, чтобы человек смог постичь подлинное значение бесценного дара жизни и принять на себя ту огромную ответственность, которую приносит такое знание. Это остается справедливым независимо от того, к «побежденным» или к «победителям» относит себя человек. Таким образом, если он хочет достичь *безупречности* духа воина, он не может позволить себе воспринимать жизненные обстоятельства поверхностно — ему необходимо отыскивать те *дары силы*, которые несут в себе эти обстоятельства.

Судя по всему, сегодня, через сто сорок лет после трогательной речи Сиэттла, произошло не так уж много изменений — во всяком случае, на первый взгляд. Человек по-прежнему остается эгоцентричным, а его жадность — такой же ненасытной, как и прежде. Подгоняемый этой алчностью, человек продолжает опустошать природные богатства нашей планеты и эксплуатировать своих собратьев и другие создания, совершенно не задумываясь о возможных последствиях. Эти последствия уже давно проявились, и сейчас они не просто стремительно накапливаются, но и пугающе приближаются к критической точке. Когда эта точка будет достигнута, эти последствия принесут человеку совершенно определенные бедствия, ибо, как предупреждал Сиэттл, *«продолжайте пачкать свое ложе, и однажды ночью вы задохнетесь в собственных отбросах»*.

Нет никакой возможности нарушить тонкое равновесие всего живого и избежать при этом ужасных последствий. Каждый Толтек хорошо усвоил это еще во времена Атлантиды. В те незапамятные эпохи атланты нарушили равновесие *природы* до такой степени, что в конце концов Атлантида была уничтожена естественным катаклизмом. В наши дни современный человек с такой силой разрушает равновесие *жизни*, что надвигаются невероятные и необратимые катастрофы во взаимоотношениях всего живого. Поистине, человек описал полный круг, и теперь то, что было начато во времена Атлантиды, с неизбежностью придет к своему завершению. Впрочем, несмотря на буквальный смысл этих заявлений, я вовсе не являюсь пророком конца света. Напротив, я рассматриваю современный период как преддверие самого захватывающего испытания, с которым когда-либо сталкивалось человечество. Если бы люди не направились по этому скорбному пути самоуничтожения, если бы сами не загнали себя в такой глухой и не оставляющий выбора угол, перед ними не возникли бы те поразительные возможности, какие появляются сегодня.

Природа человека такова, что он никогда не меняет своего образа мышления до тех пор, пока не возникает угроза самой его жизни. Эта общечеловеческая черта представляет собой одно из следствий настоятельно необходимого развития рационального ума — развития, которое привело человека к постепенному осознанию своих богоподобных потенциальных способностей к созиданию и разрушению и последовавшему соблазну испробовать и то, и другое. С другой стороны, следует понять, что с этим ничего нельзя поделать; в попытках научиться ходить маленький ребенок много раз падает и ушибается — точно так же и человечеству необходимо было пройти сквозь множество прискорбных событий, которые достигли своей вершины в текущем состоянии нашего мира. Такую цену пришлось заплатить за то, чтобы человек научился мыслить самостоятельно и решительно взялся за развитие своих потенциальных возможностей. Таким образом, эта изуродованная планета, опустошение ее природных богатств, жестокое истребление животных, бесчеловечное отношение человека к своим собратьям и разрушения, причиненные двумя мировыми войнами, представляют собой последствия движения человечества по пути эволюции.

Хотя Хранители Расы владеют достаточной *силой* и вполне могли бы предотвратить подобные жестокие поступки. Они предпочитают не вмешиваться, отойти в сторону и позволить

юному человечеству расти самостоятельно. Толтеки всегда знали, что, хотя никто из нас, включая самих Хранителей Расы, не вправе оценивать действия людей, мы должны смириться с пониманием того, что это единственный жизнеспособный путь развития человечества. Несмотря на то что любой Толтек прекрасно отдает себе отчет в устрашающих последствиях такого решения, принятого Хранителями Расы, нам известно и то, что последствия иных решений оказались бы еще более катастрофическими. Это был в буквальном смысле слова тот случай, когда приходится выбирать из двух бед, но, опираясь на свой личный опыт, мы никогда не сомневались в мудрости принятого Хранителями решения.

Нужно понять, что эволюция осознания достигла того уровня, когда человек начинает учиться думать самостоятельно и в результате раскрывать свои подлинные потенциальные возможности. Когда это случилось, эволюция осознания начала двигаться быстрее, чем можно было ожидать, и Хранители Расы и Толтеки неожиданно столкнулись с теми испытаниями, которые были вызваны совершеннолетием человечества. Самым важным из них стал вопрос о том, как лучше всего подготовить человека к вступлению в права владения его поразительным наследием, когда настанет подходящее время. Естественно, для того чтобы вступить в эти права наследования, человечество должно принять на себя огромную ответственность за свою врожденную способность созидать и разрушать, которая является сущностью его инстинктивной природы. Полностью осознавая этот факт, Хранители поняли, что в действительности у Них не было иного выбора, кроме того пути, по которому Они решили пойти.

Какими бы ужасными ни были последствия Их решения, следует понять, что даже Хранители Расы не в силах изменить инстинктивную природу человека. Но даже если бы это было в Их власти. Они вряд ли сочли бы допустимым такое невежественное вмешательство, такое грубое нарушение человеческих прав, так как все Они без исключения преданы Пути Свободы. Все, что смогли сделать Хранители, столкнувшись с неизбежным исходом эволюции человека, — принять решение отступить в сторону и позволить эволюции развиваться естественным путем.

Сейчас, наблюдая за эволюцией осознания в целом, очень легко понять мудрость принятого Хранителями решения. В сложившейся мировой ситуации люди всего мира начинают подвергать сомнению все то, что они прежде принимали за чистую монету, без каких-либо раздумий. Обычные люди медленно, но верно пробуждаются и осознают тот факт, что всю свою жизнь человек пытается избежать ответственности и всегда был доволен тем, что вручал свою силу какому-нибудь «Большому Брату», собственные интересы которого явно не совпадали с потребностями людей. Коррупция стала настолько распространенной во всех сферах человеческой деятельности, что люди уже считают ее нормальным явлением. Существующие в мире политические системы пользуются дурной славой из-за грубых злоупотреблений властью и не принадлежащих политикам денежных средств. Из-за своего чрезмерно раздутого *чувства собственной важности* ощущения высшей власти правовые системы уже давно утратили все здравые соображения о подлинной справедливости. Деятели образования больше заботятся о репутации школ и учителей, чем о подлинном просвещении и благополучии учащихся. Религиозные деятели также в ответе за распространение тех толкований и философий, которые, судя по всему, предполагают, что все люди рождаются умственно неполноценными. Даже в научных и медицинских учреждениях существует слишком много «специалистов», позволяющих своему тщеславию возобладать над профессиональным долгом.

В таких обстоятельствах обычные люди начинают понимать, что «Большой Брат» — скорее угнетатель, чем защитник. Однако что с этим можно поделать? В действительности, ответ на этот вопрос очень прост и прямолинеен. Мы как личности, а также тот мир, в котором мы живем, — порождения наших действий, и если нас превращают в жертвы, то это происходит

только потому, что мы делаем себя жертвами собственных поступков. По этой причине, если нам не нравится то, что происходит, мы должны изменить свои действия, и любой человек с легкостью способен это сделать.

Важно понимать, что, хотя отдельная личность, вообще говоря, выглядит слишком беспомощной, чтобы изменить государственную или, скажем, правовую систему целой страны, даже один человек обладает невообразимым могуществом. Единственное, что делает личность беспомощной, — это ее *убежденность* в этой беспомощности. Люди не способны что-либо изменить лишь потому, что упорно верят в то, что не смогут одолеть систему, которая на самом деле представляет собой проявление их поступков. В результате обычный человек самым жалким образом погружается в безразличие и при этом придает еще большую силу своим угнетателям. Если бы каждый человек перестал верить в то, что он беспомощен, и вместо этого принял на себя ответственность за свою жизнь, вновь заявив свои права на *силу*, то ситуация в современном мире могла бы измениться чуть ли не за один день.

Чтобы прояснить эту мысль, воспользуемся аналогией: сравним *силу* личности с пламенем свечи. Очень легко говорить, что пламя одной свечи выглядит жалким в сравнении, скажем, с могуществом целой правовой системы страны, но если все люди мира, которые чувствуют, что подобные правовые системы несправедливы, объединятся, то общая сумма *силы* миллионов свечей станет поистине астрономической. Однако, как известно, люди никогда не объединяются в таких масштабах, и потому косвенно продолжают поддерживать все то, что приносит им столько горя. Почему все происходит именно так? Лишь потому, что человек думает, чувствует и действует, исходя из соображений отделенности, а там, где царит разобщенность, не может быть ни единства, ни объединения. Таким образом, мы еще раз убедились в том, что именно личные поступки человека делают его таким беспомощным и беззащитным.

Эта мысль имеет множество следствий — особенно сейчас, когда человечество в целом достигло совершеннолетия, так как современный человек уже способен мыслить самостоятельно. Разумеется, за это следует благодарить развитие рационального ума. Однако теперь, когда люди обладают такой способностью, Разделяющее свойство разума необходимо превратить в *умение Различать*. Следует, впрочем, понимать, что подлинное *умение различать* не имеет ничего общего с несправедливыми действиями, основанными на расовых или каких-либо других предубеждениях, с которыми связано это понятие; напротив, это умение означает способность человека ясно различать ценности. То, что до сих пор называли проведением различий, означало в действительности последствия предвзятой разделенности.

Преобразование разделенности в *умение различать* является жизненно необходимым для того, чтобы человечество научилось справляться с теми испытаниями, которые связаны с его вступлением в права наследования. Если человек не научится мудро *различать*, то есть отсеивать подлинное от нереального, истину от лжи, придающее силы от угнетающего, его наследие, без сомнения, окажется в руках «Большого Брата». Если же это случится, мир станет свидетелем доселе невиданного злоупотребления *силой* и угнетения, так как учения Толтеков представляют собой поистине бескрайнюю и могущественную систему, которая, как и все иное, может быть чудовищно искажена и использована в дурных целях. Если теперь, когда эти учения начинают открываться, люди будут продолжать потакать своему безразличию и ощущению собственной беспомощности, принадлежащее им по праву наследие будет, как оружие, использовано против них самих теми самыми организациями, которые, как предполагалось, должны оберегать человека.

Кстати, читателю не следует убаюкивать себя ощущением ложной безопасности и думать, что важнейшие общественные институты отмахнутся от учений Толтеков, сочтя их духовными трюками. Напротив, умудренный опытом читатель быстро сообразит, что такие организации

состоят из отдельных людей — людей, имеющих не только свою систему убеждений, но и личные амбиции и скрытые замыслы; для таких людей их организации являются лишь средством достижения своих целей. Не следует забывать и о том, что многие ортодоксальные учреждения в прошлом открыто отрицали свой интерес к какой-либо области, но позже признавали, что такие опровержения были попыткой скрыть особые задания или эксперименты в данной области.

Поскольку это вполне по силам Толтекам, они постараются удостовериться в том, чтобы наследие человека не оказалось в дурных руках и навсегда осталось тем, что по божественному праву рождения принадлежит всем людям. Этого можно отчасти достичь способом передачи учений, но и у возможностей Толтеков есть свои пределы. Они не могут нести ответственность за

равнодушие людей. Если сами люди не начнут верить в себя, не захотят подняться на ноги и стать воинами, мы не сможем ничего сделать, так как личность невозможно заставить заявить свои права на *силу*. В этом отношении многое из того, что можно сделать, уже было достигнуто самим человечеством после того, как Хранители Расы приняли важнейшее решение отступить в тень и позволить человеку расти самостоятельно; этот процесс ускорил развитие ситуации в мире, которая сейчас подобна нависшему над головой дамоклову мечу.

Все готово к действию, и теперь необходимо только одно: люди всего мира должны достичь достаточной степени отчаяния, чтобы начать верить в то, что они способны заявить свои права на *силу*, — и сделать это. Если человек сможет смело встретить это испытание, политические, религиозные и расовые преграды сразу же рухнут, так как повсюду люди объединятся в духе подлинной демократии, чтобы заявить: «Довольно! Мы хотим вернуть себе *силу* и самостоятельно определять то, каким станут новый мир и новая жизнь». Это тот перекресток, о котором говорилось в книге «Возвращение Воинов», — открывающаяся перед каждым человеком поистине захватывающая возможность заявить свои права на *силу*, свободу и на то, что принадлежит ему по божественному праву рождения.

И Хранители Расы, и мы, Толтеки, твердо верим в то, что обычные люди уже готовы принять свое наследие и заявить свои права на *силу*. Это тот миг, о котором, сколько себя помнят, мечтали и молились, ради которого трудились Воины Свободы и Хранители. Это *час силы* человечества, это *Крик Орла* — мимолетный миг шанса, упустить который человек просто не может себе позволить.

Толтеки готовы сыграть свою роль и предоставить любую помощь, которая в их силах, но я должен задать читателю ряд вопросов. Готовы ли вы принять то, что мы предлагаем, и воспользоваться этим? Готовы ли вы отказаться от жизни в оковах и добиться свободы? Хотите ли вы обменять беспомощность на силу? Хотите ли стать победителем, а не побежденным? Желаете ли расстаться со своей скучной и обыденной жизнью ради яркого путешествия надежды? Хотите ли подняться и стать той силой, с какой следует считаться, вместо того, чтобы оставаться неприметной частью толпы? Хотите ли жить, а не просто существовать? Готовы ли вы принять на себя ответственность за свою Жизнь или предпочитаете, чтобы ваша *сила* оставалась в чужих руках? Готовы ли вы поверить в себя? Хотите ли вы как личность поверить в то, что *сила* является вашей от рождения? И, прежде всего, хотите ли вы изменить свои поступки, выйти за рамки разделенности и взяться за руки с теми, кто мечтает о свободе для каждого?

Если вы считаете, что имеете все, необходимое для успеха, поднимайтесь и становитесь рядом. Перестаньте потворствовать ощущениям беспомощности и безволия. Каким бы незначительным и слабым ни был человек, каждый может что-нибудь сделать, и я могу заверить вас, что в наше время крайней нужды огромную важность имеют самые малые свершения. Для преодоления того испытания, с которым столкнулось человечество, потребуется каждый человек

независимо от его способностей и дарований, — именно потому эта возможность является совершенно беспримерной. Таким образом, пределом является не небо, а только вера человека в самого себя.

Мы отнюдь не призываем вас начать борьбу с государством или взять в руки оружие — мы предлагаем бороться с социальной обусловленностью и вооружиться *трезвостью*, смелостью и духом воина. Нужна не новая мировая война, а мировая революция — революция в образе мышления человека и его системе убеждений. Не нужно низвергать правительства; люди всего мира просто должны потребовать назад свою *силу* и больше не верить ее нечистоплотным типам, занятым исключительно личными амбициями и пользующимся для этого понятием демократии. Дело не в том, чтобы уничтожить правовую систему, так как в этом случае человечество охватит невиданная прежде анархия; на самом деле люди просто должны подвергнуть сомнению те поразительно устаревшие законодательные догмы, которые опираются на социальную обусловленность человека. Нам необходимо постичь всеобщий закон и следовать ему, однако при этом нет никаких оснований подвергать личность грубой несправедливости и унижению с помощью изобретенных самим человеком законов, основанных на неведении и предубежденности, — особенно тех распространенных законов, которые нарушают конституцию страны и ее декларацию прав человека. С теми же мерками следует подходить ко всем прочим сферам человеческой деятельности — к религии, науке, образованию и медицине, поскольку юридическая практика лишь отражает положение в этих сферах. Людям всего мира пора прекратить доверять свои жизни и свое будущее так называемым «специалистам»; мы должны начать пользоваться умениями мыслить и *различать* самостоятельно.

Все это на сто процентов связано с ответственностью каждой личности, так как только сам человек может заявить права на свою *силу*. Никто другой не сделает этого за нас или от нашего имени. Если люди всего мира откликнутся на ту возможность, которая открывается перед нами на этом перекрестке, все мы увидим, как воплощается в жизнь то, что Толтеки называют *Знанием Драконов*.

Понятие *Знания Драконов* нелегко описать рациональными терминами; достаточно будет сказать, что оно представляет собой результат приведения в действие той части осознания, которую называют *умением различать*. *Знание Драконов* берет начало в *трезвости*, а завершается тем, что можно назвать только подлинным выражением богоподобных потенциальных возможностей человека как магического существа Вселенной. Суеверные представления и выдумки заставили человека считать, что волшебство достигается неким сверхъестественным процессом, но это не так. Волшебство человека возникает благодаря проявлению *трезвости*, которая в конечном итоге ведет к *акту намерения*. По этой причине то, что кажется непосвященному магией, представляет собой исключительно действие *намерения* — той потенциальной способности, что присуща любому человеку, даже ребенку. Следует осознать, что только глупцы в благоговении замирают, наблюдая за тем, кто проявляет свои потенциальные возможности. Ни один здравомыслящий человек не станет, словно деревенский дурачок, пялиться на профессионального теннисиста и шептать какие-нибудь нелепицы насчет «сверхъестественного». Мы можем с восхищением и восторгом рукоплескать мастерству и подготовке теннисиста, но отношение к его умению как к чему-то сверхъестественному означало бы простое невежество.

Знание Драконов представляет собой выражение подлинной природы человека. Однако для того, чтобы стать профессиональным теннисистом, требуются долгие годы упорных тренировок — аналогичным образом, для того чтобы начать открывать подлинную природу человека, нужно множество жизней еще более трудной подготовки. Впрочем, следует понять и то, что начать

можно лишь с того места, где мы находимся сейчас, и если мы не сделаем первый шаг, то никогда не сдвинемся с этого места. Таким образом, несмотря на то, что сейчас подлинная природа человека может казаться чем-то туманным, находящимся «где-то там», именно текущее мгновение является началом подлинного человека, мигом рождения новой звезды.

Величайшие разумные сущности, которые время от времени проявляются в тех обителях, которые мы именуем звездами, начинают свое физическое существование с использования своего *намерения* для того, чтобы собрать вокруг холодные и разреженные газы. Затем, используя тот аспект своего целенаправленного *намерения*, который в науке называют силой гравитации, эти сущности начинают овеществлять из этих газов то, чему предстоит стать звездой. Подлинный человек, микрокосм в макрокосме, в действительности являет собой солнечную сущность. Когда-нибудь человеческое существо достигнет в своей эволюции того уровня, на котором его истинная внутренняя природа сможет проявиться в жизни на плотном физическом плане, — и тогда, подобно своему прародителю, внутреннее ядро человеческого существа начнет направлять свое *намерение* и собирать вокруг себя то, что называют *Туманами Знания Драконов*. Таково начало рождения подлинного человека — волшебного существа, обладающего всеми потенциальными возможностями, всей *силой* настоящей звезды.

Как уже было сказано, все готово к началу: люди в целом уже готовы начать свою карьеру, но уже не как человеческие существа, а как подлинные люди, как звезды Вселенной. Откликаясь на *намерение* человечества, туманы уже начали сгущаться; прилив эволюции уже невозможно остановить, но, подобно процессу рождения звезды, эта эволюция является невероятно неустойчивой и потому может иметь опасные последствия — точно так же, как текущий период истории человечества, отмечающий приближение кризиса. Именно по этой причине в настоящее время таким важным становится умение различить — успех этого рождения целиком зависит от отдельного человеческого существа.

Чтобы полностью понять все, о чем говорилось выше, не следует забывать о том, что есть только одна жизнь и только одно осознание. Каждая личность является частицей этой единой жизни и единого осознания. Иными словами, каждый человек подобен частице газа — одна такая частица не может стать звездой по той простой причине, что связанная с образованием звезд механика требует взаимодействия невыразимо большого числа частиц. То же справедливо и по отношению к человеку, и именно потому *сновидящие человечества* обладают исключительно *групповым сознанием*.

Настоящее групповое сознание не имеет ничего общего с теми моральными проблемами, с которыми его связывает большинство людей, — его основы заключаются в *разумном сотрудничестве*, опирающемся на взаимозависимость, взаимодействие и, следовательно, на взаимосвязанность всего живого. Оно совсем не означает, что личность никогда не может стать настоящим, независимым человеком, — напротив, для того, чтобы добиться этого, личность должна отбросить представления о разделенности и слиться с групповым сознанием. По этой причине в данной книге большое внимание уделяется тем предварительным шагам, которые ведут к групповому сознанию и совершенно необходимы для превращения в подлинного человека и, следовательно, для всех форм настоящей *магии*.

Пояснив все это, я могу подробнее рассказать о том, что именно имел в виду, когда утверждал, что Толтеки сделают все возможное, чтобы учения Толтеков никогда не были использованы как оружие против отдельных личностей или групп, но одновременно оставались собственностью всех и каждого. Сказанного выше вполне достаточно, чтобы понять, что у каждой личности есть совершенно реальные возможности высвободить свои подлинные потенциальные способности, но в тех случаях, когда это делается исключительно силами самой личности, неизбежно возникает искушение злоупотребления обретенной *силой*. Хотя для того,

чтобы получить такую силу, необходима та или иная форма группового сознания, нужно понимать, что существует множество таких форм, равно как и множество побуждений, заставляющих стремиться к силе. Иными словами, групповое сознание само по себе не гарантирует ни бескорыстности, ни полного отсутствия вреда.

Единственной формой группового сознания, которая обеспечивает бескорыстие и безопасность ее членов, является та его форма, которая опирается на воссоединение человека с его внутренней сущностью, так как *сновидящие человечества* отдают себе полный отчет в тех опасностях, которые связаны с *эгоистичностью*. Понимая это, все Воины Свободы наших дней с презрением отказываются от любых аспектов своего обширного наследия практик, которые опираются или просто подразумевают ощущение разделенности. По той же причине та форма, в какой я передаю эти учения в своих книгах, гарантирует, что для извлечения из них реальной пользы читателю придется обратиться к групповому сознанию *сновидящих человечества*. Передача этих учений каким-либо иным способом стала бы настолько же неразумным поступком, как, к примеру, попытка дать детям атомную бомбу для проведения фейерверка,

Крик Орла уже прозвучал, и теперь открывшиеся перед каждым человеком возможности стали поистине безграничными. *Туманы Знания Драконов* начали сгущаться, и в этой книге я расскажу о тех предварительных шагах, которые следует предпринять в начале раскрытия своих подлинных потенциальных способностей. Однако для того, чтобы извлечь прок из этих учений, читателю нужно, прежде всего, хотя бы *попытаться* выполнить три условия. Во-первых, вы должны начать верить в себя, во-вторых, постараться избавиться от ощущения разделенности и, в-третьих, воспрянуть духом, набраться смелости и соединить руки в искреннем проявлении настоящей демократии, опирающейся на групповое сознание, которое порождено *разумным сотрудничеством*, — а оно, в свою очередь, основано на взаимосвязанности всего живого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОН

В глубоком сне поплывут сыны человеческие, временами кратко касаясь единой силы, временами проскальзывая мимо копья, но обычно не понимая, чем были эти мимолетные встречи, вспыхивавшие в их сокровенной сущности. Лишившись памяти о том, что значит быть человеком, сыны человеческие должны будут вновь пробудить в себе способности к чудесам.

Ибо эпоха за эпохой небеса над сынами человеческими будут оставаться чистыми и холодными, словно хмурый и призрачный серый сон, — лишь изредка мелькнет где-то искорка света, когда кто-то один проснется и вспомнит безумие своего сна.

Но... при воспоминании об этом безумии маленький огонек увеличивается... вспыхивает внезапно и неистово... крошечное пламя... да, совсем крошечное... мельчайшее... и все же это — пламя... маленькая надежда на то, что сон не будет тянуться вечно.

Медленно... медленно... каждая крошечная вспышка пламени окутывается малыми крапинками тумана... смотрите же!... откликаясь на эти частицы тумана, спящие начинают спать беспокойно!

Из пророчеств Безымянного

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧЕТЫРЕ ПОСТУЛАТА СТАЛКИНГА

НЕСЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ОГРАНИЧЕННОСТЬ КОНЕЧНОГО РАЗУМА ЗАСТАВЛЯЕТ ЕГО ВЗИРАТЬ НА ЗАГАДКИ БЫТИЯ КАК НА СКУЧНЫЕ ОБЫДЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ, НЕ ИМЕЮЩИЕ ОСОБОГО ЗНАЧЕНИЯ.

Тот факт, что *Туманы Знания Драконов* начинают сгущаться, доказывает, что люди начали осознавать свои подлинные потенциальные способности, хотя пока это происходит на самом глубочайшем, неосознанном уровне понимания. Однако, если человеку предстоит развить все потенциальные возможности, ему совершенно необходимо сознательно ощутить эти глубинные изменения, так как это позволит ему понять, что люди должны использовать любое испытание, включая и современные мировые события, как средство извлечения своих скрытых потенциальных способностей.

В двух предшествующих книгах были заложены основы, необходимые для рассказа о более развитых принципах учений Толтеков, и теперь можно начать описание практических методов. При этом нам придется вернуться к тем техникам, о которых уже говорилось, чтобы рассмотреть их более глубокий смысл, так как именно они дают начало продвинутым практикам Пути Воина.

Учитывая этот глубинный смысл, а также то, о чем говорилось во введении к этой книге, следует понять: если человечество собирается уловить мимолетный миг шанса, человеку действительно необходимо вырваться из своего предельно рационального подхода к жизни и самым осознанным и осмысленным образом обратиться к загадке своего бытия. Подлинное значение понятия «шанс» заключается в понимании тех возможностей, которые кроются в том или ином испытании; уловить *мимолетный миг шанса*, по существу, — значит извлечь максимальную пользу из таких возможностей.

Умение уловить мимолетный миг шанса означает и действие, и осуществление, и, поскольку для этого нужна сила, вполне уместно начать этот том с Севера — с направления силы, действия и в конечном счете осуществления. Однако по той причине, что Север по самой своей природе является также полем боя воина, обращение к этой стороне света неизменно влечет за собой вступление в битву, а это требует использования *щита воина*.

Характер и принципы использования *щита воина* уже описывались в книге «Возвращение Воинов», но, поскольку тот рассказ представлял собой краткое введение, нам нужно вернуться к этому важному принципу и рассмотреть его глубже. Необходимо понять, что использование *щита воина* представляет собой совсем не то, чем оно кажется на первый взгляд, так как любые дела воина носят характер стратегии. Следует осознавать и то, что все стратегии являются в действительности техниками (иногда составными), и каждая такая техника представляет собой многоцелевой инструмент, допускающий разнообразное применение. Это особенно справедливо в отношении *щита воина*; хотя его очевидное применение объяснено в «Возвращении Воинов», одна из глубочайших форм использования *щита воина* приводит к *неделанию*, которое, разумеется, связано с *искусством сталкинга*.

Искусство *сталкинга* представляет собой *тайну сердца*, и при размышлении о том, чем оно на самом деле является, становится очевидным, почему эта техника считается одним из трех искусств, необходимых для следования Пути Воина. Подвергая *сталкинг* более пристальному рассмотрению, важно понимать, что его основы кроются в *акте восприятия* — одной из величайших загадок, известных человеку.

Хотя большинство людей считают акт восприятия совершенно обыденным действием, это

невероятно важное явление всегда увлекало Толтеков, которые понимали, что в нем кроется универсальный ключ ко всем проявлениям подлинной *силы*. Почему разные люди воспринимают одно и то же событие по-разному и почему одни люди умеют воспринимать нечто такое, на что другие не обращают внимания, — только два из огромного числа вопросов, из поколения в поколение занимавших самых опытных *Тотеков-видящих*. И все же, несмотря на самые самоотверженные исследования, современные Толтеки подошли к раскрытию тайны восприятия не намного ближе, чем на заре своей работы. Им удалось лишь добиться еще большей искусности в актах восприятия и в результате накопить огромный опыт и, следовательно, огромные знания; однако разгадка тайны этого самого основополагающего явления по-прежнему ускользает от любого человека.

ПОСКОЛЬКУ АКТ ВОСПРИЯТИЯ ВКЛЮЧАЕТ В СЕБЯ ЗАГАДКУ НАМЕРЕНИЯ. ОН ТОЖЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЗАГАДКОЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДВУХ ЭТИХ ТАЙН ПОРОЖДАЕТ ТУМАНЫ ЗНАНИЯ ДРАКОНОВ

Как подчеркивает это изречение, причина того, что Толтеки- *видящие* еще не смогли разгадать тайну восприятия, заключается в том, что она связана с той загадочной силой, которую называют *намерением*. Таким образом, это в буквальном смысле пример загадки внутри загадки — одна взаимодействует с другой и порождает при этом третью тайну, а именно то явление, которое Толтеки называли *Туманами Знания Драконов*.

Во введении к этой книге уже упоминалось о том, что *Знания Драконов* нелегко выразить в логических категориях, которых требует рациональный ум человека. В действительности, во многих отношениях намного легче проводить рациональные рассуждения об акте восприятия и даже о силе *намерения*, чем о *Туманах Знания Драконов*. Причина этого заключается в том, что принцип *Знания Драконов* представляет собой один из тех странных парадоксов, что порождаются самим рациональным умом, поскольку этот принцип обладает невероятно глубоким смыслом, но в тот же миг, когда к нему применяют логику, он внезапно начинает выглядеть совершенно иррациональным. По этой причине все то, что до сих пор говорилось об *искусстве сталкинга*, позволяет без труда понять, почему оно считается загадкой. Акт восприятия, который на первый взгляд выглядит очень логичным и обыденным, представляет собой в действительности три загадки в одном явлении; поскольку *сталкинг* берет свое начало в этой тройственной тайне, его нельзя воспринимать буквально — к нему следует относиться как к особой загадке.

ЗАГАДКУ НЕВОЗМОЖНО РЕШИТЬ ПРИ ВЗГЛЯДЕ СО СТОРОНЫ ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ХОЧЕТ РАЗГАДАТЬ КАКУЮ-ЛИБО ТАЙНУ. ОН ДОЛЖЕН ЦЕЛИКОМ ПОГРУЗИТЬСЯ В НЕЕ. ПОСКОЛЬКУ ТОЛЬКО ТАК ОН СПОСОБЕН НАЧЕРТИТЬ КАРТУ НЕПОЗНАННОГО.

Буквальное значение этого изречения говорит само за себя, намекая на то, что любая загадка означает непознанное, а непознанное не может стать познанным, пока человек его не исследует. Тот же принцип применим к составлению карты неизведанной местности. Чтобы картограф смог начертить такую карту, он должен физически оказаться в данной местности. Однако если физическое проникновение и исследование неизведанной местности дается сравнительно легко, то переход в непознанные области человеческой души представляет собой совсем иную по сложности задачу, и именно это позволяет оценить глубину смысла приведенного изречения.

Ключ к этому глубинному значению кроется в словах «человек должен целиком погрузиться в эту загадку». Это один из труднейших для понимания ученика принципов, так как его подлинное содержание фактически не может быть выражено словами. В результате каждый ученик первоначально допускает ошибку, полагая, что полное погружение в загадку — просто оборот речи. Однако одаренный ученик достаточно быстро приходит к пониманию того, что

сталкеры, как правило, не пользуются метафорами, но даже в тех случаях, когда им приходится это делать, такие метафоры неизменно оказываются выражениями абстрактной действительности, превосходящей ограничения конечного разума. Таким образом, выражение «целиком погрузиться в загадку» намного превосходит обычное значение понятий «погрузиться», «глубоко увлечься» или «направить все свои мысли». На самом деле, эти слова несут в себе ключ к настоящему искусству *сталкинга*, в особенности, к искусству *выслеживания себя*, то есть *неделания*.

Особенно примечателен тот факт, что, когда речь заходит о *неделании*, ученик обычно воспринимает эти учения в буквальном смысле и, таким образом, оказывается в ловушке предполагаемого понимания. Как и обо всех прочих принципах и техниках, о *неделании* можно говорить лишь в рациональных категориях. Каждый человек может начать только с того уровня, на котором он находится в текущий момент; поскольку все ученики начинают с уровня полной ограниченности логикой рационального ума, вполне естественно, что вначале они относятся к этим учениям с рациональной позиции. Это особенно справедливо в отношении тех техник, которые оказывают влияние на осознанность правой стороны, так как ученик почти неосознанно полагает, что ему предоставлено право применять в этих практиках

только свой рациональный ум. Ему просто не приходит в голову, что он еще не полностью постиг подлинную природу осознания правой стороны, поскольку ученик считает само собой разумеющимся, что его собственное, особое восприятие осознания правой стороны непременно должно быть верным. В результате техника *неделания* неизбежно воспринимается в буквальном смысле, и такое понимание закрепляется надолго.

И *сталкинг*, и *неделание* действительно оказывают воздействие на осознание правой стороны, но это не означает, что мы можем позволить себе воспринимать их буквально. Подлинная причина того, что эти две техники влияют на осознание правой стороны, становится очевидной при дальнейших размышлениях об их более глубоком смысле, но сейчас достаточно будет сказать, что подлинный смысл обеих техник заключается в том, что они оказывают воздействие на акт восприятия, который большая часть людей способна замечать только в обычном состоянии осознания.

Впрочем, в отличие от обычных людей, воины не допускают ошибки, предполагая, что их восприятие чего-либо является окончательной реальностью. На собственном опыте усвоив тот факт, что акт восприятия всегда отражает взгляд человека на мир, воины не принимают свое восприятие за чистую монету, так как знают, что при любых изменениях взгляда на мир происходят перемены и в том, как человек воспринимает мир и самого себя. По этой причине воины принимают то, что они воспринимают, одновременно не принимая это, и верят своему восприятию, не доверяя ему. Таково *неделание* воина; благодаря такой практике он избегает одержимости поверхностным значением явлений — будь то проблема, приятное переживание, утверждение другого человека, поведение окружающих или некий принцип или техника учений Толтеков.

Вследствие этого, когда речь идет о том, что человек должен целиком погрузиться в какую-либо загадку, воин без тени сомнений понимает, что он столкнулся с метафорическим описанием некоей действительности, которую невозможно выразить словами. Отдавая себе отчет в этом, воин осознает, что совершенно глупо задавать вопрос о том, как именно этого следует добиваться, — если бы это можно было пояснить словами, то не возникло бы никакой необходимости пользоваться метафорой. Вместо этого воин занимается *неделанием*, то есть начинает *выслеживать* свое восприятие этого утверждения. Именно в этот момент рациональный ум ученика с неизбежностью переворачивается с ног на голову — и, даже не задумываясь об этом, ученик задает неуместный вопрос: «Как?»

Выслеживать собственное восприятие не так трудно, как объяснить это действие. Вообще говоря, это относится ко всему, что делают воины, но до тех пор, пока человек не поймет, как именно это делается, этот принцип выглядит очень сложным — впрочем, лишь потому, что рациональный ум упорно все усложняет. Как только человек понимает, как именно что-то делается, он обнаруживает, что сложным было не само действие, а его объяснение тому, кто склонен все усложнять. Толтеки разработали определенные наставления для учеников, позволяющие им самостоятельно разбираться в том, что невозможно выразить словами. Эти наставления называют *постулатами*, или предпосылками; обычно они представляются наборами. Набор предпосылок, который дается ученикам в качестве помощи в изучении того, что значит *выслеживать* свое восприятие, называют *четырьмя постулатами сталкинга*. Традиционно их представляют в виде следующего изречения:

СЛЕДУЕТ ПОНИМАТЬ, ЧТО, ВО-ПЕРВЫХ, ВСЬ МИР И ТО, ЧТО ОН В СЕБЯ ВКЛЮЧАЕТ, ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ БЕСКОНЕЧНУЮ ЗАГАДКУ;

ВО-ВТОРЫХ, ДОЛГ ВОИНА ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В РАЗГАДКЕ ЭТОЙ ТАЙНЫ, ХОТЯ ОН НИКОГДА НЕ ДОЛЖЕН ПРЕДАВАТЬСЯ НАДЕЖДЕ НА ТО, ЧТО ЭТО ЕМУ УДАТСЯ;

В-ТРЕТЬИХ, ВОИНЫ ОСОЗНАЮТ ОКРУЖАЮЩУЮ ИХ БЕСКОНЕЧНУЮ ЗАГАДКУ, СЧИТАЮТ САМИХ СЕБЯ ЕЕ ЧАСТЬЮ И, ЗНАЯ, ЧТО ИХ ДОЛГ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В РАЗГАДКЕ ЭТОЙ ТАЙНЫ, СТАНОВЯТСЯ ЕДИНЫМИ С НЕЙ;

В-ЧЕТВЕРТЫХ, БУДУЧИ ЕДИНЫМИ С ЭТОЙ ЗАГАДКОЙ, ВОИНЫ ПРИХОДЯТ К ПОНИМАНИЮ ТОГО, ЧТО ОСНОВОЙ ТАЙНЫ ЯВЛЯЕТСЯ БЕСКОНЕЧНАЯ ЗАГАДОЧНОСТЬ БЫТИЯ ВСЕ СУЩЕГО — АТОМА, КАМНЯ, РАСТЕНИЯ, ЖИВОТНОГО, ЧЕЛОВЕКА ИЛИ СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ.

ДОСТИГНУВ ТАКОГО ОСОЗНАНИЯ, ВОИН ОБРЕТАЕТ ПОДЛИННОЕ СМИРЕНИЕ, ТАК КАК В ЭТОЙ ЗАГАДКЕ БЫТИЯ ВСЕ РАВНЫ.

Нет нужды говорить о том, что вначале ученику очень трудно на практике воплотить эти наставления в своей повседневной жизни. Ему просто нелегко считать этот мир загадкой, так как его учили, что все допускает рациональное объяснение; ему нелегко считать себя частью этой загадки, поскольку большую часть своей жизни он верил, что знает самого себя. Сходным образом, ему нелегко считать насекомое равным себе, так как в ученике воспитывали веру в то, что люди являются высшей формой жизни. Однако именно по этим причинам Толтеки разработали свои *постулаты*. Прекрасно понимая, что ученики не могут жить в соответствии с этими принципами, нагвали с незапамятных времен *выслеживали* своих учеников и подталкивали их к подлинному обучению, давая им эти *постулаты*.

Чтобы понять, как они работают, следует осознать, что во время борьбы за воплощение этих *постулатов* на практике у ученика остается только один выбор: задаться вопросом о том, почему он раз за разом терпит в этом неудачу. Когда такой ученик приходит к своему Нагвалю и спрашивает, почему ему не удастся воплотить эти наставления на практике, тот обычно отвечает, что, вероятно, на самом деле ученику не хочется изменяться или, возможно, Путь Воина не является его *путем с сердцем*. Столкнувшись с таким вызовом, ученик немедленно и в полном отчаянии прилагает все свои силы, чтобы убедить Нагваля в том, что это все-таки его *путь с сердцем*, и он по-настоящему хочет измениться. Разумеется, при этом ученик убеждает не Нагваля, а самого себя, и это приводит его к подлинным основам всего затруднения.

Если бы Нагваль не был убежден в искренности ученика, он незамедлительно прервал бы его обучение, и ученик тоже это понимает. Совершенно очевидно, что, сталкивая ученика с самим собой, Нагваль *выслеживает* его. Однако вся красота этого маневра заключается в том, что, даже если ученик понимает, что его *выслеживают*, он прекрасно осознает и то, что *сталкер* никогда не лжет, и в результате оказывается в неловком положении, так как становится

жертвой собственного некорректного вопроса.

У оказавшегося меж двух огней ученика есть только две возможности: либо отнестись к словам Нагваля буквально (в этом случае ученик должен признать, что ему действительно мешает отсутствие должной старательности), либо понять, что его *выслеживают* (в этом случае он допускает, что в наставлениях Нагваля есть некая еще не постижимая для ученика истина). Однако независимо от того, какой выбор сделает ученик, это все равно приведет к тому, что ему придется провести переоценку и своих побуждений, и своих достижений. Делая это как самостоятельно, так и с помощью Нагваля, ученик невольно начинает *выслеживать* собственное восприятие самого себя и окружающих обстоятельств. Наконец, сознавая, что он не может позволить себе принимать собственное восприятие за чистую монету, ученик начинает видеть свои убеждения и поведение в совершенно ином свете. Лишаясь убежденности в том, что он знает самого себя, такой ученик начинает достаточно безжалостно подвергать сомнению все свои качества.

Однако подлинный смысл такого маневра заходит намного дальше всех этих пояснений. Предоставляя ученику ряд наставлений, которые, как заранее известно, ученик никогда не сможет исполнить, Нагваль действительно обманывает его: заставляет, во-первых, *выслеживать* собственное восприятие, во-вторых, почти неосознанно начать считать самого себя загадкой и, в-третьих, сгущать вокруг себя *Туманы Знания Драконов*. Такое тройное воздействие возникает и в том случае, когда ученик ничего не знает о них заблаговременно, и тогда, когда он прекрасно осознает, что его *выслеживают*. В этом кроется чудо рационального ума человека. В своем развитии рациональный ум стал настолько сообразительным, что с невероятной легкостью попадает в ловушку собственного ума. Вообще говоря, рациональный ум так «разумен», что готов сотрудничать с подобным маневром, если тот будет заранее объяснен, так как рациональность легко обхитрить ее собственной логичностью, ее ощущениями страха и тщеславия, — даже тогда, когда он знает, что это ловушка!

В конечном счете именно умение поймать рациональный ум в ловушку при помощи его собственной сообразительности, страха или тщеславия и представляет собой искусство настоящего *сталкера*. Однако человек по-прежнему не может позволить себе принимать это за чистую монету, поскольку *сталкер* добивается искусности, только упражняясь на самом себе. Невозможно научиться *выслеживать других*, не умея *выслеживать себя*; по этой причине, едва только ученик начинает понимать, как действует его собственный разум и насколько легко заманить его в ловушку утомительным и упорным желанием быть во главе, этот ученик становится способным *выслеживать других*. Еще более важным является то, что, начиная видеть ограниченность собственного восприятия и ту повышенную серьезность, с какой человек всегда верит в свою правоту, ученик оказывается в том положении, которое позволяет ему по-настоящему *выслеживать* свое восприятие и, следовательно, собственную рациональность.

Прекращая считать свое восприятие неизменным, ученик быстро обнаруживает, что награды такой свободы намного превышают все усилия, которые потребовались для того, чтобы достичь этого уровня. Во-первых, начинает исчезать желание оценивать чужие поступки, и в результате ученик не растрчивает драгоценное время и *личную силу на* попытки оправдать или осудить свои мнения и действия. Вместо этого он начинает понимать собственную глупость, а с таким осознанием приходит и настоящее умение смеяться над самим собой. Во-вторых, на собственном опыте постигнув, что люди действительно являются загадочными существами, ученик учится избавляться от тревоги в отношении того, что он еще не обрел полного понимания. Медленно, но уверенно он осознает, что одной жизни никогда не хватит для полного решения загадки собственного бытия; после этого ученик постепенно достигает того состояния ума, которое можно назвать только подлинным терпением. В-третьих, убедившись в

пользе самого *сталкинга*, ученик уже не *упражняется* в *неделании* — он начинает *жить неделанием* при этом учится тому, что тот же принцип применим и ко всему прочему, что встречается на Пути Воина.

В противоположность практике учений, *умение жить учениями* представляет собой такую концепцию, какую ученик меньше всего может позволить себе понимать буквально, так как совокупные результаты *умения жить учениями* представляют собой загадочное явление под названием *Знания Драконов* — принцип, к которому, как уже заметил проницательный читатель, я постоянно возвращаюсь. Все это легче всего понять путем размышлений над следующим изречением:

В НАЧАЛЕ ПРИНЦИП ВОИНА КАЖЕТСЯ УЧЕНИКУ ВСЕГО ЛИШЬ РОМАНТИЧЕСКИМ ИДЕАЛОМ ПО МЕРЕ ОБУЧЕНИЯ УЧЕНИК НАЧИНАЕТ ГАДАТЬ. ВОЗМОЖНО ЛИ ВООБЩЕ ВЫПОЛНИТЬ ВСЕ ПОСТАВЛЕННЫЕ ПЕРЕД НИМ ЗАДАЧИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ОН ТЕРЯЕТ БЫЛУЮ УБЕЖДЕННОСТЬ. КОТОРАЯ БЫЛА СВОЙСТВЕННА ЕМУ В НАЧАЛЕ. ОДНАКО, ЛИШАЯСЬ УБЕЖДЕННОСТИ. УЧЕНИК НЕПРЕМЕННО ПОПАДАЕТ В ТУ ЛОВУШКУ. КОТОРАЯ БЫЛА УГОТОВАНА ДЛЯ НЕГО НАГВАЛЕМ. НЕ ОСОЗНАВАЯ ЭТОГО. УЧЕНИК НАЧИНАЕТ СЧИТАТЬ ПУТЬ ВОИНА МИФОМ. В ТОТ МИГ. КОГДА НАГВАЛЬ ПОНИМАЕТ ЭТО. ОН ПОДВЕРГАЕТ УБЕЖДЕННОСТЬ УЧЕНИКА ВСЕВОЗМОЖНЫМ ИСПЫТАНИЯМ: НЕ ИМЕЯ ИНОГО ВЫХОДА. КРОМЕ ВСТУПЛЕНИЯ В БИТВУ. УЧЕНИК УПОРНО ПЫТАЕТСЯ УБЕДИТЬ НАГВАЛЯ В ТОМ. ЧТО СТАРАЕТСЯ ИЗО ВСЕХ СИЛ. ОДНАКО ПРИ ЭТОМ УЧЕНИК ОКАЗЫВАЕТСЯ В ЛОВУШКЕ ТОГО МИФА. ЧТО БЫЛ СОЗДАН ИМ САМИМ. ОКАЗАВШИСЬ В ЗАПАДНЕ ЭТОГО МИФА. ОН НЕОСОЗНАННО НАЧИНАЕТ ЖИТЬ ЭТИМ МИФОМ В СТРЕМЛЕНИИ БЫТЬ БЕЗУПРЕЧНЫМ — И ЖИВЕТ ЭТИМ МИФОМ ДО ТЕХ ПОР. ПОКА НЕ СТАНОВИТСЯ ИМ.

Ввиду всего, что было сказано выше, понять смысл этого изречения совсем не трудно. Все мы вступаем на Путь Воина со своим собственным багажом, и этот багаж мало чем отличается от багажа другого человека, так как его содержимым являются предубеждения и заранее составленные представления, накопленные из-за социальной обусловленности. Пожалуй, самым вредоносным представлением из всех этих пожитков является надежда на то, что нас *научат* тому, как стать воинами. Пока ученик цепляется за эту мысль, он почти ничему не учится — во-первых, потому, что подлинные учения невозможно выразить словами, и, во-вторых, по той причине, что *сила* является тем знанием, которое можно усвоить только на личном опыте. Более того, поскольку ученик надеется на то, что его всему научат, он не воплощает учения на практике, а просто садится и ждет, пока Нагваль вручит ему учения.

Однако следует понимать, что знания, как и *силу* невозможно передать. Чтобы получить *силу*, нужно *заявить свои права* на нее посредством личного опыта. По этой причине единственным, что может предложить Нагваль, являются наставления в том, как лучше всего встречать свои испытания и извлекать из них собственные *дары силы*.

Возможно, это одно из труднейших положений, с которыми сталкивается любой ученик, так как ученикам не хочется верить, что все знания и всю *силу*, на которые только можно надеяться, они могут найти в повседневной жизни. Так или иначе, ученик непременно приходит к Нагвалю в надежде на то, что у того есть некая волшебная палочка; они ожидают, что в тот момент, когда Нагваль решит, что ученик уже готов, он вынет такую волшебную палочку и превратит ученика в грозного воина. Увы! Хотя некоторые нечистоплотные личности поддерживают такое суеверие, чтобы опустошать кошельки своих учеников, Толтекам до сих пор не удалось найти такой могущественной палочки, несмотря на все их знания и *силу*.

Нагвали являются поистине могущественными существами и, в зависимости от конкретных форм подготовки, могут обладать совершенно необычайными способностями. Однако

независимо от своего могущества нагваль не может воспользоваться своей *силой* для преобразования того ученика, который не верит в самого себя. Если нагваль захочет, он может (и в прошлом это часто случалось) организовать нечто вроде непрерывного бега по кругу цирковой арены в надежде на то, что это заставит учеников учиться. Он способен вталкивать учеников в повышенное осознание и выдергивать из него, словно играя японской игрушкой йо-йо. Он может удивлять и пугать их, сменяя один впечатляющий ритуал другим. Одним лишь звучанием своего голоса он может сдвигать *точки сборки* своих учеников, и те испытают головокружение, начнут смеяться или рыдать. Он способен менять их восприятие, приковывая их внимание только взглядом. Если же все эти приемы терпят крах, нагваль может прибегнуть к своим способностям *видящего* и вселить в своих учеников страх перед адом. Но в конечном счете несмотря на все изумление учеников, несмотря на то, что они будут усаживаться в уголке, чтобы, затаив дыхание, нашептывать друг другу о всех тех чудесах, свидетелями которых они были, — несмотря на все это, они ничуть не станут мудрее и по-прежнему останутся такими же беспомощными, какими были раньше.

В действительности нагваль может сделать для своих учеников только одно: направить к изучению их собственных внутренних способностей и пояснить, как воспользоваться этими способностями, чтобы заявить свои права на *силу*. Но это возможно лишь тогда, когда ученик хочет начать работу над изменением своей жизни и таким образом привести в движение те аспекты учений, которые важны для него на текущем этапе. Любой полученный фрагмент учений следует воплощать на практике, если только он может принести какую-либо пользу, так как совершенно невозможно упражняться в тех положениях, которые не могут быть использованы для преодоления испытаний. В этом и заключается величайшая трудность, так как ученики никогда не замечают своих подлинных испытаний, но даже если это им удастся, они предпочитают, чтобы Нагваль исполнил какой-нибудь волшебный трюк, — вместо того, чтобы встретить эти испытания самостоятельно и извлечь из них *дары силы*.

Первое, что приходится делать Нагвалю с новым учеником, — лишить его уверенности в том, что Нагваль сделает все за него. Если этого не случится, ученик останется зависимым человеком и никогда не сумеет заявить свои права на *силу*, с другой стороны, если Нагваль слишком энергично вытряхнет из ученика такую веру, он подвергает его риску потери уверенности в себе, и в результате ученик станет не менее зависимым. Иными словами, ученика следует подвести к такому положению, в каком он сам сможет понять, что все его убеждения представляют собой лишь бездумные надежды, опирающиеся на большей частью ошибочный взгляд на мир; в то же время следует с большим вниманием следить за тем, чтобы ученик не потерял голову, когда начнет сознавать, что вся его жизнь была основана на лжи и неверных представлениях.

Нагваль может направить ученика единственным способом: с помощью этого хитроумного маневра настроить его так, чтобы ученик почти неосознанно начал рассматривать учения как форму мифа. Следует понимать, что миф представляет собой нечто такое, в отношении чего большая часть людей не может определиться — то ли воспринимать это серьезно, то ли не обращать на это никакого внимания. Это чрезвычайно важный принцип, поскольку, когда ученик начинает относиться к учениям таким образом, он, не осознавая этого, лишается своих надежд; с другой стороны, он не уверен в том, должен ли верить происходящему, и потому ему не угрожают потеря уверенности в себе и в своих суждениях. Однако, не будучи уверенным ни в том, что ему когда-нибудь доведется изучить нечто по-настоящему ценное, ни в том, что, покончив с обучением, он сможет вернуться к прежнему образу жизни, ученик оказывается в ловушке мифа, который был создан им самим — и, разумеется, с незаметным участием Нагваля. После этого Нагваль начинает *выслеживать* ученика и подталкивать его к правильному

расположению духа, передавая *четыре постулата сталкинга*, — вначале это обычно делается неявно, так как по традиции формальная передача этих *постулатов* ученику проводится на более поздних этапах обучения.

Когда ученик оказывается в ловушке этого мифа, Нагваль продолжает устраивать ему те или иные испытания, в результате чего ученику приходится вступать в битву за собственное достоинство. Более того, своими непрерывными попытками убедить

Нагваля в том, что он действительно больше всего на свете хочет стать воином, ученик в действительности постоянно убеждает самого себя в том, что способен и достоин им стать и сделает все для достижения успеха в этом.

Это прекрасное расположение духа — оно является единственным условием, которое гарантирует, что ученик действительно предпримет все требуемые *усилия* для того, чтобы жить как воин. Усилия к тому, чтобы жить как воин, — вот что называют практическим применением учений; в отличие от прежнего образа жизни, именно подлинная *практика* учений является настоящим *неделанием* ученика, пусть даже он не отдает себе в этом отчета. Следует понимать, что любые формы сознательного *неделания* ученика несут в себе единственное практическое значение: они способствуют его усилиям упражняться в жизни воина.

В этот период своего обучения ученик очень четко осознает тот факт, что он отчаянно *пытается* жить как воин, но ему все еще очень далеко до того уровня, когда он сможет заявить о таком статусе, — и Нагваль постоянно напоминает ученику об этом факте. Иными словами, ученик понимает, что он живет мифом, но, пребывая в ловушке этого мифа, понимает и то, что не может позволить себе все бросить, и потому у него остается единственный выход: прилагать все свои силы к тому, чтобы жить этим мифом *безупречно*. На практике это означает, что ученик уже не просто пытается упражняться в *неделании* с целью достижения некоего романтического идеала, — он оказывается настолько поглощенным своими попытками выжить под непрерывным натиском Нагваля, что, по существу, начинает жить *неделанием*.

В тот момент, когда ученик начинает жить так, словно вся его жизнь — *неделание*, он приводит в действие внутреннюю цепную реакцию, которую уже невозможно остановить. С этого мгновения он безостановочно *выслеживает* свое восприятие и уже не испытывает потребности задавать некорректные вопросы, — вместо этого он начинает формулировать такие вопросы, которые, как он чувствует, приведут его к более глубокому пониманию собственных потенциальных возможностей. Теперь, когда он перестал сидеть с надутым видом из-за того, что Нагваль не оправдывает его ожиданий, но вместо этого принял на себя полную ответственность за свою жизнь, за свои знания и, следовательно, за свою *силу*, ученик может направить все свои усилия, чтобы вести *безупречный* образ жизни воина; при этом он приходит к осознанию того, что это можно сделать только в рамках своей повседневной жизни.

Такие разительные перемены в настроении ученика отмечают имеющую первостепенное значение переломную точку, в которой начинается процесс преобразования, — и он вызван не тем, что Нагваль взмахнул волшебной палочкой, а лишь тем, что он хитростью заставил самого ученика начать внутри себя этот процесс, заставив его сражаться за выживание, сохранение здравого смысла и в конечном итоге за уважение к себе. Это — величайший *дар силы*, какой Нагваль может вручить ученику. Освободиться от истощающих ограничений нашей социальной обусловленности, вернуть себе веру в собственное достоинство и в свои потенциальные способности — это поистине огромный подарок, но даже он становится блеклым и незначительным в сравнении с даром преобразования, которым ученик наделяет самого себя в том процессе, который приводит его к этой переломной точке.

Важнейшим аспектом этого акта преобразования является неуловимое явление под названием *Туманы Знания Драконов*. Я надеюсь, что после этого необходимого вступления у

читателя уже не возникнет искушения отнести к этому принципу поверхностно и он загорится желанием узнать множество тех сложных тонкостей, описать которые словами с незапамятных времен тщетно пытаются нагвали.

Самым сложным для словесного выражения принципом, связанным со *Знаниями Драконов*, является тот факт, что человек обладает способностью воплощать в действительность свои мечты. Большинству людей легко понять это на примере осязаемых предметов. К примеру, многие с готовностью согласятся с тем, что если человек мечтает когда-нибудь открыть собственное дело, купить спортивную машину или прекрасный дом, то достаточно упорные усилия помогут ему сделать эти мечты реальностью. Многие согласятся и с тем, что человек, мечтающий изобрести новый тип воздушного судна или даже новый принцип путешествий в космосе, действительно может сделать это, если посвятит такому занятию всю свою жизнь. Однако когда речь заходит о возможности воплотить в действительность свой подлинный потенциал магического существа Вселенной, большинство людей внезапно умолкают и начинают с подозрением поглядывать на того, кто пытается объяснить им, что это по силам каждому. И все же именно в этом и заключаются подлинные потенциальные возможности человека.

Как бы невероятно это ни звучало, каждый имеет возможность воплотить в действительность свои мечты с помощью магии. Человек — магическое создание, и потому магия, как и учения Толтеков, принадлежит ему по праву рождения. В жизни любого человека есть две возможности. С одной стороны, он может продолжать верить в то, что является жертвой обстоятельств своего рождения и жизни, что он не в силах это изменить, а до рождения и после смерти нет никакого существования. Если согласиться со всем этим, то жизнь на физическом плане становится бессмысленным занятием, не имеющим ни особой цели, ни какого-либо важного значения. С другой стороны, человек может верить в то, что он существует и за пределами физического мира, а единственная причина того, что он время от времени возникает на физическом плане, заключается в том, что ему нужно научиться воплощать все свои потенциальные возможности в действительность плотного, физического мира, преодолевая при этом многочисленные испытания, которые приносит ему такая форма существования. Если это справедливо, то ни один человек просто не может быть жертвой обстоятельств; если же он — не жертва, то, разумеется, обладает способностью изменять и самого себя, и свою жизнь. Однако такая способность означает магию в самом подлинном смысле этого слова, независимо от того, пользуется ли человек для этого волшебной палочкой или магией *превращения, преобразования и преображения*.

Единственными причинами, по которым люди не верят в свои магические способности, является либо то, что в своей приверженности суевериям и бабушкиным сказкам они ищут волшебную палочку, либо то, что, по их мнению, все можно объяснить рационально. Впрочем в конечном счете магия — это совсем не умение извлекать кроликов из шляпы или материализовать пару сережек прямо из ниоткуда; подлинная магия представляет собой способность создавать и разрушать — умение человека превратить свои недостатки в силу, способность преобразовать себя в *безупречных воинов духа человека*, возможность преобразить себя в подлинного человека, микрокосм в макрокосме. В этом кроется величайшая сила человека как магического существа Вселенной.

Как уже говорилось в «Возвращении Воинов», существуют две основные формы магии, которые называются *первым кольцом силы* и *вторым кольцом силы*. В настоящее время обе формы магии являются неотъемлемыми частями традиции Толтеков, однако Воины Свободы уже не обучают *первому кольцу силы* — по той простой причине, что эта форма магии не ведет к свободе.

Мы углубились в учения не так далеко, чтобы сейчас можно было пояснить всю разницу между этими двумя формами магии; быть может, пока достаточно будет одной аналогии. *Первое кольцо силы* можно сравнить с делением атома, а *второе кольцо силы* — с ядерным синтезом. Первая форма магии *отнимает*: отделяет, разделяет, устраняет и, в целом, разрушает что-либо. С другой стороны, вторая форма *добавляет*, то есть объединяет, исправляет, приносит нечто прежде отсутствовавшее и, в целом, поддерживает, улучшает и создает. Первая форма магии представляет собой *силу тоналя*, или материального, тогда как вторая — *силу нагваля*, то есть духовного. Сливаясь воедино, эти две формы порождают третью — *Знания Драконов*, подлинную *силу* человека.

Из вышесказанного должно быть ясно, что Воины Свободы отвергли *первое кольцо силы* не из-за его разрушающего свойства, так как разрушение занимает свое место во всеобщей схеме существования; это было сделано, скорее, для того, чтобы ни они сами, ни их ученики не попали в ловушку этой формы магии. Кроме того, если *первое кольцо силы* начинают развивать ранее *второго кольца*, то разделяющий характер силы этой формы магии не позволяет ученику осваивать *второе кольцо силы*. Несмотря на это, следует отдавать себе отчет в том, что воля духа человека заключается в воплощении всей полноты его потенциальных способностей на плотном, физическом плане, и потому подразумевает способности и созидать, и разрушать; это значит, что достижение *второго кольца силы* само собой приводит к использованию *первого кольца*.

Странной причудой человеческого рассудка является то, что люди с большей готовностью верят в отрицающее, чем в утверждающее. По этой причине, если сказать кому-нибудь, кто никогда не занимался магией, что он способен на это, человек либо просто не поверит, либо, хуже того, усядется с широко раскрытыми глазами и будет ждать, когда его научат это делать, — во всяком случае, до тех пор, пока этот миф не перестанет его увлекать. Однако другой странной и не менее парадоксальной причудой ума является то, что при столкновении с испытанием в человеке пробуждается мятежный дух. К примеру, если у кого-то появляется навязчивая идея, но ему говорят, что ее успех весьма сомнителен, то искреннее огорчение способно поднять этого человека на невероятные высоты, даже если он делает это лишь для того, чтобы доказать, что все остальные ошибались.

Зная о существовании таких странных причуд человеческого разума, преданный Пути Свободы Нагваль неизменно подталкивает своих учеников к сражению за право на существование того, что они воспринимают, — при этом они начинают воплощать в действительность свои потенциальные возможности. Иными словами, в своих попытках выжить под натиском Нагваля или в стремлении доказать ему, что он ошибается, ученики начинают сгущать вокруг себя *Туманы Знания Драконов*. В обоих случаях ученики неосознанно начинают воплощать в действительность нечто, извлекая его из того, что прежде было ничем.

Я не в состоянии выразить этот принцип иными словами, но это совсем не означает, что на практике человеку приходится начинать с нуля, так как потенциальные возможности ученика всегда существуют в нем. С другой стороны, такой еще не воплощенный в действительность потенциал ничем не отличается от пустоты — до тех пор, пока он не станет чем-то. Это «нечто» и называют теми туманами, которые со временем превратятся в *Знания Драконов* — подлинную *силу* человека.

Вероятно, теперь читатель гадает, почему я решил рассказать о том, как Нагваль *выслеживает* своего ученика и подталкивает его к определенным действиям, но, по правде говоря, то, что заранее известно ученику или читателю, не имеет большого значения. Я решил поведать об этом тактическом приеме по двум причинам. Во-первых, поскольку читатели моих книг вряд ли работают с нагвалями, единственный доступный мне способ принести своими книгами пользу читателям заключался в описании этого тактического маневра. Дело в том, что

большая часть читателей уже решили работать самостоятельно — в противном случае, они не тратили бы время на чтение, а пытались бы найти опытного Нагваля. Тот факт, что этот тактический прием известен читателю заблаговременно, не имеет никакого значения, так как он с одинаковым успехом работает и тогда, когда о нем знают, и тогда, когда ученики ничего не подозревают. Во-вторых, раскрывая этот тактический маневр, я могу не только объяснить смысл понятия «Туманы Знания Драконов», но и показать более глубокое содержание *сталкинга* и *неделания* —кстати говоря, в отношении этих концепций следует внести последние уточнения.

Первое уточнение связано с тем, что я описывал как извлечение кроликов из шляпы или материализацию пары сережек. Если не считать случаев ловкости рук, такая магия действительно существует, но те люди, которые способны проделывать подобные чудеса, встречаются очень редко и обычно не берут учеников. Это вызвано тем, что человечество в целом еще очень далеко от умения мудро управлять такой *силой*, в результате чего сами *сновидящие человечества* пресекают ее развитие и использование.

В действительности эта форма *силы* не относится к той магии, какой можно обучить в традиционном смысле, — скорее, это конечный результат множества *безупречных* жизней, прожитых в стиле прошедшего полную подготовку воина. К сожалению — или, напротив, к счастью, — нет иного пути обретения подобной *силы*. Если бы он существовал, современный мир был бы заполнен таким большим числом простодушных людей, занятых исключительно насыщением своей жадности к материальным богатством, что любая эволюция осознания полностью прекратилась бы; с другой стороны, люди могли бы с таким рвением приступить к избавлению мира от тех, кого они считают неприятными типами, что на планете вообще не осталось бы форм жизни, необходимых для развития осознания.

Второе уточнение касается преждевременного знакомства ученика с *четырьмя постулатами сталкинга*, следует отметить то, о чем еще не было сказано. Вначале ученик просто не в состоянии удовлетворить тем требованиям, которые ему предъявляются, но после того, как он начинает жить учениями и, следовательно, сгущать вокруг себя *Туманы Знания Драконов*, наступает такой момент, когда ученик действительно соответствует этим требованиям. Я говорю об этом для того, чтобы читатель не пришел к ошибочному выводу о том, что *четыре постулата сталкинга* представляют собой просто тактический прием *сталкера*, —это слишком далеко от истины. *Четыре постулата сталкинга* не только жизненно важны для *правила сталкера*, которое мы рассмотрим в следующей главе, но и представляют собой самую сущность *Туманов Знания Драконов*. Чтобы понять это, лучше всего обратиться к краткому обзору всей подготовки ученика.

Продвигаясь по Пути Воина, ученик проходит этапы стремления к романтическому идеалу, понимания мифа и умения жить этим мифом и, наконец, становится самим мифом. Иными словами, сумев увидеть этот миф, ученик обретает достаточную *трезвость*, чтобы расстаться с романтичностью и признать тот факт, что впереди его ждет много работы. В этот момент он начинает воплощать учения на практике и приводит в действие процесс трансформации. На этом этапе он начинает жить учениями, а не просто упражняться в них, уделяя жизни воина лишь напускное внимание. Начав жить этим мифом, он не только приводит в действие процесс преобразования, но и начинает сгущать *Туманы Знания Драконов*. Наконец, благодаря долгой жизни в стиле воина, ученик пересекает незримый порог, за которым вся его жизнь преобразуется в *неделание*, а последние остатки *личной истории* рассеиваются призрачной дымкой. В этот миг уже можно утверждать, что ученик стал мифом; если он продолжит вести образ жизни совершенно *безупречного* воина, то окончательным результатом станет полное преобразование.

К этому времени в его распоряжении есть *сила*, и ученик во всех отношениях завершил свое

обучение. Он достиг окончания своего путешествия как *человеческого* существа, и тот миг, когда ученик сбросит *человеческую форму* и перейдет в то состояние осознания, которое называют *полнотой сущности*, остается лишь вопросом времени. Этот переход отмечает начало нового, *окончательного путешествия* воина. В этом новом путешествии, которое представляет собой подлинное путешествие человека, воин постигает, что все мы являемся существами Вселенной, владеющими двумя кольцами силы, и что наша божественная природа являет собой волшебство Знания Драконов.

НЕВЫРАЗИМОЕ ПРОЯВЛЯЕТ СЕБЯ КАК НЕПОСТИЖИМУЮ ДВОЙСТВЕННОСТЬ НАГВАЛЯ И ТОНАЛЯ — ДВУХ КОЛЕЦ СИЛЫ МЕЖДУ ЭТИМИ КОЛЬЦАМИ ВОЗВЫШАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК — ТА ТОЧКА ЕДИНЕНИЯ. В КОТОРОЙ СОБИРАЮТСЯ ВОСПРИЯТИЕ НАГВАЛЯ И ВОСПРИЯТИЕ ТОНАЛЯ ВНАЧАЛЕ НАМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА НАСТОЛЬКО РАССЕЯННО И НЕПРОЧНО ЧТО КАЖЕТСЯ ПРИЗРАЧНЫМ ТУМАНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИМ С ДВУМЯ ВНЕШНИМИ КОЛЬЦАМИ, НО ПО МЕРЕ ТОГО, КАК ЧЕЛОВЕК СОСРЕДОТОЧИВАЕТ СВОЕ НАМЕРЕНИЕ. ОНО СТАНОВИТСЯ ТРЕТЬИМ КОЛЬЦОМ. СВЯЗУЮЩИМ ДВА ДРУГИХ В ОЕДИНО. ЭТИ ТРИ КОЛЬЦА ОБРАЗУЮТ ПОЛНОТУ СУЩНОСТИ — СЛИЯНИЕ СИЛ. ОСНОВАННОЕ НА ЗНАНИИ ДРАКОНОВ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КОНТРОЛИРУЕМАЯ ГЛУПОСТЬ

МЫ НАХОДИМСЯ В ЛОВУШКЕ СНА. ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ПРИНИМАЕТ ЭТОТ СОН ЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ЕГО ПОСТУПКИ — ПОЛНАЯ ГЛУПОСТЬ.

Досих пор мы лишь кратко касались *четырёх постулатов сталкинга*, но теперь переходим непосредственно к тем учениям, которые связаны с *искусством сталкинга*, поскольку только практическое применение учений позволяет осознать подлинное содержание этих принципов первостепенной важности. Однако не следует упускать из виду тот факт, что время от времени мы будем возвращаться к *четырем постулатам сталкинга* и с каждым таким повторением еще глубже погружаться в кроющиеся в них истины; в свою очередь, такое проникновение обеспечит более глубокое понимание *правила сталкера* и в конечном счете самого *искусства сталкинга*. Все это время не следует забывать, что *четыре постулата сталкинга* и *правило сталкера* взаимозависимы. Иными словами, без *четырёх постулатов сталкинга* не может быть *правила сталкера* и наоборот.

Сказанное выше жизненно важно для понимания данного раздела учений, но прежде чем этот принцип будет пояснен подробнее, следует поговорить о другом вопросе: для того чтобы воспринять *правило сталкера* в верном свете, необходимо знать, что *четырем постулатам сталкинга* соответствуют четыре стороны света (рис. 1). Со временем, при очередных возвращениях к *четырем постулатам*, читателю станет понятно, почему дело обстоит именно так и что из этого следует, но сейчас достаточно будет подчеркнуть, что *четыре постулата сталкинга* можно по-настоящему постичь, лишь воплотив их на практике, — это не одна техника *сталкинга*, но, на самом деле, четыре важнейшие техники, которые, разумеется, определяются *четырьмя направлениями силы* (рис. 2).

После этого пояснения вернемся к обсуждению взаимозависимости *четырёх постулатов сталкинга* и *правила стажера*. *Четыре постулата сталкинга* можно сравнить с тканью, которая используется в качестве основы для вышивки, а семь аспектов *правила сталкера* — с различными типами стежков такой вышивки (рис. 3). В этой вышивке используются нити жизни, а ее узор определяется многочисленными малыми и крупными испытаниями, встречающимися на протяжении жизни человека. Конечным результатом, разумеется, является сама вышивка; в рамках нашей аналогии она представляет собой *безупречную жизнь воина*, созданную на основе того, что называют *четырьмя постулатами сталкинга*. Общее качество жизни воина, очевидно, зависит от того, насколько искусно он применяет *правило сталкера*, а это, в свою очередь, зависит от того, в какой мере воин понимает *четыре постулата сталкинга*. Таким образом, *четыре постулата сталкинга*, *правило сталкинга*, жизненные испытания и все встречающиеся в жизни возможности представляют собой четыре неразрывные составные части, и каждая из них отражает более глубокое содержание *четырёх постулатов сталкинга*. Эти четыре составные части по традиции называют *четырьмя составными частями сна*.

Рис. 3, ЧЕТЫРЕ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ СНА

Такая аналогия позволяет понять, что жизнь представляет собой совсем не то, чем считают ее большинство людей. Как указывает изречение в начале этой главы, жизнь обычных мужчины и женщины — скорее сон, а их действия — не более чем глупость. И все же это вовсе не значит ни того, что жизнь нереальна или может оказаться нереальной, ни того, что поступки человека бессмысленны. На самом же деле это изречение подразумевает, что жизнь не является тем, чем ее считают люди, а если наши действия опираются на некое ложное представление о действительности, то они волей-неволей оказываются глупостью.

ЖИЗНЬ — НЕ ЧТО-ТО. ЭТО БЕСКОНЕЧНЫЙ ХАОС ВОЗМОЖНОСТЕЙ. ВЫБИРАЯ НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ. МЫ СПЛЕТАЕМ ПАУТИНУ. УЗОР КОТОРОЙ НЕВОЗМОЖНО УЗНАТЬ ЗАРАНЕЕ. ИМЕННО ЭТОТ ВЫБОР ВОЗМОЖНОСТЕЙ. СПЛЕТЕНИЕ ПАУТИНЫ ИЛИ САМУ ПАУТИНУ ЛЮДИ ОШИБОЧНО СЧИТАЮТ ЖИЗНЬЮ. ОДНАКО СЛЕДУЕТ ОСОЗНАТЬ. ЧТО ЖИЗНЬ ИЗВЕЧНО ОСТАЕТСЯ НЕТРОНУТОЙ ТЕМ. ЧТО СПЛЕТАЕТ ЧЕЛОВЕК. МЫ ПОНИМАЕМ ЖИЗНЬ ТАК. КАК НАМ ХОЧЕТСЯ. НО В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ОНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ НЕПОСТИЖИМОЕ В СВОЕМ СОСТОЯНИИ ТЕЧЕНИЕ. ЛИШЕННОЕ ФОРМЫ. НО ПОРОЖДАЮЩЕЕ ВСЕ ФОРМЫ.

Это изречение прекрасно описывает жизнь, хотя и представляет собой, пожалуй, одно из самых основополагающих утверждений, с которыми приходится справляться ученику. Люди настолько обусловлены своей убежденностью в том, что они понимают жизнь, что им очень нелегко отбросить многочисленные неверные представления, заранее составленные мнения и предубеждения, вложенные в них воспитанием.

Лучший способ постичь подлинный характер жизни — вновь обратиться к использованной ранее аналогии. В ней «нити жизни» соответствуют бесконечному числу возможностей, существующих только в текущее мгновение; человек выбирает из них те, которые больше всего привлекают его как личность. Естественно, такой выбор неизменно подвержен влиянию природы того испытания, с которым человек сталкивается в настоящий момент. Выбранная возможность в буквальном смысле слова представляет собой нить жизни, а в переносном значении — ту нить, которую человек продевает в свою иглу и которой «вышивает», то есть совершает действия, образующие его жизнь. Однако следует понять, что само испытание определяется судьбой и в конечном счете предназначением; по этой причине испытание является частью некоего узора, который неизвестен человеку заблаговременно и становится явным постепенно, с каждым новым испытанием. В зависимости от того, насколько правильно человек следует этому узору, конечный результат — то, что называют жизнью, — окажется либо безукоризненной картиной, либо полным беспорядком.

Изречение, описывающее природу жизни, позволяет понять, что по традиции этот процесс сравнивается с плетением паутины, но лично я предпочитаю пользоваться аналогией с вышивкой — она не только облегчает понимание *правила сталкера*, но и яснее очерчивает разницу между *четырьмя постулатами сталкинга*, которые изображаются основой вышивки, и *правилом сталкера*, олицетворяемым запутанными стежками, рисующими узор предназначения.

Продолжая эту преамбулу, необходимо глубже рассмотреть, что же все это означает, однако перед этим уместно будет высказать один совет. Хотя *искусство сталкинга* справедливо относят к правой стороне осознания, не следует забывать и о том, что это загадка сердца, а сердце связано с чувствами, а не с рациональностью. Это означает, что *искусство сталкинга* позволяет человеку работать и с левой стороной обычного осознания. В конечном счете оно сводится к составлению карты непознанного и извлечению из нее практической пользы на физическом плане. Однако, говоря о левой стороне обычного осознания, мы, как всегда, невероятно ограничиваем себя неподходящим набором слов. В этом отношении следует понимать, что сложность заключается не столько в невозможности найти подходящие слова для удовлетворительного описания знаний *левой стороны*, сколько в том, что *левая сторона* несет в себе такое астрономическое по своему размаху содержание, что слова просто не в состоянии выразить эту безбрежность.

Это позволяет ясно понять, где именно кроется ловушка восприятия слов в их буквальном значении и в чем заключается безвыходное положение любого Нагваля, когда ему приходится объяснять левую сторону с помощью слов. Конечным результатом становится то, что, если Нагваль не хочет заблудиться в попытках выразить присущую *левой стороне* беспределность,

ему в лучшем случае удастся словесно выразить лишь обрывочные понятия. Однако словесное выражение таких обрывочных понятий означает их извлечение из контекста, а все, что вырывают из контекста, неизбежно оказывается объектом неверных истолкований. Чтобы свести их к минимуму, Нагваль всегда пытается выразить как можно больше таких обрывочных сведений, рискуя при этом оказаться обвиненным в пустой болтовне. Ни один Нагваль никогда не болтает попусту, но его стремление высказать как можно больше обрывочных сведений и рассмотреть их со всех возможных точек зрения часто выглядит бессвязными разговорами, ходьбой вокруг да около или пустой болтовней о том, что кажется на первый взгляд незначительными мелочами.

По самой природе учений дальнейшее их изложение станет часто касаться таких принципов, которые будут увлекать нас в глубины *левой стороны*. В связи с этим я хотел бы прямо сейчас предупредить читателя о том, что нередко будет казаться, будто я перескакиваю с одной темы на другую или хожу вокруг да около. Однако если читатель не будет забывать о том, что было сказано в отношении природы *левой стороны*, то он избежит искушения в смятении всплеснуть руками или в полном раздражении воспользоваться этой книгой как футбольным мячом. Способность постичь *левую сторону* доступна каждому человеку, но это требует времени, терпения и, прежде всего, выработанного умения *чувствовать* сердцем вместо того, чтобы *понимать* рациональным умом. В этом смысле читателю не стоит забывать о том, что *жизнь — это чувствование, а не интеллектуальное упражнение*.

Вообще говоря, люди обычно *растрачивают* свою жизнь, а не *живут*; они не осознают, что та штука, которую они считают жизнью, — вовсе не жизнь. Люди склонны верить в то, что жизнью являются окружающие их обстоятельства и те условия, в которых человек оказывается, но на самом деле это просто испытания, образующие узор, на котором человеку необходимо выстраивать свою жизнь. Кроме того, люди обычно полагают, что их поступки и поведение — равно как поступки и поведение других — и составляют жизнь, однако поступки человека представляют собой лишь воплощение в действительность тех возможностей, которые он выбирает, а его поведение является просто *постоянным воспроизводством* этих воплощений или вероятных воплощений.

Однако самым вредным из всех подобных представлений является вера в то, что жизнь — интеллектуальный процесс, к которому следует подходить рационально. Это губительное убеждение мешает отнестись к восприятию и бытию как к загадкам, и в результате жизнь человека вообще не имеет подлинного смысла. Не признавая тот факт, что жизнь представляет собой *чувствование*, а не интеллектуальный процесс, люди не используют в качестве основ своей жизни ни загадку их истинного бытия, ни *четыре постулата сталкинга*. Вместо этого их жизнь опирается на интеллектуализм, лишенный подлинных чувств и иррациональных знаний. Вследствие этого жизнь таких людей не имеет «ткани-основы», то есть в ней нет ничего такого, что крепко удерживало бы «стежки», — нет основы действия, нет того фундамента, который поддержал бы их поступки. По этой причине совсем не удивительно, что люди удовлетворяются пустыми интеллектуальными абстракциями, бесконечными разговорами и эрудированными философскими дискуссиями, не получающими никакого отражения в их поступках.

Предаваться всем вышеупомянутым убеждениям означает оказаться в ловушке сна — того сна, который для огромного числа людей уже стал кошмаром или, во всяком случае, очень близок к превращению в ночной кошмар. Считая этот сон действительностью, люди не в состоянии действовать в подлинном смысле этого слова, так как действовать в нереальном состоянии просто невозможно. Когда человека захватывает иллюзия, любое предпринимаемое им действие будет определяться только этой иллюзией, — именно поэтому такое действие само по себе следует считать полной глупостью. Поскольку люди не могут совершать подлинные

действия, у них остается только один выход: навечно затягивать эту глупость, непрерывно реагируя на все и вся в своей жизни. В конечном счете это сводится к *постоянно воспроизводящему* поведению, выработанному в результате социальной обусловленности. Разумеется, подобная социальная обусловленность является следствием общечеловеческого сна, то есть общей иллюзии всего человечества.

Таким образом, становится понятным, что иллюзией является не сама жизнь, а восприятие жизни человеком. Жизнь — вообще не что-то, и потому не может быть иллюзией, так как иллюзия по определению представляет собой нечто такое, что ошибочно принимают за что-то иное. Однако теперь мы вновь убедились в том, какие ошибки может совершать человеческое восприятие и как часто люди *полагают, что понимают*, вместо того, чтобы проверить то, что, как им *кажется*, они воспринимают. В этом смысле большинство людей обычно считают иллюзию ничем — это и доказывает их неведение и невнимание в отношении значения слов.

Любая иллюзия на чем-то основана. К примеру, если человек идет в темноте и замечает, как впереди нечто шевелится в кустах, он вполне может предположить, что столкнулся с другим человеком, каким-нибудь животным или даже привидением. Если же он внимательно рассмотрит то, что увидел, и обнаружит, что это всего лишь старый пластиковый пакет, который зацепился за куст и трепещет на ветру, можно прийти к выводу, что мысль о человеке, животном или призраке была просто иллюзией. Однако подобные рассуждения ошибочны, так как пластиковый пакет вполне реален и вовсе не иллюзорен — иллюзией было первоначальное восприятие этого пакета. С другой стороны, следует понять, что эта иллюзия опиралась на восприятии человеком *чего-то* — в данном случае, пластикового пакета.

Хотя приведенный выше пример относится к материальной иллюзии, тот же принцип применим к эмоциональным и мысленным иллюзиям. Никогда не задумываясь о том, что мир является не таким, каким кажется, люди стремительно приходят к выводам, основанным на предполагаемом понимании. Оказавшись в ловушке интеллектуальных допущений, люди не способны предпринимать какие-либо *действия*, исходя из реальности жизни; вместо этого им приходится *постоянно воспроизводить* прежние схемы поведения. Такие люди не *живут* в подлинном смысле этого слова, но просто *растрачивают* свои возможности жить, постоянно повторяя собственную глупость.

Начнем с того, что все мы находимся в ловушке всеобщего сна, общей иллюзии, и в результате все наши действия представляют собой лишь глупость. Такое положение дел было установлено *силой*. Это положение представляет собой настоящую дикость в полном смысле этого слова, поскольку, с одной стороны, мы не способны его изменить, но, с другой, — обладаем достаточной *силой* и свободой, чтобы изменить его полностью. Вероятно, в этом и заключается важнейший парадокс — парадокс настолько сложный, что приводит в полное недоумение, и все же в нем кроется ошеломляющая своей простотой истина.

Кроющаяся в этом парадоксе истина образует сокровенное ядро традиции Толтеков — то ядро, которое является изначальным источником *силы*. Оно может стать ключом к свободе, ключом к магии, ключом к созиданию и разрушению. Этот ключ — *Азот*, величайший секрет Гермеса Трисмегиста. Это и мифический *эликсир жизни* тот *Lapis Philosophorum*, Философский Камень, который так долго ищут алхимики. Это — и чудодейственный *жезл* Моисея, и неземной *Эскалибур*, меч короля Артура. Это *Мьёлльнир*, молот Тора, но в то же время и *Оперенный Змей* — волшебная палочка великого вотана тольтеков Кецо-Коуатля [\[1\]](#).

Все эти легенды и мифы возникли вокруг истины, сокрытой в этом самом странном из всех удивительных парадоксов; и все же, принимая по внимание ее природу, совсем не удивительно, что одна-единственная истина породила столько мифов и легенд. Причина того, что Толтеки считают эту истину ядром своей традиции, заключается в том, что осознание ее во всей полноте

и последующее воплощение на практике порождает двойственную силу, которую метафорически называют древним *Копьем Предназначения*, когда ее касаются левой рукой, и непобедимым *Мечом Силы*, когда ее касаются правой рукой.

Поскольку она является секретом созидания и разрушения, на протяжении долгих эпох огромное множество людей делали единственной целью своей жизни поиски этого ядра. Однако нельзя утверждать, что у всех этих искателей были чистые побуждения. Вообще говоря, мотивы подавляющего большинства этих людей были весьма далеки от чистых. Те из них, кому везло, гибли прежде, чем находили сокровенное ядро. Несчастливыми становились те немногие, которым все же удавалось его найти, но жадность и тщеславие делали их прикосновение к этой истине чрезвычайно кратким. Однако даже за это мимолетное прикосновение, за эти краткие мгновения блаженства несчастным негодьям приходилось платить непомерную цену: они теряли рассудок.

Таков характер этого ядра. Это поистине источник любой *силы* — *силы* в чистом виде, древность которой невероятна, хотя она непрерывно обновляется, так как вынуждена обращаться против самой себя под невообразимым давлением присущей ей осознанности и подлинно потрясающей движущей силы развивающегося осознания.

Прикоснуться к этому ядру означает достичь «центра мира» — того состояния осознания, которое называют *точкой вращения трех колец силы*. Проявляющийся в форме единства, именуемого *духом человека*, или на *гвалем*, этот уровень осознания требует *полноты сущности*, а для того, чтобы совершить путешествие к этому центру, нужна такая *безупречность*, на какую за всю историю оказались способными лишь немногие. Прежде всего, именно по этой причине Воины Свободы были вынуждены порвать с унаследованной традицией и искать такие знания, которые лучше всех прочих развивали бы *безупречность*. Сих точки зрения, нет никакого смысла обретать *силу*, если эта *сила* может тебя уничтожить.

В своем стремлении к требуемому уровню *безупречности* Воины Свободы обнаружили более глубокое содержание, свойственное *Третьему Вниманию*. Это содержание открыло перед ними такие аспекты учений, которые никогда прежде не рассматривались — они выглядели такими простыми, что Древние Видящие отказались от них как от банальностей. И все же именно эти «банальные» аспекты учений с невероятной скоростью подтолкнули Воинов Свободы к совершенно новому измерению знаний.

В результате возникновения этих новых знаний Воины Свободы вновь изменили всю структуру учений и на этот раз уделили основное внимание не обретению *силы*, а достижению необходимой меры *безупречности*, которая сама по себе порождает поразительно отточенный и высокий уровень *личной силы*. Такое смещение акцентов привело к возникновению нового метода обучения, которому подчиняется и то, как эти учения представлены в моих книгах. Проницательный читатель уже заметил, что в ходе изложения основное внимание неизменно уделяется *безупречности*, поскольку традиция Толтеков раскрывается, а ее практическое применение становится безопасным лишь по достижении надлежащего уровня *безупречности*. Лишь после этого может возникнуть *полнота сущности*, лишь после этого воин способен, не теряя рассудка, сжать в руке *Копье Предназначения*, не подвергаясь гибели, вооружиться *Мечом Силы*.

Мы вновь возвращаемся к обсуждению ядра, однако в контексте социальной обусловленности очень нелегко понять всю важность этого принципа. Заявить, что все мы пребываем в ловушке всеобщего сна и результатом наших действий является только глупость, — это одно, но говорить о том, что найти выход из этой ситуации столь же легко, как пробудиться ото сна, — совсем другое. Для рационального ума подобные слова почти не несут смысла, и все же оба утверждения скрывают в себе истину всех истин. Однако для того, чтобы достичь

подлинного понимания этого принципа, чрезвычайно важно помнить о двух следующих изречениях:

ЧЕЛОВЕК — ВСЕГО ЛИШЬ СОН СВОЕГО СНОВИДЯЩЕГО. ЧЕЛОВЕК — НЕ ТЕЛО. НЕ РАЗУМ И ДАЖЕ НЕ СВЕТАЩИЙСЯ КОКОН. ТАК КАК ВСЕ ОНИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ТОЛЬКО ОСНОВНЫЕ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ВО СНЕ ОРЛА И СГУЩАЕМЫЕ СНОВИДЯЩИМ С ПОМОЩЬЮ ФОКУСИРОВАНИЯ НАМЕРЕНИЯ. ЭТО СГУЩЕНИЕ ОСТАЕТСЯ НЕИЗМЕННЫМ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ЖИЗНИ ИЗ-ЗА ТОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ. С КАКОЙ СНОВИДЯЩИЙ УДЕРЖИВАЕТ СВОЕ ВНИМАНИЕ НА ТЕМЕ СВОЕГО СНА — НА САМОМ ЧЕЛОВЕКЕ.

ВСЕ СВОЙСТВА ТОНАЛЯ ЧЕЛОВЕКА. ВКЛЮЧАЯ ЕГО ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ УМЕНИЯ И СПОСОБНОСТИ. ЗАВИСЯТ ОТ ФОКУСА И ИНТЕНСИВНОСТИ. В ТОТ МИГ, КОГДА СМЕЩАЕТСЯ ФОКУС ИЛИ ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕНСИВНОСТЬ, МЕНЯЕТСЯ И ТОНАЛЬ.

Смысл этих изречений очень широк — настолько широк, что одной книги не достаточно для того, чтобы полностью его обсудить. Хотя некоторые из этих следствий пояснялись в первых двух томах и будут обсуждаться в данной книге, по-прежнему останется множество тонкостей, о которых можно будет поговорить только в следующих томах. Одним из следствий — оно уже излагалось в «Крике Орла»*, но не было освещено сколько-нибудь глубоко, однако является чрезвычайно важным, — является принцип *разумного сотрудничества*. По этой причине в дальнейшем разъяснении этих двух изречений будет предполагаться, что читатель уже хорошо знаком с простейшими основами этого принципа, поскольку теперь нам предстоит рассмотреть *разумное сотрудничество* на более пристальное.

Прежде чем мы сможем двинуться дальше, очень важно пояснить, что представляет собой *сновидящий человека*. Следует осознать, что участок иллюзии, в ловушке которой оказался человек, опирается на тот факт, что обычные люди не знают своей природы и вследствие этого считают себя физическим телом, умом или тем и другим одновременно. Однако, как указывается в первом из рассматриваемых изречений, человек не является ни своим телом, ни своим разумом. По своей сути человек является духовной сущностью Вселенной, которую называют *духом человека*, или *нагвалем*. Необходимо тщательно позаботиться о правильном понимании этого утверждения: ученики очень часто совершают ошибку, полагая, что выражение «дух человека» означает то, что у каждого человека есть собственный *нагваль*.

В определенном смысле, такое предположение учеников вполне справедливо, но, строго говоря, не совсем правильно, поскольку есть только одна жизнь, в ходе которой при посредстве единой материальной вселенной развивается одна осознанность. Иными словами, существует только один *нагваль*, *единый дух*, осознанность которого многогранна, и одна из этих граней являет собой создание, именуемое человеком.

В особом смысле, осознание *нагваля* проявляет себя невыразимым числом энергетических полей, собранных в разнообразные наборы пучков — один из этих пучков образует макрокосмическую *полосу*, которую называют человеком. Эту макрокосмическую *человеческую полосу* для простоты называют *духом человека*; поскольку принцип разделения ее энергетических полей по пучкам совпадает со схемой устройства всего макрокосма, *дух человека* представляет собой точную копию проявленности макрокосмического *нагваля*.

В конечном счете существует только один *дух человека*, кроющийся в миллионах миллионов энергетических полей, каждое из которых обладает потенциальной способностью выявлять осознание самого себя как личности. По этой причине то, что ученик часто считает собственным, личным *нагвалем*, в действительности является единственным энергетическим полем в рамках той огромной целостности, которую называют *духом человека*, тогда как то, что

получило название *сновидящего*, являет собой это же энергетическое поле, регистрирующее осознание самого себя как личности. Иначе говоря, *сновидящий* представляет собой проявление осознания *нагваля*.

Следует, однако, подчеркнуть, что в действительности все эти индивидуальные на определенном уровне энергетические поля неизменно остаются единым и согласованным целым, так как меж ними царят полная взаимозависимость и взаимодействие, и в этом смысле они образуют саму основу взаимосвязанности всего живого. Подлинное ощущение разделенности возникает только на уровне жизни на физическом плане. Существует множество сложных причин этого явления, но сейчас достаточно будет сказать, что ощущение индивидуальной отделенности возникает отчасти из-за разделяющего свойства разума, а отчасти потому, что светящийся кокон человека также представляет собой точную копию духа человека, который, разумеется, *един*.

Рассуждая о *сновидящем*, необходимо знать, что те энергетические поля, которые составляют дух человека, обладают своей собственной, особой скоростью колебаний, определяемой присущей им осознанностью. Как и все энергетические поля проявленной вселенной, эти энергетические поля собраны в пучки, но особая скорость колебаний, свойственная им еще до образования пучков, *окрашивает* те колебания, что были вызваны возникновением пучка.

В духе человека этот процесс привел к образованию семи цветов, каждый из которых включает широкий спектр оттенков. Каждый из возникших, в результате образования пучка цветов обозначает определенное совокупное колебание, сходное по своей природе с резонансом струн: каждая струна состоит из огромного диапазона близких частот, которые имеют характер согласующихся тонов, или «оттенков» одного цвета. Эти семь цветов соответствуют семи типам *сновидящих*, а согласованный резонанс каждого оттенка определяет предназначение и в конечном счете все действия личности.

Благодаря приведенному пояснению читателю должно быть понятно, почему противопоставление своего и чужого *нагваля* или своего и чужого *сновидящих* является не совсем точным. Впрочем, когда вопрос связан с верным использованием слов, нам приходится искажать многие понятия во имя ясности. По этой причине читателю следует помнить о том, что ниже приводится лишь приблизительное словесное описание действительности, которая на самом деле полностью выходит за рамки возможностей слов.

Что же представляет собой *сновидящий*? Попросту говоря, *сновидящий* является осознанностью одной составной части *нагваля* — личным осознанием. Совокупная частота колебаний *сновидящего* определяется потенциалом присущего ему осознания; именно эта совокупная частота относит его к одному из семи спектров, то есть к видимому цвету. Подлинный оттенок этого цвета определяется уровнем развития осознания и, следовательно, поступательно меняется в процессе эволюции.

Чтобы развить свое осознание, отдельные составные части *нагваля* исследуют собственные потенциальные способности путем акта *сновидения* — именно поэтому их называли *сновидящими*. В связи с этим стоит упомянуть о том, что непосредственной задачей всех органических форм жизни на нашей планете, равно как и некоторых форм неорганической жизни, является воплощение в действительность всей полноты своих потенциальных возможностей на плотном, физическом плане. Чтобы добиться этого, *сновидящие* человека время от времени приковывают свое внимание к физическому плану, сосредоточивают на нем свое намерение; следствием такого усиленного внимания является физическое рождение. Следует, однако, понимать, что подобное воплощение становится возможным лишь в том случае, если данный *сновидящий* способен найти в жизни на физическом плане те условия, которые будут

способствовать развитию его осознания. Таким образом, каждое рождение опирается на непрестанно меняющиеся возможности, которые определяются предназначением всего живого. Это значит, что по своему характеру очередное воплощение имеет много общего с возможностью *уловить мимолетный миг шанса*.

Таким образом, физическое рождение было бы почти невозможным, если бы не тот факт, что существует только один *нагваль*, что все живое полностью взаимосвязано, а *сновидящие человека* обладают полным групповым сознанием. Вообще говоря, несмотря на все это, физические воплощения по-прежнему остаются для обычных людей чрезвычайно сложными — вопреки групповому сознанию *сновидящих*, эволюция осознания на протяжении данного отрезка времени связана с развитием тех ее аспектов, которые являются по своей природе разделяющими и не способствуют взаимосвязанности всего живого. Все вышесказанное позволяет понять, что *сотрудничество* разумно не только потому, что жизненно необходимо, но и по той причине, что образует самую основу взаимосвязанности всего живого, равно как и прочную опору эволюции.

Разумное сотрудничество проявляется во множестве различных форм, но наибольшую важность для нас представляет *сотрудничество* собственным *сновидящим*. Чтобы понять, как его добиться, необходимо начать с основополагающего осознания того, что человек — не физическое тело и не разум. Этого легко достичь с помощью очень простой техники.

Присядьте в тихом месте, устройтесь поудобнее и прикройте глаза. Воспринимайте всеми органами чувств, за исключением физического зрения; вслушайтесь в звуки окружающего мира, почувствуйте запах вдыхаемого воздуха, ощутите вкус во рту, обратите внимание на прикосновение одежды к коже, на то, как тело прижимается к сиденью, а ноги — к земле. Осознайте, что все эти ощущения возникают при посредстве физического тела, но вы сами не являетесь этим телом.

Затем сосредоточьтесь на своем разуме. Следите за своими мыслями, словно они проплывают на расположенном перед вами телевизионном экране. Позвольте им раскованно блуждать, одновременно продолжая осознавать, что вы способны наблюдать за ними так, как если бы это были не ваши мысли, но просто порождения ума. Теперь деятельно и сознательно изменяйте свои мысли так, как вам заблагорассудится; осознайте, что способность делать это означает управление *разумом*; следовательно, вы — не разум.

Итак, вы — не тело и не разум. Задайтесь вопросом: кто вы? Вам не удастся найти ответ: возникнут только мысли, новые мысли. Однако позади этих мыслей вы сможете угадать нечто разумное, остающееся безмолвным наблюдателем. Эта разумность и есть вы.

Задумайтесь о том, что если вы не являетесь ни телом, ни разумом, то не можете представлять собой физическую сущность; по этой причине жизнь не может быть тем, чем вы всегда ее считали. Ваше имя, обстоятельства жизни, карьера, общественное и семейное положение — все, что у вас есть, существует только из-за того, что вы обладаете физическим телом, которое подчиняется разуму. Именно физическое тело наделяет вас именем, возрастом и общественным положением, только оно позволяет вам жениться и иметь детей, делать карьеру, зарабатывать деньги, владеть домом, машиной, страховкой и всем прочим. Все это, вся жизнь на физическом плане, становится возможным лишь благодаря тому, что у вас есть физическое тело и разум, который его направляет и контролирует. Однако за этими телом и разумом кроется некая разумность.

Описанный прием позволяет достичь только такой глубины понимания, но для текущих целей этого вполне достаточно. Понимая, что человек представляет собой облаченную телом разумность и способен управлять своим разумом, направлять его, задайте себе такой вопрос:

«Управляю ли я своим разумом или, напротив, являюсь жертвой собственного ума?» Этот маленький прием невероятно прост, но ученики, которые прибегают к нему впервые, неизменно оказываются сраженными ошеломляющим осознанием того, что они не только *полностью отождествляют себя* телом и разумом, но и, хуже того, постоянно становятся жертвами собственных мыслей — своего разума!

Из вышесказанного с неизбежностью следует, что потворствование мнению о себе как о жертве равнозначно признанию того, что человек сам является своим злейшим врагом. Однако если его жизнь совсем не такая, какой он хотел бы ее видеть, то единственной причиной этого является то, что он не предпринимает никаких действенных мер по ее изменению. Более того, необходимо осознать, что люди считают себя загнанными в ловушку обстоятельствами собственной жизни лишь потому, что они *считают себя* попавшими в ловушку или, еще точнее, *потакают* своей убежденности в том, что их жизнь непременно должна определяться волей обстоятельств. В конечном счете только физическое тело может оказаться в ловушке в подлинном смысле этого слова. То же может случиться и с человеческим разумом, если он индугирует в вере в то, что человек ограничен внешними обстоятельствами. Сам человек, то есть кроющаяся в нем разумность, никогда не может оказаться в западне. Однако убежденность в возможности этого оказывается настолько всепоглощающей, что обычно такая вера не только полностью лишает человека сил, но и на самом деле загоняет его в безвыходные положения.

Именно эта убежденность в том, что мы — жертвы обстоятельств и скованы этими обстоятельствами, и является всеобщей иллюзией человечества. Именно это — тот сон, который обездвиживает людей до тех пор, пока они не проснутся и не осознают тот факт, что они не являются ни телом, ни разумом, а жизнь вовсе не означает существования имени и общественного положения. Следует совершить одно простейшее во всех отношениях действие — *проснуться*, и даже недолгие размышления быстро показывают, что следствия такого пробуждения окажутся поистине астрономическими.

Чтобы понять, что все это в действительности означает, вернемся к разговору о *сновидящем*; однако вначале следует отметить, что, с точки зрения читателя, принцип *сновидящего* до сих пор остается не чем иным, как теорией, и исполняет роль допустимой гипотезы — во всяком случае, пока эта теория не окажется дополненной собственным опытом. Всем ученикам предстоит воплотить учения на практике, если только они надеются хоть когда-нибудь убедиться в их истинности; читатель должен понимать, что то же самое справедливо и по отношению к нему.

Как уже упоминалось ранее, *сновидящий* развивает свое осознание или, скорее, открывает и раскрывает свои потенциальные способности путем акта *сновидения*, и это действие время от времени приковывает его внимание к физическому плану. Подобное внимание, результатом которого становится очередное воплощение, возникает всякий раз, когда *сновидящий* сосредоточивает *намерение* на определенных аспектах своего непрерывного сна. Эти аспекты связаны с проявлением всей полноты потенциальных возможностей на физическом плане, то есть с тем явлением, которое по самой своей природе требует не только жизни на плотном, физическом плане, но и предполагает те испытания, что могут возникнуть только при физическом воплощении. Однако следует осознавать, что, вследствие разделения на пучки, колебания плотного, физического мира намного ниже, чем колебания мира *сновидящих*. По этой причине физическое воплощение делает сон *сновидящего* более «крепким», то есть более *интенсивным*.

Такое углубление и усиление сна в условиях более низких колебаний физического мира в сочетании с сосредоточенностью внимания *сновидящего* вызывает иллюзию ощущения ловушки. Однако не следует забывать и о том, что физическое воплощение представляет собой лишь

частичное материальное проявление осознания *сновидящего*. Эта рождающаяся «частица» осознания состоит из тех аспектов самого *сновидящего*, на которых он сосредоточил свое намерение и которые он видит во сне физически существующими, так как уделяет все внимание своему воплощению. Именно это частичное материальное воплощение осознания приводит к тому, что человеческое существо не понимает своей подлинной природы; такой недостаток знаний осложняется тем фактом, что в момент рождения неизменно происходит помрачение сознания. В результате человеческое существо *полностью отождествляется* со своим телом и социально обусловленным разумом — нет ничего удивительного в том, что иллюзия пребывания в ловушке оказывается такой могущественной.

До тех пор пока человек упорно *отождествляет* себя с разумом и телом, *сновидящий* не в состоянии полностью управлять своим сном: в результате его человеческий двойник — то есть *сновидимый* — временно проявляет собственное волеизъявление. Впрочем, воля *сновидимого* не является *волей* в подлинном смысле этого слова; скорее, это случайные следствия того, что *сновидящий* не способен в полной мере управлять своим сном. Такое отсутствие контроля можно назвать только психо-церебральным параличом, а его результаты почти совпадают с симптомами сходного физического недуга, так как до тех пор, пока *сновидящий* не обретает полную власть над своим сном, *сновидимый* переживает нечто вроде «судорог». Таким образом, из-под контроля выходит не остающийся на своем плане *сновидящий*, но его физический двойник, который сопротивляется управлению по причине случившегося *отождествления*. Поиск форм управления своим физическим двойником является первым шагом к способности развернуть все свои потенциальные способности на физическом плане и потому представляет собой одну из причин необходимости физического воплощения.

ТЫ — ТВОЙ СНОВИДЯЩИЙ ПРОТИВИТЬСЯ СВОЕМУ СНОВИДЯЩЕМУ ОЗНАЧАЕТ ПРОТИВИТЬСЯ САМОМУ СЕБЕ. А ЭТО — СОВЕРШЕННО БЕССМЫСЛЕННОЕ ЗАНЯТИЕ

Из всего, что было сказано ранее, становится понятным, почему *сотрудничество* человека и его *сновидящего* является таким важным. Однако это *сотрудничество* должно быть *разумным*, так как не следует забывать, что, хотя *сновидящий* сосредоточивает свое намерение на развитии осознания, именно *сновидимому* приходится предпринимать действия на физическом плане — физические, эмоциональные и умственные. Иными словами, *сновидящий* удерживает свое намерение сосредоточенным на желаемых целях, а *сновидимый* должен решить, как лучше всего достичь этих целей. Это сводится к тому, что вместо того, чтобы противиться своей судьбе, *сновидимый* должен полностью смириться с ней, что равнозначно достижению контроля над сном — и над всей своей жизнью.

Обретение контроля над сном не означает, что человек подчиняет себе своего *сновидящего*; скорее, он начинает управлять тем, что происходит в его сне. Это означает, что вместо того, чтобы оставаться жертвой своего сна и просто позволять жизни *происходить*, человек сам определяет, как именно будет развиваться течение событий в его сне. В этом отношении следует осознавать, что после физического воплощения внимание *сновидящего* фиксируется, и потому он уже не в состоянии изменить поставленной цели своего сна — она становится судьбой человека на весь срок жизни; однако человек способен определять то, как достичь этой цели, то есть управлять *содержанием* сна.

Содержание сна представляет собой то, что мы считаем жизненными испытаниями; эти испытания разработаны *сновидящими* окружают поступки того, кто снится. Иными словами, *характер*, равно как и *формалюбого* испытания, зависит от *сотрудничества* — или его отсутствия — между *сновидящими* *сновидимым*. Поскольку действия предпринимает именно *сновидимый*, вполне понятно, что он же и определяет как характер, так и форму испытания. Это в очередной раз доказывает тщетность убежденности в том, что мы — лишь жертвы

обстоятельств. Более того, это делает очевидным и тот факт, что чем теснее *сотрудничествочеловека со сновидящим*, тем в большей мере человек управляет содержанием сна; чем *разумнее сотрудничество*, тем выше степень контроля.

Управление содержанием сна и представляет собой то, что называют *контролируемой глупостью*. Глупость возникает, во-первых, потому, что у человека есть иллюзорное представление о том, что он является жертвой обстоятельств, а во-вторых, по той причине, что после воплощения человек не в силах изменить цель сна. Люди не способны изменить окончательный результат сна независимо от того, управляют они своей жизнью или нет, и потому мы должны, в конце концов, признать тот факт, что любые наши действия — не более чем глупость. И все же существует определенная разница: если человек пытается избежать своей судьбы, постоянно увиливая от испытаний, это приводит лишь к возникновению большего числа трудностей; это означает, что человек осложняет свою глупость *покорностью*. С другой стороны, если человек встречает свои испытания, полностью *управляя* своей жизнью, он не только контролирует свою глупость, но и, в сущности, уменьшает ее.

РАЗУМНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОЗНАЧАЕТ КОНТРОЛИРУЕМУЮ ГЛУПОСТЬ ЭТО ДЕЙСТВИЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КЛЮЧ КО ВСЕМ ФОРМАМ МАГИИ И ВЕДЕТ К ПОСТИЖЕНИЮ ЗНАНИЯ ДРАКОНОВ — К ТАКОМУ ПОНИМАНИЮ КОТОРОЕ ВЫЗЫВАЕТ К ЖИЗНИ СПОСОБНОСТЬ МЕТНУТЬ КОПЬЕ СУДЬБЫ И ВООРУЖИТЬСЯ МЕЧОМ СИЛЫ

Как подразумевает это изречение, контроль над своей глупостью является универсальным ключом к тому, что ранее определялось как традиция Толтеков. Однако следует подчеркнуть, что, хотя принцип практики контролируемой глупости широко распространен среди всех воинов, только Путь Свободы позволяет во всей полноте постичь его подлинный характер и значение. Причины этого слишком сложны, чтобы объяснять их в данной книге; достаточно будет сказать, что акту *контролируемой глупости* свойственна способность *манипулировать силой намерения*.

В «Возвращении Воинов» пояснялось, что те явления, которые непосвященный воспринимает как магию, в действительности представляют собой чудеса, вызванные манипулированием *намерением*. Это не магия как таковая, хотя нельзя отрицать, что манипулирование *намерением* является собой поистине внушительное умение и на самом деле выглядит похожим на волшебство. И все же следует помнить, что *намерение* представляет собой свойство осознания *сновидящего*, и потому в отсутствие *разумного сотрудничества*, следовательно, контролируемой глупости не может быть и манипулирования *намерением*. Подлинное манипулирование *намерением* может возникнуть лишь при условии, что человек во всей полноте, сознательно контролирует свою глупость; такие действия подразумевают понимание взаимозависимости всего живого, поскольку не следует забывать, что есть только один *нагвальи*, следовательно, все *сновидящие человечества* обладают групповым сознанием.

Чтобы полностью разобраться в этом, еще раз немного отклонимся от темы и поговорим о разнице между *разумом* тем, что называют *рациональным умом*. Ученики часто ошибочно полагают, что эти понятия означают одно и то же, но можно вспомнить, как в «Крике Орла» объяснялось, что разум представляет собой один полюс осознания *сновидящего*, а *намерение* — другой. С другой стороны, рациональный ум является способностью *сновидящего* проводить расчеты, то есть разрабатывать практические подробности жизни на физическом плане. Иными словами, рациональный ум представляет собой лишь физическое выражение некоей доли подлинного разума.

Необходимо помнить и о том, что функции разума сводятся к разделению на части и

отделению одного от другого в целях эволюции, тогда как функции *намерения* заключаются, во-первых, в подталкивании разума к разделению и, во-вторых, в единении — также во имя развития. В конечном счете разум и *намерение* являются собой одно и то же, а именно — осознанность *сновидящего*. По этой причине то, что называют *первым кольцом силы*, представляет собой тот аспект осознания *сновидящего*, который именуется *разумом*, тогда как *второе кольцо силы* отражает его аспект под названием *намерение*. *Первому кольцу силы* присуще отражение *намерения* в форме побуждения к разделению, или умения различать. Это вызвано тем фактом, что *первое кольцо силы* является по природе своей отнимающим, — потому и утверждается, что подлинное *намерение* становится действенным лишь в том случае, когда используется *второе кольцо силы*. Однако поскольку *намерение* объединяет, оно является по своему характеру прибавляющим, а это означает, что для манипулирования подлинным *намерением* необходимо на практике пользоваться взаимосвязанностью всего живого.

В свою очередь, все сказанное означает, что единственной формой *намерения*, которую можно использовать без практического применения взаимосвязанности всего живого, является *отражение намерения* — по сути своей, разделяющее и, следовательно, отнимающее. Именно это можно по праву назвать *силой разума* в противоположность рациональному уму, который сам по себе не имеет подлинной *силы*. *Сила разума*, разумеется, представляет собой *первое кольцо силы*; этим *отражением намерения* пользуются те воины, что идут по Пути Великого Приключения. В первую очередь, именно по этой причине Путь Великого Приключения не ведет к свободе, поскольку в том случае, когда человек озабочен накоплением *силы* только ради личных интересов, любое применение *намерения* приводит в действие разделяющее свойство разума. Нет нужды говорить, что это лишь усложняет разделенность, и в результате такие воины становятся еще более изолированными, то есть не согласованными со взаимосвязанностью всего живого.

Ловушка Пути Великого Приключения поистине тонка, поскольку заключается в том факте, что человек вполне в состоянии вооружиться такой *силой*, достигнув при этом лишь малого уровня разумного *сотрудничества*. Чтобы правильно понять это, следует отметить, что, хотя все *сновидящие*, без сомнений, соединены групповым сознанием, но разделенность, которая представляет собой один из аспектов осознания *сновидящего*, играет жизненно важную роль в развитии самой осознанности. Вследствие этого, воины, следующие Пути Великого Приключения, не противятся воле своих *сновидящих непосредственно* из-за своей отделенности. Напротив, будучи отделенными, они по-настоящему способствуют эволюции осознания, так как развивают умение различать как у самих себя, так и у окружающих людей. Более того, поскольку *сновидящие* обладают групповым сознанием, а Закон Экономии неизменно обращает любые, как хорошие, так и дурные, поступки личности во всеобщее благо, то такие воины на практике способны манипулировать и разумным аспектом своих *сновидящих*, и всеобщим Законом Экономии, добиваясь при этом выгоды в своем корыстном стремлении к *силе*, которая обеспечит им исполнение тех тщеславных желаний, что не имеют ничего общего со взаимосвязанностью всего живого.

И все же следует отдавать себе отчет в том, что по причине группового сознания *сновидящих* такое положение дел не может длиться вечно. Рано или поздно неизбежно проявится врожденная тяга к единству. Однако иногда случается так, что в каком-либо конкретном воплощении чувство отделенности становится таким сильным, что *сновидящий* почти целиком теряет власть и вся его осознанность терпит ощутимый ущерб. Такой *сновидящий* оказывается в настоящей западне собственного пристального внимания к действиям того, кто снится; порожденная сном иллюзия делает его настолько неуравновешенным, что

сновидящий замыкается на одном полюсе своего осознания, а именно — в разуме. Если сновидящий оказывается в этой ловушке, его называют *угасшей звездой*, так как для того, чтобы выбраться из нее, ему обычно требуются целые эпохи. Разумеется, по человеческим меркам это время является целой вечностью; по этой причине и используют понятие «угасшая звезда».

Эти объяснения дают понять, почему утверждается, что Путь Великого Приключения не ведет к свободе и почему на Пути Свободы такое внимание уделяется взаимосвязанности всего живого. Как уже упоминалось ранее в данной главе, ключ ко всему этому кроется в *разумном сотрудничестве* — этот ключ можно использовать и для разделения, и для объединения, так как он открывает врата *первого и второго колец силы* и является в конечном счете ключом к созиданию и разрушению. Сила под названием *третье кольцо* делает использование этого ключа безопасным, уравнивает созидание и разрушение и, следовательно, связывает *первое и второе кольцо силы* воедино. *Третье кольцо силы* постепенно возникает, когда человек упражняется в окончательной форме *разумного сотрудничества*, которая, фактически, означает такую степень контроля над глупостью, что человек способен управлять своим сном.

Обрести власть над своим сном не так просто, как может показаться на первый взгляд, так как такой контроль означает, прежде всего, что человек должен проснуться во сне. Необходимо понять, что *от этого сна* нельзя пробудиться по той простой причине, что во время физического воплощения внимание *сновидящего* зафиксировано, а тот миг, когда эта фиксация нарушается, означает физическую смерть, так как *сновидящий* отказывается от своего намерения. Таким образом, то, что называют пробуждением во сне, означает, во-первых, что *сновидимый* осознает, что он снится, во-вторых, что все происходящее вокруг является сном и, в-третьих, что он может управлять содержанием этого сна. Вначале все ученики относятся к этому принципу как к полной абстракции, но это происходит лишь потому, что ученики всегда склонны забывать о том, что их социальная обусловленность определяла сон совсем иначе, хотя в действительности любой сон представляет собой измененное состояние восприятия.

Не понимая, что на самом деле означает понятие измененного состояния восприятия, ученики часто начинают задавать такие, например, вопросы: «Значит, этот камень — только сон?» или «Означает ли это, что этот камень — лишь иллюзия и на самом деле его не существует?» Нет, камень вполне реален, не менее реален, чем сам сон; ни то, ни другое не является само по себе иллюзией, но восприятие обоих явлений совершенно изменится, если человек вызовет у себя иные настройки восприятия. Таким образом, иллюзия заключается не в камне и не в самом сне, а, скорее, в том факте, что мы считаем свое текущее восприятие камня единственной и подлинной реальностью.

Из вышесказанного легко сделать вывод: чтобы добиться власти над своим сном, человек должен научиться *смещать фокус* внимания, а это, в свою очередь, означает, что его *точка сборки* должна стать текучей, чтобы он смог вызывать у себя измененные состояния восприятия. Тот, кто не умеет *смещать*, разумеется, остается «жертвой» своего сна. В этом смысле *первичное смещение фокуса* возникает в тот момент, когда ученик начинает осознавать, что жизнь можно воспринимать иначе даже в том случае, если *точка сборки* смещается незначительно. Это небольшое понимание представляет собой большой шаг ученика на пути к пробуждению во сне; когда же он добьется достаточного уровня бодрствования, то начнет управлять этим сном.

Именно после того, как ученик начал пробуждаться, невероятно важной становится техника *разумного сотрудничества*. Если ученик хочет достичь свободы и избежать искушений Пути Великого Приключения, ему совершенно необходимо прийти к осознанию того, что его жизнь хороша такой, какова она есть, и вместо того, чтобы бороться со своей судьбой, он должен достичь всей полноты *разумного сотрудничества* со своим *сновидящим*. Пробуждение действительно чрезвычайно зависит от понимания того факта, что жизнь со всеми ее

испытаниями не является чем-то таким, от чего нужно убегать, так как она предоставляет человеку возможности воплотить свои потенциальные способности на физическом плане. Разумеется, такое воплощение в действительность потенциальных способностей и является истинной целью сна; как только человек постигает это, он не только сливается с *волей сновидящего*, но и поневоле начинает контролировать свою глупость и вызывать к появлению те испытания и следствия, которые способствуют такому процессу воплощения в действительность. Именно по этой причине пробуждение во сне называют также *умением видеть во сне действительность*, то есть свою судьбу.

Очевидно, что для того, чтобы видеть во сне действительность, человеку необходимо отточить свое *искусство сновидения*, так как оно приносит умение вызывать измененные состояния восприятия. Однако, как мы уже убедились на примере иллюзии, нет никакого смысла переходить к измененным состояниям восприятия, если неточным остается *истолкование* воспринимаемого. *Сновидение* неизменно вызывает измененное состояние восприятия, но единственный способ убедиться в том, что истолкование этого восприятия правильно, — *выслеживать* свое восприятие самого себя и окружающего мира.

Чтобы отдать должное основополагающим учениям, связанным с *искусством сновидения*, которые излагались в «Крике Орла», необходимо также на практике воплотить описываемые в данной книге положения *сталкинга*. Сходным образом, для того, чтобы понять содержание этой книги, читателю следует ознакомиться с основами *сталкинга*, которые обсуждались в «Возвращении Воинов». Читателю важно понимать, что *искусство сновидения* и *искусство сталкинга* во многих отношениях представляют собой неразрывно связанные техники, слияние которых воплощено в *Мастерстве осознания*. По существу, *Мастерство осознания* является собой именно то, на что указывает его название; в рамках этой области *искусство сновидения* используется для составления карт непознанных аспектов осознания. Однако, поскольку развитие осознания должно практическим образом протекать на физическом плане, для извлечения практической пользы из тех сведений, что получены благодаря *искусству сновидения*, применяется *искусство сталкинга*. Не следует забывать, что практичность новых знаний кроется в их действенности и, следовательно, достоверности. Нет более верной аксиомы, чем старая поговорка: «чтобы узнать, каков пудинг, надо его попробовать».

Те, кто читал «Возвращение Воинов», вспомнят, что *искусство сталкинга* считается одной из трех сфер мастерства, которыми должен овладеть каждый ученик, надеющийся стать настоящим воином. Причину того, что в данном случае повышенное внимание уделяется *искусству сталкинга*, а не *искусству сновидения*, нелегко объяснить несколькими словами, но я надеюсь, что читатель постепенно поймет это в ходе изложения этой книги. Сейчас достаточно будет сказать, что *сновидение* есть *сновидение*, и при работе с ним остается только *сновидеть* и добиваться все большей опытности в *искусстве сновидения*. Причина этого заключается в том, что сон *сновидящего* зафиксирован, и в *сновидении* невозможно сделать ничего такого, что могло бы нарушить эту фиксацию *сновидящего*. Таким образом, человек не в состоянии изменить свой сон — в конце концов, это и есть его глупость. Однако глупость можно контролировать, и при этом человек манипулирует содержанием сна. Контроль над своей глупостью и манипулирование содержанием сна — вот подлинные цель и значение *искусства сталкинга*. По этой причине *сталкинго* определяется как *мастерство контролируемой глупости*, а *сталкер* — как *мастер контролируемой глупости*.

Мы уже говорили о том, что контроль над своей глупостью является окончательной формой *разумного сотрудничества*, но для того, чтобы добиться такого контроля, необходимо проснуться и осознать тот факт, что мы пребываем в ловушке сна. Такое пробуждение подразумевает *трезвость* — то свойство осознания, которое справедливо связывают с Востоком;

это свойство возникает благодаря *перепросмотру*. Нет лучшего способа проснуться, чем провести *перепросмотр* всей своей жизни и суметь увидеть ее такой, какой она является на самом деле. Однако *трезвость* представляет собой и нечто большее, так как даже небольшая ее доля быстро позволяет человеку осознать, что ни он сам, ни окружающий мир не являются такими, какими человек их всегда считал. Иными словами, *перепросмотр* приносит только *трезвость*, но, благодаря возникновению *трезвости*, он также раскрывает человеку *первый постулат сталкинга* — тот факт, что мир и все, что в нем, представляют собой бесконечную загадку. После такого осознания даже относительно малоопытный ученик уже не сможет смотреть на свою жизнь, как прежде: еще не осознавая этого, такой ученик начал *выслеживать себя*. Однако *искусства сталкинга* можно добиться, только следуя указаниям *силы*, поскольку важно помнить, что именно *сила*, а не мы сами устанавливает правила. Развитие осознания представляет собой игру *силы*, и потому только *сила* вправе устанавливать правила этой игры.

Как неизменно случается со всем, что связано с *силой*, эти правила обманчиво просты, но порождают безграничные следствия. С одной стороны, существует *правило охоты*, а с другой — игровая доска, то есть доска жизни, изображенная на рис. 3, где показаны четыре составные части сна. Эта игра представляет собой универсальную форму пасьянса за тем лишь исключением, что все четыре четверти пребывают в полной взаимозависимости и взаимодействии, а на каждый сделанный ход реагирует *сила*, вложенная в эту доску жизни. Если ход человека способствует развитию осознания, он получает одно очко, являющее собой меру *личной силы*, и это очко предоставляет человеку большую свободу выбора в следующем ходе. С другой стороны, если ход человека противодействует эволюции осознания, он теряет одно очко, и это не только уменьшает его *личную силу*, но и ограничивает его свободу. Целью пасьянса является избавление от всех карт, кроме одной-единственной; сходным образом, игра жизни также требует преодоления всех жизненных испытаний с целью достижения единственности, единения или, иными словами, *полноты сущности*.

Чтобы играть в игру жизни, нужны деятельность и сила — эти качества связаны с Севером. Но для того, чтобы обрести силу и действовать мудро, человек должен действительно владеть *сталкингом*; в свою очередь, для того, чтобы освоить это искусство, ему необходимо воспользоваться *правилом сталкинга*, применяя любые сочетания его семи аспектов ко всему, что он делает в жизни. Именно использование *правила сталкинга* медленно, но уверенно приближает человека к пониманию глубокого содержания *второго постулата сталкинга*. Эти глубинные тонкости выводят человека непосредственно к *Знаниям Драконов*, которые, будучи сутью *третьего кольца силы*, совершенно справедливо связываются с Югом, местом *силы* и *сновидения*.

В одной книге просто невозможно изложить все тонкости, связанные с *четырьмя постулатами сталкинга*, *правилом сталкера* и *Знанием Драконов*, но все три принципа переплетаются так неразрывно, что совершенно необходимо, по крайней мере, представить их как единое целое. В первой части этой книги я попытался изложить как можно больше указаний в отношении того, как лучше всего рассматривать *четыре постулата сталкинга* и использовать их. Хотя для избежания излишней путаницы об этом не упоминалось ранее, читатель уже, скорее всего, понял, что все учения, переданные в первом и втором томах, связаны, в первую очередь, с основополагающими концепциями *первого постулата сталкинга*. Сходным образом, в данной книге я до сих пор уделял *первому постулату сталкинга* больше внимания, чем остальным трем. Причиной этого было то, что, несмотря на взаимозависимость всех *четырех постулатов*, они все же следуют друг за другом, то есть каждый предшествующий дает начало последующему. Таким образом, для полного понимания всех *четырех постулатов* их нужно рассматривать в естественном порядке.

Далее в данной книге мы сосредоточимся на *правиле сталкера*, которое относится ко *второму постулату* и размещается на Севере — в месте силы и действия. Поскольку *второй постулат* возникает из *первого*, теперь нам предстоит рассмотреть более глубокие аспекты *перепросмотра*, который становится по-настоящему доступным только при усвоении *второго постулата*. Хотя на протяжении этой книги мы продолжим касаться *третьего и четвертого постулатов*, а также *Знаний Драконов*, только последующие тома позволят мне подробнее рассказать об этих более глубоких учениях. В рамках настоящей книги достаточно ограничиться *правилом сталкера* и узнать, как сгущать туманы того, что со временем станет *Знаниями Драконов*, ибо без такого понимания у нас нет надежды когда-либо постичь эти *Знания*, не говоря уже об их практическом использовании.

Сейчас мы не в состоянии сколько-нибудь ясно определить *Знания Драконов*, однако, продвинувшись до текущего уровня, вполне возможно, по меньшей мере, изучить следующее изречение, которое будет использоваться в качестве отправной точки для последующего изложения.

НАУЧИВШИСЬ ВЫСЛЕЖИВАТЬ СОБСТВЕННЫЙ СОН И СНЫ ОКРУЖАЮЩИХ. ВОИН ПОСТИГАЕТ ЗНАНИЯ ДРАКОНОВ. ЗНАНИЯ ДРАКОНОВ ПОЗВОЛЯЮТ ВОИНУ ПРОНИКНУТЬ В СОН ОРЛА И ПРИ ЭТОМ НАУЧИТЬСЯ СОЗДАВАТЬ ТАКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КАКИЕ НИКОГДА ПРЕЖДЕ НЕ ВОЗНИКАЛИ. ПРЕИМУЩЕСТВО ЭТОГО ДЕЙСТВИЯ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО В УСЛОВИЯХ НЕОБХОДИМОСТИ СПРАВЛЯТЬСЯ С НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМИ ПРИЧУДАМИ СИЛЫ ВОИН ОКАЗЫВАЕТСЯ СПОСОБНЫМ СОЗДАВАТЬ КОЗЫРНЫЕ КАРТЫ КОГДА БЫ В НИХ НИ ВОЗНИКЛА ПОТРЕБНОСТЬ ТАКИМ ОБРАЗОМ ЗНАНИЯ ДРАКОНОВ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ЗНАНИЕ ИСКУССТВА СТАЛКИНГА— УМЕНИЕ ВЫБИРАТЬСЯ ИЗ ЛЮБЫХ ЛОВУШЕК

Концепцию *Знаний Драконов* невозможно понять без необходимости рассмотреть реальность альтернативных миров, и в этом отношении *Знания Драконов* очень многое рассказывают о том мире, который называют *Миром Магов*. Воины Свободы уже не прибегают к древним практикам колдовства, так как эти приемы не ведут к свободе, и все же название этого мира не изменилось по той простой причине, что для этого мира оно остается самым подходящим. Мне хотелось бы отметить важный момент: хотя эта книга предназначена для читателя, который делает первые шаги в умении настраиваться на этот мир и проникать в него, следует ясно понимать, что в Мир Магов ведет несколько дверей. Все они открываются в лабиринт — в лабиринт, в котором очень легко заблудиться, так как одна иллюзия сменяется в нем другой. Существует лишь одна верная дверь — она выглядит так же, как все прочие, но ведет к самому сердцу этого мира. Именно там, в центре Мира Магов, человеку открывается истина о *Знании Драконов*, именно там он может взглянуть на отражения точки *вращения трех колец*, а также на отражения *Копья Предназначения* и *Меча Силы*. Именно к этим дверям я веду читателя — к этим, а не ко всем прочим, слишком хорошо известным магам наших дней.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРАВИЛО СТАЛКЕРА

1. ВОИН САМ ВЫБИРАЕТ СВОЮ БИТВУ И ПОТОМУ ВСЕГДА С ОГРОМНОЙ ТЩАТЕЛЬНОСТЬЮ ОЦЕНИВАЕТ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И УСЛОВИЯ ПРЕДСТОЯЩЕГО СРАЖЕНИЯ
2. В СВОЕМ СТРЕМЛЕНИИ К ПРОСТОТЕ ВОИН ОТБРАСЫВАЕТ ЛЮБЫЕ ЛИШНИЕ ДЕЙСТВИЯ
3. ВОИН ВСЕГДА ГОТОВ СРАЗИТЬСЯ НА СМЕРТЬ ПРЯМО ЗДЕСЬ И ПРЯМО СЕЙЧАС
4. ВСТУПИВ В БИТВУ, ВОИН ПОЛНОСТЬЮ ОТДАЕТСЯ СВОИМ ДЕЙСТВИЯМ. ПОЗВОЛЯЯ СВОЕМУ ДУХУ ТЕЧЬ ЛЕГКО И СВОБОДНО ТОЛЬКО ПРИ ЭТОМ СИЛЫ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ НАПРАВЛЯЮТ ВОИНА ПРОКЛАДЫВАЯ ПЕРЕД НИМ ПУТЬ
5. СТАЛКИВАЯСЬ С НЕРАВНЫМ ПРОТИВНИКОМ ВОИН ОТКРЫВАЕТСЯ ОКРУЖАЮЩЕМУ МИРУ И ПОЗВОЛЯЕТ СВОЕМУ РАЗУМУ ЗАПЯТЬСЯ МЕЛОЧАМИ ЖИЗНИ
6. ВОИН ВСЕГДА СЖИМАЕТ ВРЕМЯ ЛЮБАЯ БИТВА КРУПНАЯ ИЛИ МАЛАЯ, ЯВЛЯЕТСЯ СРАЖЕНИЕМ НЕ НА ЖИЗНЬ А НА СМЕРТЬ И В ТОМ СРАЖЕНИИ. ГДЕ СТАВКОЙ СТАНОВИТСЯ ЖИЗНЬ МГНОВЕНИЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ВЕЧНОСТЬ — В ВЕЧНОСТЬ ОПРЕДЕЛЯЮЩУЮ ИСХОД БИТВЫ
7. СТАЛКЕР НИКОГДА НЕ РАСКРЫВАЕТ СВОЮ СУЩНОСТЬ — ДАЖЕ САМОМУ СЕБЕ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПРОБУЖДЕНИЕ ВО СНЕ

НЕЛЬЗЯ ДОБИТЬСЯ ВЛАСТИ НАД СНОМ, НЕ ПРОСНУВШИСЬ. ПРОСНУТЬСЯ ОЗНАЧАЕТ ЗНАТЬ, ЧЕМ НА САМОМ ДЕЛЕ ЯВЛЯЕТСЯ КАЖДАЯ ГРАНЬ ЖИЗНИ ЧТОБЫ ДОСТИЧЬ ТАКОГО УРОВНЯ ТРЕЗВОСТИ, СЛЕДУЕТ ПРОВЕСТИ ПЕРЕПРОСМОТР ВСЕЙ СВОЕЙ ЖИЗНИ — ОТ ТЕКУЩЕГО МГНОВЕНИЯ ВСПЯТЬ, ВПЛОТЬ ДО САМОГО МИГА РОЖДЕНИЯ БЕЗ ПОДОБНОЙ ТРЕЗВОСТИ ЧЕЛОВЕК ВСЕГДА БУДЕТ ВЕСТИ СЕБЯ КАК КЛОУН, ПОСТОЯННО ПОВТОРЯЯ СОБСТВЕННУЮ ГЛУПОСТЬ.

Если человек стремится к разумному сотрудничеству со своим сновидящим, ему необходимо осознать, что тот сон, который ему так долго снится, является не реальностью, а иллюзией, поддерживаемой социальной обусловленностью. Однако именно в этот момент большая часть людей, ранее выражавших желание стать воинами, внезапно разворачивается и уходит от возникшего испытания. Обычно человеку чрезвычайно трудно смириться с тем, что все, во что он верил, ради чего трудился и на что надеялся, представляет собой иллюзию; нелегко даже принять это в качестве допустимой гипотезы. Но и среди тех немногих, кому хватило смелости открыто столкнуться с этим испытанием, остается лишь горстка людей, имеющих то, что требуется для овладения Путем Воина. Причина такого положения вещей довольно проста: люди не хотят меняться. И действительно, неужели каждый должен меняться лишь потому, что некто объявляет себя Нагвалем и утверждает, что перемены необходимы?

ПУТЕМ ВОИНА МОЖНО ОВЛАДЕТЬ ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ ЕСЛИ ЭТО СТАНОВИТСЯ ВОПРОСОМ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Легко понять, что, пока люди вполне обоснованно довольны тем, как развивается их жизнь, у них не может возникнуть веских поводов что-либо менять. Вместо этого большая часть людей предпочитает просто знакомиться с новыми способами сделать свою жизнь богаче. Существует огромное число людей, которые совсем не против обрести силу и способности воина, но только как некие дополнительные преимущества, обогащающие их текущую жизнь. Однако нельзя добиться силы воина, не став воином, а для того, чтобы стать воином, необходимо полное преобразование острова тоналя.

Подвергнуть себя полному преобразованию готовы только те, кто честно признаются самим себе, что им уже нечего терять. Однако человеку всегда есть что терять, и потому ученики сопротивляются переменам, но такое сопротивление означает, что они неосознанно цепляются за прежний образ жизни.

Именно по этим причинам нагвали никогда не торопятся брать в ученики первого встречного, тем более что обычный срок ученичества составляет от пятнадцати до двадцати лет. Таким образом, прежде чем вложить в ученика время и энергию, Нагваль должен убедиться — во всяком случае, настолько, насколько это возможно, — в том, что у этого ученика есть все необходимое для успешного обучения.

Эти вопросы очень тесно связаны с рассматриваемыми в данный момент фрагментами учений и с нашей эпохой в целом. В прошлом, когда основная задача каждого Нагваля заключалась в сбережении учений, обеспечение продолжения своей линии передачи было для него жизненно важной задачей. Невозможность найти подходящую смену для его собственной группы означала, что сберегаемые группой знания будут просто потеряны. В связи с этим часто задают вопрос о том, почему Толтеки никогда не записывали свои учения. Однако я надеюсь, что к настоящему времени у читателя уже возникли пусть даже туманные представления о том, почему этот вариант никогда не считался приемлемым.

Прежде всего, следует осознать, что мы просто не в состоянии должным образом выразить

большую часть учений на словах; во-вторых, Путь Воина является путем практики — если бы учения были просто записаны в книгах, со временем они оказались бы застывшими и устарелыми. Единственный способ сохранить жизненность и практичность учений, а также их согласованность с эволюцией — это обеспечить такие условия, в которых каждое новое поколение развивало бы свои знания, живя как воины, и, в свою очередь, проводило бы обучение очередного поколения. Если бы учения передавались в письменном виде, они, без сомнения, оказались бы потерянными и забытыми уже тысячелетия назад — не осталось бы ни одного воина-Толтека, а человечество так никогда и не узнало бы, что когда-то у него было наследие.

Поскольку сегодня человечество достигло совершеннолетия и готово вступить в права владения своим наследием, вся ситуация коренным образом изменилась. Тот факт, что ныне учения начинают передаваться в письменной форме, стал возможным благодаря достаточному числу людей, которые способны взять на себя заботу об учениях и непременно сделают это. Соответственно, нагвалям уже совсем не обязательно поддерживать жизнь своих линий передачи, так как основополагающая цель существования таких линий уже достигнута. Толтеки без искажений донесли до человечества доверенные им сокровенные истины, и в настоящий момент времени исполняют свой последний долг перед людьми, передавая человеку то, что принадлежит ему от рождения. Роль хранителей человеческого наследия, которую Толтеки так долго исполняли, уже закончена, и потому новых линий передачи уже не будет.

Эти разительные перемены имеют множество следствий, но они станут понятными в ходе дальнейшей передачи учений. Единственным следствием, которое непосредственно связано с рассматриваемым в данный момент разделом учений, является тот факт, что сейчас Толтеки во многих отношениях вновь возвращаются к своей исходной роли в жизни человечества с тем лишь исключением, что теперь они не будут думать за людей, но станут только их наставниками и советниками. Человечество приблизилось к *часу силы*, и если человек хочет заявить свои права на *силу*, ему придется с полной ответственностью отнестись к факту своего совершеннолетия и к тому, что теперь ему предстоит думать и действовать самостоятельно. Толтеки продолжают играть свою роль проводников на пути, но бремя ответственности за поиски этого руководства опустится на самого человека. Миновали те дни, когда Толтекам приходилось сохранять наследие человека в неприкосновенности. Если теперь люди растратят свое наследие, то есть не воплотят на практике и позабудут то, что им вручается, или не станут искать руководства в отношении лучших способов использовать это наследие и тем самым им злоупотребят, в этом будут виноваты они сами и только они.

Хотя прежде для того, чтобы обеспечить сохранность учений на протяжении всей линии передачи, Нагвалю всегда приходилось убеждаться в том, что его ученики обладают всеми необходимыми для превращения в воинов качествами, сейчас ситуация изменилась. Современные нагвали уже не обязаны поддерживать свои линии передачи, то есть им уже нет нужды подыскивать пригодных преемников. Иными словами, хотя Нагваль по-прежнему обязан направлять людей к свободе, ничто не заставляет его ни иметь личных учеников, ни беспокоиться о том, обладают ли те, кто явился за его наставлениями, необходимыми для успеха качествами. В свою очередь, это означает, что теперь Нагваль может позволить себе стать еще более придиричивым в выборе учеников, так как даже полное их отсутствие уже не будет иметь никакого значения.

Что касается моих книг, то следует подчеркнуть очень важный факт: я ни в коей мере не несу ответственности за то, как поступит читатель с переданными ему учениями. Сейчас появилась возможность, какой не возникало прежде: учения записываются в письменной форме и ими может воспользоваться любой, кто только пожелает. Однако условия превращения в воина ничуть не изменились, за исключением того, что теперь этого можно добиться с помощью

письменных наставлений, а не только благодаря устным указаниям нагвалей.

То, что теперь учения доступны каждому без каких-либо различий, просто прекрасно, но я был бы несправедлив к читателю, если бы не предупредил его о скрытой западне этой новой ситуации. Опасность кроется в вере человека в то, что он имеет право изменять правила так, чтобы они согласовывались с его целями. Потворствовать подобному убеждению означает попусту тратить время и силы. Позвольте мне еще раз сказать о том, что, не став воином, нет никакой возможности обрести умения, способности и *силу* воина. Считать, что можно дополнить чертами воина прежний образ жизни, — все равно что надеяться стать чемпионом мира по теннису, не посвятив этой игре всю свою жизнь, свою карьеру и самого себя.

Сегодня воином может стать каждый, но только в том случае, если он удовлетворяет требованиям совершеннолетия. Однако это ничуть не мешает людям извлекать из учений только то, что они сочтут полезным или обогащающим. Вообще говоря, в этом нет ничего плохого — напротив, это стоит поощрять, добиваясь, однако, понимания, что отсутствие готовности к переменам и желание взять только то, что нравится, никогда не сделает человека воином. Такого человека можно сравнить с теннисистом, который учится играть не для того, чтобы стать чемпионом мира, но только ради удовольствия и обогащения своей жизни. Глупо надеяться на то, что средний теннисист сможет состязаться на мировом первенстве; не менее глупо считать себя способным на то, что может воин, если при этом человек не является воином. Даже если кто-то окажется настолько нечестным перед самим собой, что сотню раз на день будет называть себя воином, у него нет никакой возможности подделать *безупречность* духа воина или притвориться, что он обладает *силой*. Рано или поздно поступки человека покажут, что все это — просто глупый фарс.

Эти рассуждения вплотную подводят нас к *правилу stalkера*; если читатель намеревается заявить свои права на *силу* и стать воином, а не просто обогатить свой нынешний образ жизни фрагментами учений, ему предстоит научиться *безупречно отслеживать себя*. Для этого прежде всего необходимо задать самому себе вопрос: «Действительно ли я хочу стать воином? Готов ли я подвергнуться полной трансформации?»

Если каждая клеточка существа человека кричит, что иного пути нет, он действительно готов предпринять все усилия, чтобы воплотить эти учения на практике независимо от того, сколько неудач постигнет его на этом пути. Следует помнить, что подобные неудачи не имеют значения, так как они учат человека большему, чем случайное везение новичка. Осваивая игру в теннис, человек бесчисленное число раз упускает мяч, но каждая пропущенная подача позволяет ему учиться на своих ошибках. Так устроена жизнь, и этот принцип справедлив в отношении любого обучения. И все же в изучении Пути Воина и, в особенности, умения *отслеживать себя* не следует поверхностно относиться ни к чему, пусть даже это кажется невероятно логичным.

Научиться играть в теннис — это одно, но понять, что значит быть воином, — совсем другое. Причина очень проста: воином можно стать, только воплощая эти учения на практике, в своей жизни, а не на теннисном корте. Если человек постоянно теряет мяч на теннисном корте, он в худшем случае проиграет партию, но каждая потеря мяча в жизни означает серьезные последствия — и не только для самого человека, но и для всех окружающих. Вследствие этого ни один человек не обладает правом безнаказанно совершать ошибки, поскольку, обучаясь игре жизни, люди не просто упражняются ради того дня, когда им доведется принять участие в настоящем теннисном соревновании. В жизни любое упражнение является реальным событием и вызывает реальные последствия; это остается справедливым независимо от того, хочет человек стать воином или нет. Однако в случае, если он действительно собирается стать воином — не потому, что это неплохая мысль, а потому, что достижение уровня воина является для этого

человека вопросом жизни и смерти, — любое упражнение, любое событие представляет собой настоящую битву — его последнюю битву на земле. Очевидно, что в битве, ставкой в которой является жизнь, человек просто не может позволить себе допускать ошибки. И все же он будет их совершать, будет на них учиться, но такая учеба очень трудна. Всем нам приходится расплачиваться за каждый урок какой-то частицей своей жизни.

Одним из первых принципов, который усваивает при вступлении на Путь Воина каждый ученик, является первый аспект правила сталкера: воин сам выбирает свою битву и потому всегда с огромной тщательностью оценивает обстоятельства и условия предстоящего сражения. Выражение «сам выбирает свою битву» не следует воспринимать поверхностно. Сейчас мы поговорим об этом подробнее, но прежде следует сообщить, что те ученики, которые упорно не обращают внимания на первый аспект правила сталкера, то есть упрямо цепляются за устаревший образ мышления и поведения, обречены на провал, поскольку не желают просыпаться. Такому ученику никогда не стать воином по той простой причине, что он настаивает на глупости своего сна.

Следует полностью осознать факт, значение которого невозможно переоценить: первоначальный акт пробуждения во сне — не столько техника или обретенная способность, сколько *акт выживания*. Зачем человеку просыпаться, если сон ему нравится? Вы захотите проснуться и избавиться от содержания своего сна только в том случае, если сон начинает превращаться в кошмар.

Однако нечто кошмарное для одного человека совсем не обязательно должно пугать другого. Все мы разные, и потому понятие кошмара весьма индивидуально. К примеру, для одного кошмаром может быть нищета, а для кого-то другого — управление финансовой империей. Сходным образом, одной супружеской паре ужасной кажется мысль о сыне-преступнике, тогда как другие содрогаются от одной мысли об умственно отсталом ребенке. И все же в любом случае сон становится кошмарным потому, что у человека, которому он снится, возникает ощущение, что его рассудок и, быть может, сама жизнь подвергаются угрозе в самом подлинном смысле этого слова — ведь во сне некуда бежать и негде спрятаться. Тогда — и только тогда — человек начинает борьбу за пробуждение.

Проснуться во сне не так просто, как внезапно вернуться к трезвому бодрствованию посреди ночи. Пробуждение во сне начинается после того, как человек принимает важнейшее решение измениться. Накопление подлинной *трезвости* представляет собой длительный процесс борьбы за то, чтобы увидеть содержание сна таким, каким оно является на самом деле. Первоначальное решение становится поистине решительной переменой, но за ним должны последовать необходимые действия, но чтобы любое действие случилось и принесло результаты, нужно время. Попросту невозможно посадить семя сегодня и завтра же увидеть на этом месте пышное дерево.

По традиции, Нагваль принимает человека в ученики только в том случае, когда видит, что этот человек уже ведет борьбу за пробуждение. Когда ученик достигает этого уровня, его уже не нужно убеждать в том, что любое событие является борьбой не на жизнь, а на смерть. Он и так понимает это, и теперь ему нужно узнать, что именно следует делать. Единственный выход ученика — двигаться вперед, и он начинает учиться *выслеживать* свое восприятие или, иными словами, *выслеживать* свой сон. Однако, поскольку такой ученик всегда является новичком, ему еще не хватает *трезвости* для того, чтобы понять подлинный смысл *правила сталкера*, не говоря уже о *четырех постулатах сталкера*. По этой причине давайте обратимся к примеру, как ученик должен *выслеживать* свой сон. Для этого воспользуемся случаем из жизни моего собственного ученика; разумеется, я изменил его имя.

Шон и его брат Уиллис работают вместе, поскольку компанию основал Шон, он

всегда был ее управляющим директором, хотя братья не оговаривали этого прямо, однако совершенно незаметно подводные течения, некоторое время набравшие силу в их отношениях, прорываются на поверхность, и Уиллис сообщает Шону, что берет на себя управление компанией и с этого момента собирается вести дела по-своему. Более того, Уиллис дает Шону понять, что, если того это не устраивает, он может уйти, но при этом ничего не получит.

После такого оборота событий Шон сталкивается в самой настоящей дилемме, так как деле не только в том, что на карту поставлено все то, ради чего он трудился и на что надеялся; проблема еще и в том, что именно он обеспечивал гарантии всех обязательств компании. Таким образом, если он останется в деле, то окажется в неловком положении, так как ему придется во всем отчитываться перед братом — и, прежде всего, за самого себя, ведь компанию основал он. С другой стороны, если Шон позволит брату вести дела по-своему и просто уйдет, то по закону нести ответственность, если Уиллис разорится, будет он.

Что же делать Шону? Чтобы ответить на этот вопрос, следует прежде всего принять во внимание тот факт, что Шон — ученик Пути Воина, поскольку именно это определяет возможности его выбора. Если бы Шон не был учеником, варианты возможного поведения были бы самыми разнообразными — в первую очередь, именно поэтому в начале данной главы я пояснял разницу между тем, кто серьезно намерен стать воином, и тем, кто просто хочет воспользоваться учениями, чтобы сделать свою жизнь богаче. Поскольку в моих книгах учения передаются в их чистом виде, то есть исходя из предположения о том, что читатель является настоящим учеником, бремя ответственности за применение этих учений с надлежащей осторожностью и рассудительностью ложится на самого читателя. Иными словами, если читатель окажется в неприятном положении по той причине, что никогда серьезно не намеревался стать воином, он должен понимать, что не имеет никакого права обвинять ни учения, ни меня. Если читателю захочется поплескаться в учениях Толтеков, никто не сможет ему помешать, однако он должен следить за тем, чтобы не обжечь в этом кипятке пальцы или, хуже того, не потерять всю руку!

Вернемся к Шону — ученику на Пути Воина. Легко понять, что он не может избрать ни один из тех вариантов, какие сгодились бы для обычного человека, не являющегося учеником, так как любые такие возможности выбора лишь привели бы Шона к укреплению восприятия иллюзии сна и заставили бы его постоянно повторять собственную глупость. Поскольку Шон хочет стать воином, у него нет иного выбора, кроме попытки приложить все силы к тому, чтобы вести себя подобно поистине безупречному воину. Это чрезвычайно важно, так как ученики очень часто склонны забывать о том, что единственный путь к тому, чтобы заявить свои права на силу воина, — столкнуться с вызовом силы, а именно это и произошло с Шоном.

И все же, когда это случается, ученик обычно прилагает все усилия к тому, чтобы увильнуть от испытания, отчаянно возражая против того, что он уже готов справиться с этим испытанием как должно воину. Однако мы говорим не о тренировке на теннисном корте — мы имеем дело с подлинным вызовом, брошенным силой; это испытание становится для Шона настоящей битвой, исход которой повлияет на всю его последующую жизнь — и не только на его жизнь, но и на жизнь его брата, их родителей и всех тех, кто связан с этой ситуацией. Такова природа Пути Воина: если человек хочет стать воином, он должен быть готов вскочить на ноги и сражаться изо всех сил независимо от того, хватает ли у него этих сил для победы.

Если Шон собирается отнестись к этому испытанию подобно настоящему воину, то первым делом он должен применить первый аспект правила сталкера, который гласит: *воин сам выбирает свою битву*. Это совсем не означает, что воин сам принимает решения о том, в каких

битвах принять участие, а от каких отказаться. Любое испытание очень важно, так как несет в себе *дар силы*, и потому воины просто не могут позволить себе отказаться от какого-либо сражения. В действительности эти слова означают, что человек должен отдавать себе полный отчет в том, что именно является *настоящей* битвой. В зависимости от уровня восприятия, любое испытание можно рассматривать под несколькими различными углами зрения, и все эти перспективы позволяют оценивать сражение. Обычно люди не достигают особой ясности в отношении трудностей своей жизни, так как большинство из них склонно сосредотачиваться на «плохих» сторонах испытания и в результате вынуждено сражаться в «плохих» битвах.

Итак, если Шон намерен удостовериться в том, чем является его столкновение с братом, он не просто не может выбрать свою точку зрения случайным образом и счесть этот взгляд на битву подходящим; вместо этого он должен с *огромной тщательностью оценить обстоятельства и условия сражения*. В этом смысле Шону очень важно помнить о том, что мир не таков, каким кажется. Пытаясь делать это, Шон не забывает и о том, что он должен принять свое испытание за чистую монету, так как именно это становится началом битвы, но в то же время он не должен оказаться в ловушке поверхностного отношения к испытанию как к настоящей битве. Шону необходимо помнить и о том, что он должен постоянно стремиться к использованию *цита воина* — если он потеряет бдительность и не вступит в свое сражение со страхом, уважением и полной уверенностью, это будет равнозначно поражению.

Добившись такого уровня ясности в отношении того, с чем он столкнулся, Шон все еще испытывает потребность удостовериться в том, что именно в этой ситуации является подлинной битвой лично для него. Если Шон не собирается слепо пялиться на поверхностное значение этого испытания, ему настоятельно необходимо *сместить фокус* той точки зрения, с которой он привык рассматривать испытания такого рода. Это подразумевает, что он должен *выслеживать* свое восприятие; в противном случае выработанные за всю его жизнь привычки будут удерживать его в рамках обычного восприятия. Чтобы добиться этого, Шон должен стремиться к использованию *правила сталкера*, одновременно не забывая о том, что это можно сделать, только принимая во внимание все четыре составные части сна. Следует понимать, что эти четыре составные части пребывают в неразрывном взаимодействии, и это взаимодействие будет определять, во-первых, то, как Шон воспринимает свое испытание, во-вторых, его стратегию и, в-третьих, исход битвы. Любое применение *правила сталкера* неизменно приводит в действие цепную реакцию, исход которой невозможно предсказать заранее из-за непредсказуемости *причуд силы*. Иными словами, применение *правила сталкера* означает прыжок в непознанное, однако любой непродуманный прыжок в неизвестное представляет собой полную глупость. Любой, кто окажется настолько глуп, что воспользуется *правилом сталкера* таким образом, просто столкнется с еще большими неприятностями, чем ожидал.

Подлинное искусство опытного *сталкера* заключается в способности импровизировать, но такая импровизация не может представлять собой всякий вздор, разыгрываемый в зависимости от обстоятельств. Необходимо помнить о том, что речь идет о реальной жизни; если человек хочет избежать острых стрел Вселенной, любая импровизация должна быть виртуозной, невероятно точной и, прежде всего, опирающейся на правду. Весь смысл *сталкинга* заключается в получении преимуществ в целях выживания, но тот, кто потворствует небрежному и недисциплинированному поведению, основанному на лжи, не сможет прожить долго — особенно в том случае, если этот человек применяет *правило сталкера*.

Искусство импровизации представляет собой мастерство, которого можно достичь только путем следования точно определенному набору указаний. Обратите внимание на то, что я использую слово «указания», а не «правила». В импровизации не может быть жестких правил, поскольку каждая возникающая ситуация уникальна и, следовательно, становится исключением

из правил. Единственной надежной основой рекомендаций в отношении *сталкинга* может быть стратегия — именно эту основополагающую стратегию и называют набором указаний.

В действительности это не указания в обычном смысле этого слова, но скорее — описания природы того, что называют умением *чувствовать путь в темноте*. По традиции эти указания словесно выражаются следующим изречением, которое, несмотря на его предельную точность, довольно трудно постичь рациональным умом.

ЛЮБОЙ МАНЕВР СТАЛКИНГА ПО СУТИ СВОЕЙ ЯВЛЯЕТСЯ ИМПРОВИЗАЦИЕЙ. ТАКАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ ДОЛЖНА ОПИРАТЬСЯ НА ВЕРНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ЧЕТЫРЬМЯ СОСТАВНЫМИ ЧАСТЯМИ СНА. КОТОРЫЕ АВТОМАТИЧЕСКИ ВОЗНИКАЮТ ПРИ ЛЮБОМ ДЕЙСТВИИ — ФИЗИЧЕСКОМ, ЭМОЦИОНАЛЬНОМ И УМСТВЕННОМ. ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ ПРОВЕСТИ ТАКОЙ АНАЛИЗ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ. ЧТОБЫ ОЦЕНИТЬ ЛИНИИ НАПРЯЖЕНИЯ. ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПАУТИНЕ ЖИЗНИ. ЭТИ ЛИНИИ НАПРЯЖЕНИЯ НЕИЗМЕННО СТАНОВЯТСЯ ДОСТУПНЫМИ ВОСПРИЯТИЮ. КОГДА В ИГРУ ВСТУПАЮТ ЧЕТЫРЕ ПОСТУЛАТА СТАЛКИНГА.

Давайте внимательно рассмотрим следствия этого изречения, чтобы понять смысл того набора указаний, о которых идет речь. Выражение «оценить *линии напряжения*, возникающие в паутине жизни» очень трудно пояснить, не прибегая к сложным техническим подробностям, однако в интересах изложения я постараюсь свести описание этой технической теории к минимуму.

Следует понимать, что, поскольку все живое взаимосвязано, каждое возникающее в жизни человека испытание представляет собой лишь следствие взаимодействия энергий, вызванного накапливающимися влияниями *силы*.

Это означает, что в рассматриваемом примере Шон вовсе не является жертвой несправедливого нападения со стороны брата. На самом деле, Шон просто столкнулся с испытанием, которое представляет собой совокупный результат невыразимого числа восприятий как прошлого, так и настоящего. Чтобы правильно понять это, нужно осознать, что эти восприятия принадлежат не только самому Шону и его брату, но и их преподавателям в школе и университете, их друзьям и знакомым, их деловым партнерам и многим другим. Все эти восприятия взаимодействуют, так как порождаемая каждым из них *личная сила* в конце концов дает начало *всеобщей силе*. Нужно помнить, что вторичным импульсом акта восприятия являются эмоции, и они тоже взаимодействуют. Все эти взаимодействия порождают новые восприятия, и в итоге можно наблюдать множество восприятий, расходящихся круг за кругом — каждый круг порождает новую *силу*, помимо того, заряжается эмоциями.

Такие расходящиеся круги всегда порождают определенные последствия в жизнях всех участников событий, и личная воля выразит эти последствия в понятиях каких-либо действий — умственных, эмоциональных или физических. Подобные действия определяются тем, что называют *интенсивностью расходящегося круга*, породившего само действие. *Интенсивность расходящегося круга* возникает, когда *личная сила* и вызванные восприятием эмоции одного человека приходят во взаимодействие с теми же качествами другого человека. Очевидно, что если в события вовлечено большое число людей, то *интенсивность расходящегося круга* будет определяться взаимодействием между продуктами восприятия каждого участника.

Качество этой *интенсивности* люди обычно называют тем или иным настроением; оно находится в прямой зависимости от испытываемой *степени восприятия*. Например, когда два человека беседуют друг с другом и восприятие обоих затуманено социальной обусловленностью, ни один не будет воспринимать достаточно хорошо. В результате между ними возникнет серьезное недопонимание, а неверные истолкования того, что говорит собеседник, приведут к

разговору, который породит вполне определенный тип настроения. Это справедливо в отношении не только двух собеседников, но и вообще всех форм восприятия на всех возможных уровнях — даже на уровнях расы, страны и всего мира в целом. Таким образом, в зависимости от той степени восприятия, которая господствует в данный момент, всеобщее *качество восприятия*, и *ли* и *настроение*, может проявляться как жестокость, меланхолия, миролюбие, возбуждение и так далее.

Подобные качества неизменно порождают определенную форму *напряжения*, и, поскольку все живое взаимосвязано, эти *линии напряжения* всегда присутствуют в паутине жизни, а каждый человек их ощущает, или *чувствует*. Опытный *стояке*? использует эти *линии напряжения* в своих импровизациях; вполне понятно, что его искусство импровизации зависит от того, насколько легко он *читает* и *оценивает* характер этих *напряжений*. Это означает, что искусный *сталкер* не только обладает высокой чувствительностью по отношению к самым малым смещениям *линий напряжения*, но и умеет с невероятной точностью толковать все тонкости *линий напряжения*, а также в доли секунды оценивать их потенциальные возможности.

По природе своей *линии напряжения* представляют собой энергию, которая оказывает влияние и на личность, и на саму паутину жизни. Рассказ о том, как именно это происходит, выходит за рамки настоящей книги, и потому достаточно будет сказать, что *линии напряжения* обычно взаимодействуют друг с другом таким образом, что воплощают в действительность то, что люди считают жизненными испытаниями. В этом и заключается истинность таких утверждений, как «Будь осторожен в своих желаниях, ибо они могут сбыться», «Самые ужасные кошмары становятся явью» или «Человек сам навлекает на себя неприятности».

Итак, если человек хочет увидеть, что представляет собой его битва на самом деле, а не стать одержимым ее поверхностным смыслом, он должен научиться выяснять, какие именно *линии напряжения* привели к этому сражению. Единственный способ обрести такое умение заключается в том, чтобы на практике познать *четыре постулата сталкинга*, так как, согласно этим *постулатам*, проникающий в жизнь поток *силы* неизменно подчиняется определенной схеме — несмотря на то, что исход этого потока совершенно причудлив и непредсказуем. Чтобы понять, как это делается, вновь обратимся к примеру Шона.

Если Шон хочет понять, что именно происходит в его жизни, ему необходимо постараться использовать *четыре постулата сталкинга* и выяснить, какие именно *линии напряжения* породили возникшее перед ним испытание. Как показывают *четыре постулата сталкинга*, поток *силы* может направляться на Восток, Север, Юг и Запад, и потому каждое испытание следует рассматривать в том же порядке. Поскольку Восток представляет собой место *трезвости*, то, разумеется, первым требованием при преодолении любого испытания является достижение ясности в отношении возникшей проблемы. Однако в *первом постулате сталкинга* говорится, что *весь мир и то, что он в себя включает, представляют собой бесконечную загадку*, к которой, без сомнений, относятся и жизненные испытания. Таким образом, Шон не может подходить к своему испытанию рационально, поскольку такой подход не оставляет места загадке и, следовательно, позволит ему ясно увидеть только поверхностное значение испытания.

Шон не может и убежать от этого испытания, так как во *втором постулате сталкинга* утверждается, что *долг воина заключается в разгадке этой тайны*. Одного воспоминания о *втором постулате* полностью хватает Шону для того, чтобы понять, что он не может уйти и позволить брату вести дела по-своему. *Второй постулат* относится к Северу, месту *действия*, и потому Шону требуется предпринять некие шаги — разумеется, его действия должны быть направлены на решение той загадки, воплощением которой является возникшее

перед Шоном испытание. Вторая часть того же *постулата* предупреждает, что *воин никогда не должен предаваться надежде на то, что это ему удастся*. На практике это означает, что любое испытание представляет собой лишь частичное воплощение общей загадки. Иными словами, то, что происходит между Шоном и его братом, — не каприз мгновения, но, скорее, результат чего-то такого, что назревало уже долгое время; вполне возможно, этот процесс продолжался на протяжении всей жизни Шона, а его исход повлияет на всю его последующую жизнь. Это очень важный вопрос, который будет подробнее обсуждаться в следующей главе.

Переходя к *третьему постулату*, Шон осознает, что если он собирается решить эту загадку, правильно управляя своим испытанием, то ему необходимо *считать самого себя ее частью* и стремиться *стать единым с ней*. Во всех учениях нет более ясного указания на то, что человек не может позволить себе индальгировать в своей убежденности в том, что он является жертвой. Иными словами, Шон должен признать, что тоже несет часть ответственности за перемены в настроении и поведении своего брата. Это ничуть не удивительно, так как восприятие и его продукт пребывают в полном взаимодействии — удивительно то, как часто люди упрямо считают себя совершенно невинными жертвами.

Сейчас мне хотелось бы в очередной раз отметить, что в этом мире нет жертв, но даже если бы они были, то никогда не могли бы оказаться совершенно невинными. Если человек *предпочитает* считать себя жертвой, то он действительно становится ею. С другой стороны, если человек предпочитает быть воином, а не жертвой, то он должен осознать, что сам несет ответственность за все, что случается в его жизни. Если кто-то выскакивает на дорогу и его сбивает машина, то пешеход виноват ничуть не меньше, чем водитель. Прежде всего, пострадавший сам решил выйти на дорогу в этот момент. Он мог бы пересечь ее либо в другом месте, либо несколько позже, либо чуть быстрее или медленнее. То есть пострадавший мог быть бдительнее. Во-вторых, следует понять, что, хотя установленный человеком закон, скорее всего, примет сторону пострадавшего, эти мелочные законы ничуть не избавят его от вины за то, что пешеход причинил ущерб машине другого человека, или за то, что водителя признали виновным в беспечном управлении автомобилем.

Сходным образом, изнасилование происходит потому, что «жертве» нужно пережить такой опыт — быть может, это покажет ей, что такое унижение. Вполне вероятно, что человеку просто необходимо было пережить унижение, чтобы понять кое-что в отношении собственного поведения. Иными словами, человек должен понять, что именно в нем самом сделало его привлекательной целью изнасилования? Если человек чрезмерно сексуален, симпатичен или склонен проявлять свою сексуальную привлекательность, ему придется нести за это ответственность. С другой стороны, быть может, он вызывал у окружающих такое раздражение, что кто-то почувствовал необходимость подвергнуть его унижению путем изнасилования, — в этом человек также должен принять на себя ответственность за это. Более того, необходимо признать тот факт, что если насильник был пойман и осужден — возможно, даже на смертную казнь, — то пострадавший будет виновен в наказании этого преступника, пусть даже тысячи людей вокруг начнут восхвалять справедливость присяжных и встанут на защиту жертвы.

Те, кто предпочитает верить в существование жертв, часто приводят пример того, как дети, родившиеся инвалидами, являются настоящими жертвами обстоятельств рождения; однако это лишнее доказательство того, что подобные люди совершенно забывают о таких чудесных примерах, как Хелен Келлер. Глухая, слепая и немая Хелен отказалась вести жизнь «овоща» в доме для детей-инвалидов, хотя вполне могла бы остаться там, если бы хотела считать себя жертвой. Впрочем, несмотря на все это, я обязан со всей честностью признать, что действительно существуют некоторые случаи, которые можно считать исключениями из правила. Примером такого исключения могу быть умственно отсталые от рождения дети или

дети, родившиеся с серьезными травмами мозга; они просто не могут вести нормальный образ жизни в подлинном смысле этого слова, и в результате истинный смысл их жизни заключается в тех переживаниях, которые они приносят своим родителям и близким. В данной книге я не могу в полной мере объяснить подобные случаи, так как истина, кроющаяся за этими самыми любящими и милыми сиротами мира, являет собой долгую и весьма трагичную историю, так что сейчас достаточно будет сказать, что мои доводы не касаются этих детей. Таким детям никогда не стать воинами на протяжении текущей жизни. С другой стороны, я горжусь родителями таких детей, которые смогли использовать возникшее перед ними испытание во благо вместо того, чтобы, как это часто бывает, сбежать прочь, обрекая этих детей на жизнь в доме для умственно отсталых.

Приводя эти примеры, я уже слышу сердитые возгласы всех «жертв» нашего мира. Однако я отнюдь не утверждаю, будто преступления насильника можно как-либо оправдать, и не говорю, что водители имеют право быть беспечными за рулем. Я говорю лишь о том, что справедливо и обратное: никто не имеет права делать изнасилование возможным и обвинять в нем другого; никто не имеет права делать водителя виновным в небрежном управлении, способствуя появлению полусонных или беспечных людей за рулем. И все же прежде всего следует помнить о том, что данные книги написаны не для жертв, а для тех, кто не желает становиться жертвой, но хочет заявить свои права на *силу* и стать воином. Такие люди не терпят притворства и, следовательно, лжи. Вещи нужно называть своими именами, и люди должны встречать чистую правду с поднятой головой и со всей той честностью, на какую только способен человек, поскольку без подобной честности не может возникнуть и подлинной *трезвости*.

Каждый из нас играет свою роль во всем, что случается с нами в жизни, и потому мы не менее виновны в этом, чем те, кто поступил по отношению к нам дурно. Это в равной мере относится и к родителям, бросающим своих умственно отсталых детей, так как это переживание необходимо не только самому ребенку, но и этим родителям.

Таким образом, если Шон хочет добиться ясности в отношении того, что на самом деле происходит в его жизни, ему необходимо попытаться выяснить собственную роль в этих обстоятельствах. Иными словами, Шон не может позволить себе погрузиться в чувство собственной праведности и жаловаться на поведение брата; вместо этого он должен слиться с этой загадкой, поскольку только так он сможет понять собственный вклад в происшедшее.

Обращаясь к *четвертому постулату*, Шон вспоминает, что *основой этой тайны является бесконечная загадка бытия*. Это самое ценное указание, так как в конечном счете все испытания возникают на пути человека для того, чтобы в борьбе за их преодоление он больше узнал о том, кем и чем является на самом деле. Если Шон хочет *сместить фокус* достичь *трезвости*, он не может рассматривать действия своего брата с точки зрения того, как брат с ним поступает; вместо этого он должен видеть в поведении брата то, что брат *для него* делает.

Представление о существовании жертв в очередной раз трещит по швам, и место такой жалости к себе занимает поразительное осознание того факта, что, проявляя несправедливость по отношению к Шону, Уиллис в действительности помогает своему брату стать воином. Это не оправдывает действий Уиллиса, но подчеркивает то, что для продолжения жизненного пути и Шону, и Уиллису нужны испытания. В этом смысле никогда не следует забывать о том, что мы просто не можем осуждать других, так как не знаем, кем и чем является другой человек. Таким образом, нельзя говорить, что Уиллис — «плохой парень», так как он делает что-то не так или в каком-то смысле хуже Шона; можно говорить лишь о том, что поступки и поведение Уиллиса *по отношению к Шону являются дурными*. Однако поведение самого Шона по отношению к Уиллису не намного лучше, так как, ощущая потребность именно в таком испытании, Шон заставляет своего брата вести себя дурно, то есть неявно оказывается не менее жестоким, чем

Уиллис.

Я вновь подчеркиваю тот факт, что это вовсе не значит, что Уиллис имеет право так поступать. То, что он сделал, действительно дурно, и эта ошибка поможет ему усвоить собственный урок. Однако то, что Уиллис совершил ошибку, совсем не означает, что Шон ни в чем не виноват. В действительности, как только Шон приходит к такому пониманию, он начинает видеть, что на протяжении всей жизни он невероятно часто делал нечто такое, что унижало его брата, хотя при этом сам Шон исходил из самых добрых побуждений.

Наконец Шон начинает понимать, что сам, вызвал к появлению это испытание; он начинает осознавать, что именно его действия привели к тому, что взаимоотношения между братьями дошли до этой стадии. Применяя принцип зеркала, Шон понимает, что и он, и его брат всегда стремились к высокой самооценке и убежденности в собственной значимости. У Шона это выражалось в Желании быть пресловутым «добрым пастырем» для своего брата, а у Уиллиса — в стремлении быть мятежником, который никогда не ладит с окружающим миром и, в конце концов, пытается обуздать действия своего «добротного пастыря». Хотя стили поведения двух братьев могут показаться очень непохожими, в Конечном счете между ними нет никакой разницы. Смирившись с этим, Шон вынужден признать, что в этой загадке бытия все равны.

Теперь Шон описал полный круг, так как совершенно ясно, что ему предстоит серьезный *перепросмотр* своих взаимоотношений с братом, и, разумеется, это вновь направляет его на Восток, к месту *перепросмотра*. И все же даже такое вступительное применение *четырёх постулатов сталкинга* уже приносит Шону намного больше *трезвости*, чем прежде. Это невероятно важно, так как следует понимать, что полный *перепросмотр* отношений с братом, скорее всего, займет у Шона несколько лет, но в его распоряжении нет такого срока. По этой причине даже те крохи *трезвости*, которые оказываются в распоряжении Шона прямо сейчас, невероятно ценны, и, исходя из того, что Шон уже выяснил, он ясно понимает, что они с братом сражаются совсем не за компанию — каждый из них по-своему готовится к битве за собственную самооценку. В этом и заключается подлинное испытание, настоящая битва, и потому *линии напряжения* вокруг Шона должны сосредоточиваться не на том, что делать с материальным достатком, и не на борьбе за власть, а на том, что касается мнения о самих себе обоих братьев.

Добравшись до этого уровня, Шон, по существу, собрал всю *трезвость*, которая нужна ему в данный момент. Теперь он знает, в чем заключается его подлинная битва и какие *линии напряжения* станут для него важнейшими. Выяснив это, Шон добился выполнения первого аспекта *правила сталкера*: воин сам выбирает свою битву, тем самым он начал действительно применять *правило сталкера*. После этого Шону остается выработать ту стратегию, которая позволит ему использовать эти *линии напряжения* в битве с братом.

Однако, прежде чем рассмотреть стратегию Шона, вспомним о самой важной причине, почему в нашей жизни вообще возникают испытания. В целом, ученики обычно настолько увлекаются практическим действием этой техники, так погружаются в ее результаты, что часто забывают усваивать то, чему учит их само упражнение. По этой причине поговорим о том, что нового уже успел узнать Шон благодаря этому испытанию.

Вероятно, самым важным уроком для Шона стало понимание, что Уиллис не превращает его в жертву, но, напротив, предоставляет брату чудесную возможность улучшить свою заниженную самооценку. Даже тот краткий *перепросмотр* отношений с братом, который успел провести Шон, уже дал ему ясно понять, что это испытание возникло лишь из-за его собственного заниженного мнения о самом себе. Что касается *перепросмотра*, то нужно понять, что до сих пор в отношении Уиллиса Шон провел лишь краткий *непроизвольный перепросмотр*,

о котором упоминалось ранее. И все же по той причине, что этот *перепросмотр* проводился в контексте текущего испытания, порожденная им *трезвость* стала для Шона невероятно важной, и ее значение невозможно переоценить.

Ученики часто приходят в отчаяние оттого, что *перепросмотр* дается им с трудом, и в результате вообще неосознанно пытаются забыть о существовании такой техники. Им кажется, что если они сознательно забудут, то они все равно станут воинами. Однако это совершенно излишне, если только ученики приложат легкие усилия и вспомнят одно из основополагающих изречений:

ЕДИНСТВЕННЫМ НАСТОЯЩИМ ОБУЧЕНИЕМ ЯВЛЯЕТСЯ ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ. И ПОТОМУ ВСЕ. ЧТО ЧЕЛОВЕК ДЕЛАЕТ. ДОЛЖНО ОСТАВАТЬСЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕКУЩЕГО МГНОВЕНИЯ

Сейчас я слышу, как сам вновь и вновь повторяю эту мысль самыми разными словами, а ученики торжественно кивают головой, записывают его в свои блокноты, но три месяца спустя, когда я спрашиваю их о том, как продвигаются дела с *перепросмотром*, мелькающие на их лицах виноватые взгляды говорят сами за себя.

Если *точка сборки* по-прежнему жестко закреплена, человек не в состоянии достаточно успешно *перепросматривать* прошлое. Почему? По той простой причине, что *точка сборки* застряла на месте. Нет смысла повторять все то, о чем уже говорилось в «Возвращении Воинов», так что я напомним только об одном: интеллектуальные воспоминания о прошлом не приносят большой пользы и определенно не являются целью *перепросмотра*. Однако если помнить, что все происходящее с человеком здесь и сейчас является результатом его прошлого, то легко понять, что именно возникающие в настоящем *чувства и ощущения* способны направить человека в его прошлое. Именно по этой причине ученикам всегда рекомендуют проводить *перепросмотр*, начиная с текущего мгновения и в обратном порядке. Мы неизменно начинаем с настоящего и возвращаемся вспять к самому мигу рождения — никогда не наоборот, так как большая часть людей просто не сможет проводить *перепросмотр* из прошлого к настоящему.

На примере Шона прекрасно видно, как это проявляется: причиной того, что Шон провел *непроизвольный перепросмотр* своих отношений с братом, стало его испытание в текущее мгновение. Таким образом, настоящее является для Шона самым подходящим временем для *перепросмотра* этих отношений, так как во время участия в этой битве он вновь *переживет* множество тех эмоций и чувств, которые постоянно возникали в его взаимоотношениях с Уиллисом. Если Шон осознает это и, следовательно, будет бдительно следить за воскрешением этих эмоций и ощущений, то, возникая вновь, они позволят Шону временно сдвигать и даже смещать *точку сборки* и перенастраивать ее на те энергетические поля, что хранят воспоминания о забытых событиях и проблемах, связанных с Уиллисом. Однако это может случиться лишь в том случае, если Шон намерен разобраться в ценности этих эмоций и ощущений. В противном случае при их возникновении он не обратит на них никакого внимания, так как будет одержим поверхностным значением своего текущего испытания и начнет потакать бесконечному *внутреннему диалогу*, поощряемому рациональным умом.

Важность этого невозможно переоценить. В настоящее время Шону нет никакого смысла заниматься *перепросмотром* случившейся в прошлом истории любви, так как она не имеет ничего общего с текущим испытанием. С другой стороны, если Шон попытается провести *перепросмотр* своих отношений с Уиллисом, но в голове у него будут вертеться мысли о той любовной истории, Шон обязан внести в свое уравнение и этот случай, так как станет очевидным, что та история каким-то образом связана с его взаимоотношениями с Уиллисом.

Так или иначе, все, что ученик пытается воплотить на практике, должно быть связано с текущим мгновением. Это особенно важно в отношении *перепросмотра*, так как

в противном случае ученик будет разочарован сложностью этой техники.

Этот принцип относится ко всем практикам и техникам. К примеру, невозможно заниматься *неделанием*, если в голове вертится беседа с другим человеком. Но разве это случается редко? Люди тратят долгие часы на раздумья о том, что им следовало сказать и почему они этого не сделали. В других случаях они покрываются потом, придумывая, что им нужно будет сказать в будущем, но, когда предстоящий момент наступает, они почему-то никогда не произносят того, что собирались, — либо не возникает подходящего случая выпалить заготовленную фразу, либо, если такая возможность появляется, человеку просто не хватает смелости. Сходным образом, при попытках проанализировать сон или истолковать знак совершенно необходимо действовать, исходя из тех соображений, что смысл сна или знака должен оказаться непосредственно связанным с тем, что происходит в жизни человека прямо сейчас. Это особенно справедливо в отношении вещих снов, так как то, что происходит сейчас, является основой завтрашнего дня. *Сила* всегда кроется в текущем мгновении, и потому человеку следует начинать действовать, исходя из своего положения в данный момент.

Существуют две причины того, почему ученикам так трудно это запомнить. Во-первых, мышление современных людей основано на разделении, и ученики тоже не являются исключением. В результате, начиная свое обучение, они никогда не замечают взаимосвязей между тем, что происходит в их жизни прямо сейчас, и окружающим миром. Во-вторых, зажатые своей социальной обусловленностью, ученики относятся к жизни так же, как и все остальные, и вследствие использования такого всеобщего взгляда на мир вновь и вновь оказываются в ловушке поверхностного отношения к явлениям. Это особенно справедливо по отношению к *чувству собственной важности*, так как ученики настолько внимательно следят за тем, чтобы его не проявлять, что большую часть времени просто смешно наблюдать, какими напыщенными они становятся в своем самодовольстве.

Обладая разделяющим по своей природе мышлением и воспринимая все вокруг исключительно поверхностно, в начале своего пути ученики обычно так заняты своими попытками быть воинами — то есть стремлением убедить себя в том, что они уже воины, — что совершенно забывают о том, что *воином можно стать только в контексте повседневной жизни*. В результате такие ученики становятся жертвами искушения оценить свои достижения сравнением с поведением других. Вообще говоря, это прекрасное упражнение, если только ученик помнит (а это случается редко), что оценивать нужно *поведение*, а не другого человека. Не осознавая того, ученики время от времени вновь совершают фатальную ошибку, сравнивая *самих себя* с другими. Окончательным результатом становится то, что они неизбежно начинают видеть собственные недостатки, но, в стремлении добиться более высокого мнения о себе, забывают о том, что недостатки представляют собой дорогу человека к *силе*. Вместо этого подобные ученики пытаются прикрыть свои недостатки, притворяясь, что они уже стали *безупречными* воинами — во всяком случае, стали *безупречнее* других, то есть быстрее двигаются по пути к превращению в воинов. Они не осознают того, что *чувство собственной важности* выгнулось назад, словно кончик кнута, и вот-вот ударит ученика прямо по затылку!

Пока *чувство собственной важности* побеждено, *перепросмотр* никогда не приводит к чему-то большему, чем проявление огромной жалости к себе, которое очень часто возникает, когда ученик припоминает, какие трудности ему пришлось пережить в прошлом. Подлинный *перепросмотр* может начать приносить плоды лишь после того, как ученик приложит сознательные усилия и прекратит indulgировать в своем убеждении в том, что он — жертва, и придет к пониманию того, что это ощущение жертвы вызвано только *чувством собственной важности*. Это чрезвычайно важный принцип, поскольку, если человек обладает истинным смирением, у него никогда не возникнет ощущения, будто он стал жертвой обстоятельств, —

только твердое понимание того, что он имеет дело с испытанием.

Столкнуться с испытанием — совсем не то же самое, что стать жертвой. Однако люди слишком часто поддаются своему страху, но при этом предпочитают не признаваться себе в собственной трусости и прикрываются ощущением собственной правоты и горькими жалобами на то, что окружающие не имеют права поступать с ними так жестоко. На примере Шона легко заметить, что, оставаясь в рамках своей социальной обусловленности, он, скорее всего, немедленно пришел бы к выводу, что Уиллис обращается с ним жестоко и несправедливо. После этого Шон восстанавливал бы справедливость с помощью негодующего фыркания, высоко задранного носа и каменного выражения лица, которые дали бы понять всему миру, как ужасно он страдает. Однако потакать такому поведению означает подниматься к вершинам высокомерия и становиться олицетворением самого *чувства собственной важности*, так как подобные поступки подразумевают неприкосновенность святости человека и такое его совершенство, словно этот человек — единственный на свете, кому не нужны те *дары силы*, что приносят всем нам жизненные испытания. В конце концов, как это кто-то *осмелился* бросить ему вызов? Иными словами, как этот кто-то осмелился так по-свински с ним обойтись?

Уничтожение *чувства собственной важности* во многом похоже на избавление от социальной обусловленности, так как не существует особой техники, позволяющей сделать и то и другое. Чтобы лишиться *чувства собственной важности* и социальной обусловленности, человеку следует применить на практике все учения и все техники. Однако стоит отметить, что самый быстрый и надежный способ, который наносит смертельный удар *чувству собственной важности*, заключается в использовании *четырех постулатов сталкинга* и *правила сталкера* для изучения того, как проводится *выслеживание* восприятия. Как стало понятно на примере Шона, это делает возможным подлинный и содержательный *перепросмотр*, и, после того как человек начинает видеть свою жизнь такой, какая она есть, любые ощущения себя как жертвы и, следовательно, все проявления *чувства собственной важности* начинают легко и естественно исчезать.

В этом смысле рядом всегда оказываются люди, которые бросают человеку вызов и заслуживают благодарности за возникающие при этом возможности накопить достаточную *трезвость*, позволяющую уничтожить *чувство собственной важности*. В терминах Толтеков таких людей называют *мелкими тиранами*, но, поскольку настоящие мелкие тираны представляют собой редкую удачу, Толтеки разделили их на четыре категории.

К первой категории относятся настоящие мелкие тираны — те люди, которые не остановятся ни перед чем, лишь бы досадить вам тем или иным образом. Они жестоки, капризны и, всегда оставаясь достаточно сообразительными, чтобы оставаться в рамках закона, невероятно хитры и неискренни. Подобный мужчина, не задумываясь, пойдет на изнасилование только для того, чтобы «преподать урок»; такая женщина без колебаний в буквальном смысле слова живьем сорвет с человека кожу. Ссоры с этими людьми поистине представляют собой угрозу жизни, так как они готовы убить другого без малейших колебаний!

Во вторую категорию входят люди, мало отличающиеся по характеру от представителей первого типа, за тем исключением, что они избегают физической жестокости и вместо нее прибегают к разнообразным формам эмоционального и интеллектуального насилия, подрывающего силы человека и ломающего его дух. Этот тип тиранов чаще всего встречается на работе; им всегда удастся ускользнуть от наказания, вселяя смертельный ужас в своих коллег.

Третья категория охватывает тех, кто не является мелким тираном постоянно, но в том случае, если нечто возбуждает их ярость, готовы сделать все, что только в их силах, чтобы превратить жизнь обидчика в подлинное бедствие. Они не так хитры в обмане правосудия, как представители первой и второй групп, и потому обычно прибегают к помощи закона, чтобы

доставить противнику множество неприятностей. Разозлившись, такие люди внезапно обрушиваются на обидчика самым непредсказуемым образом и в те моменты, когда он меньше всего этого ожидает. Если им начинают мстить, они немедленно заводят судебную тяжбу и, когда это соответствует их целям, готовы обращаться к властям по малейшему поводу. Выставьте пакеты с мусором во двор на день раньше приезда мусорщиков, и они донесут об этом городскому совету. Оставьте машину перед своим домом лишь на пять минут, и они немедленно позвонят в автоинспекцию. Такие люди чаще всего встречаются среди соседей, а также среди родственников, отвергнутых возлюбленных или бывших супругов.

К четвертой категории относятся пресловутые ворчуны. Они всегда найдут промахи во всем, что делают другие, и своими придирками доведут другого до полного умопомрачения. Они не станут на вас жаловаться, но постоянно будут приходить с различными жалобами. Стоит взяться за мойку машины в воскресенье, и они пожалуются, что вы мешаете им отдыхать. Если вы косите лужайку перед домом бензиновой газонокосилкой, они выразят недовольство шумом и вредными для здоровья выхлопными газами; если же газонокосилка будет электрической, они непременно сообщат, что все мы несем ответственность за экономию электроэнергии!

Когда ученику удастся найти себе мелкого тирана, Нагваль обязательно ободрит его и предложит рассматривать такого человека как величайшее сокровище, так как, обучаясь *выслеживать* мелкого тирана, человек учится намного лучше и быстрее, чем в его отсутствие. Это справедливо по отношению ко всем категориям мелких тиранов, и, в особенности, к первой и второй категориям. В борьбе за выживание при нападениях этих людей ученики не только стремительно избавляются от *чувства собственной важности*, но и заявляют свои права на огромные объемы *силы*, так как повышают уверенность в себе и самооценку. Впрочем, нет нужды говорить о том, что столкновения с мелкими тиранами первой и второй категорий требуют огромной осторожности, так как даже малейшего повода может оказаться достаточно, чтобы представитель первой группы убил человека, а мелкий тиран второго типа разрушил всю его жизнь.

Кстати говоря, я обязан высказать очень серьезное предупреждение и отметить, что ученики могут с относительно малым риском иметь дело с настоящими мелкими тиранами лишь в том случае, если ими руководит хорошо подготовленный Нагваль. Поскольку маловероятно, что читатель работает с Нагвалем, я рекомендую ему избегать настоящих тиранов и, если такой тиран встретится ему на пути, поскорее избавиться от его общества. Тому, кто собирается стать воином, прежде всего нужно остаться живым и невредимым. По этой причине необходимо подчиниться всем требованиям ситуации, а затем броситься наутек, памятуя о том, что при неопытности осторожность становится лучшей доблестью.

Следует понимать, что даже в том случае, когда человеку приходится убегать, чтобы спасти свою жизнь, это совсем не означает, что он избегает своего испытания. Это очень важное утверждение, требующее внимательного рассмотрения, так как *человек никогда не сталкивается с непосильными испытаниями*. Если испытание возникает, это случается только потому, что оно необходимо человеку и он в состоянии с ним справиться; с другой стороны, следует помнить и о том, что воин сам выбирает свою битву. Таким образом, если человек неожиданно сталкивается с таким испытанием, которое требует от него немедленных действий, но в данный момент он чувствует, что не может оценить, в чем именно заключается его подлинная битва, ему лучше всего исходить из соображений самосохранения — вплоть до тех пор, пока он не сможет понять, почему столкнулся с этим испытанием. Аналогия поможет нам понять этот принцип.

Предположим, вы не врач, но вам внезапно приходится заботиться о тяжело раненном человеке. Совершенно глупо было бы считать, что испытание заключается именно в этой заботе. Если вы ничего не смыслите ни в медицине, ни в правилах первой помощи, то как можно скорее

бегите на поиски знающего человека. После того как такой человек найден, постарайтесь понять, по какой причине перед вами должно было возникнуть именно такое испытание. Тот же принцип справедлив и в отношении мелких тиранов — в особенности, первой и второй категорий. Во всех подобных случаях основная битва заключается в сохранении собственной жизни или работы по той простой причине, что мертвецу никогда не стать воином, а безработный потеряет и мелкого тирана, и ту пользу, которую приносит его существование. В следующей главе мы вновь ненадолго вернемся к разговору о мелких тиранах, так как этот вопрос особенно важен сегодня, когда стремительно растет число родителей, оскорбляющих собственных детей и тем самым проявляющих такой тип поведения.

Легко понять, что в случае Шона роль мелкого тирана временно играет Уиллис. Это относит Уиллиса к третьей категории мелких тиранов, то есть к тем людям, которые обычно не ведут себя, подобно мелким тиранам, если их каким-либо образом не подталкивают к этому. То, как Шон должен вести себя по отношению к брату и как любой ученик должен справляться со своим мелким тираном, объясняется *правилом сталкера*, так как только умение *выслеживать* себя и других позволяет человеку окончательно избавиться от любых представлений о самом себе как о жертве.

Оценивая то, чему Шон уже успел научиться, легко заметить, насколько помогло ему это столкновение с Уиллисом; он не только начал *перепросмотр* в результате повысил свою *трезвость*, но, помимо того, избавился от *чувства собственной важности*, стал искуснее в обращении со *щитом воина* и, важнее всего, научился *выслеживать* как себя, так и других в своем стремлении пробудиться во сне и стать воином. Все, чему Шон научился вплоть до настоящего момента, невероятно поможет ему понять, какую именно стратегию выбрать перед началом битвы с Уиллисом. Об этом мы поговорим в следующей главе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДОСТОИНСТВО ВОИНА

ДОСТОИНСТВО ВОИНА ТРЕБУЕТ ПРАВИЛЬНОГО ТОНАЛЯ.

В предшествующей главе мы узнали, что, если Шон хочет *безупречно* справиться со своим испытанием, ему необходимо разработать некую стратегию, опирающуюся на то, чему он уже смог научиться. Шон стремится стать воином, и потому все его испытания по природе своей являются возможностями заявить свои права на *силу*. Чтобы стать воином, требуется полное преобразование *острова тоналя*, и любое жизненное испытание представляет собой возможность постепенно преобразовать *остров тоналя*. В первом и втором томе это пояснялось в понятиях обустройства того, что называют *правильным тоналем*, — действия, которое не только обеспечивает накопление *личной силы*, но и позволяет укрепить самоуважение и уверенность в себе; все это увеличивает самые доподлинные знания человека о том, что значит быть полностью ответственным человеческим существом, достоинство которого проявляется в каждом его поступке — физическом, эмоциональном и умственном. Вследствие этого стратегия Шона станет отражением его достоинства — или отсутствия такого достоинства — и окажется мерой той *безупречности*, что проявляется в его действиях, которые, разумеется, будут определяться текущим состоянием его *тоналя*.

Подход *сталкера* к разработке стратегии чрезвычайно отличается от отношения человека, не являющегося воином. Люди хотят побеждать постоянно, во всех своих битвах — они всегда хотят оказаться правыми. И все же, по иронии судьбы, большинство людей растрачивают свои жизни на попытки избежать тех испытаний, в которых следует сражаться, а в тех случаях, когда сражаться все-таки приходится, начинают бороться в неправильных битвах, что приводит к тому, что даже победа в битве не приносит им особой пользы. С точки зрения *сталкера* такое поведение — не только настоящее слабоумие и явная потеря времени и *личной силы*, но и признак отсутствия достоинства.

Вопрос чести — чрезвычайно важное соображение в жизни воина, так как без подлинного чувства собственного достоинства не может быть ни самоуважения, ни уверенности в себе, ни, разумеется, веры в себя. В отсутствие таких качеств человек не может мыслить и действовать так, как подобает воину. Таким образом, если он намерен стать воином, то должен относиться к любому жизненному испытанию как к возможности либо укрепить, либо поддержать свое достоинство. Однако очень немногие люди действуют так, что никогда не теряют свое достоинство, и это происходит по той простой причине, что почти никто не понимает подлинного смысла этого слова. Большая часть людей считает, что честь заключается в поддержании своего общественного положения или ощущении гордости за себя, но все это — следствие всеобщего сна, поскольку гордость обычно опирается на чувство превосходства, и защита этих двух иллюзий представляет собой не достоинство, а укрепление социальной обусловленности.

Достоинство воина заключается в том, что каждая его мысль, любое чувство и действие *безупречны*, равно как и его умение управлять своими эмоциями. *Безупречность* означает умение действовать наилучшим образом и на основе всех знаний, доступных человеку в текущее мгновение. Иными словами, быть *безупречным* — значит нести полную ответственность за себя, свою жизнь и свои знания, поскольку такая ответственность (или ее отсутствие) оказывает влияние на все действия человека — физические, эмоциональные и умственные. При этом очень важно иметь в виду, что слово «ответственность» означает «умение отвечать», то есть откликаться не только на все события своей жизни, но и на самого себя, свою жизнь и свои

знания. Обычные люди настолько заняты укреплением своего общественного положения и социальной обусловленности, что чрезвычайно редко уделяют время и энергию на то, чтобы отслеживать самих себя. В результате большая часть людей ведет совершенно не *безупречный* образ жизни, так как постоянно поддерживает чужие убеждения или, точнее, чужие предубеждения, вместо того чтобы действовать исходя из собственных знаний.

Это прекрасно отражается на примере Шона, так как, если бы Шон не следовал Пути Воина, он, скорее всего, избрал бы один из трех вариантов. Он либо стал бы попрошайкой и принял несправедливое предложение брата, либо выбрал бы путь труса и отступил, не вступая в битву, либо разыгрывал бы из себя настоящего мужчину, то есть вел себя самодовольно и крикливо, как самоуверенный боевой петух, и попытался бы поставить Уиллиса на место с помощью правосудия. Однако проявилось бы в каком-либо из вариантов его достоинство? Чему научился бы Шон, выбери он любую из таких возможностей? При выборе первых двух вариантов он добился бы только потери самоуважения, а в третьем случае — даже если бы он выиграл судебный процесс — он лишь доказал бы себе, что был прав, а его брат ошибался, но это просто укрепило бы в нем идиотское представление о том, что для самоутверждения достаточно доказать самому себе собственную правоту и глупость всех окружающих!

В противоположность этим вариантам, стратегия Шона должна быть разработана таким образом, чтобы она укрепляла его чувство собственного достоинства и помогла ему преобразовать *остров тоналя*. Шон уже понял, что необходимое в данный момент преобразование связано с его образом самого себя и верой в собственную значимость. Вообще говоря, учитывая надлежащее рассмотрение всех прочих своих недостатков, Шон ясно понимает, что их причиной является его низкая самооценка и недостаточная вера в себя; таким образом, если ему удастся изменить отношение к себе, то это существенно облегчит любые перемены всего прочего на его *острове тоналя*. Это относится ко всем людям в целом, так как именно заниженное мнение о самих себе является причиной большинства их недостатков и мешает всему, что они делают. Однако причина, почему в наше время большая часть людей страдает низкой самооценкой, заключается в том, что они не имеют представления о подлинном значении слова «достоинство».

Достоинство воина описывается следующим изречением:

ВОИН — ИСПОЛНЕННОЕ ДОСТОИНСТВА СУЩЕСТВО. ТАК КАК ЕГО СМИРЕНИЕ НЕ ДОПУСКАЕТ НИКАКИХ ПОСТУПКОВ. НАРУШАЮЩИХ ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ ВСЕГО ЖИВОГО.

Это изречение имеет чрезвычайно глубокий смысл, однако в настоящий момент важнейшим для нас следствием является то, что достоинство воина требует не только признания взаимосвязанности всего живого, но и сознательного укрепления этого закона. Иными словами, настоящий воин не может просто на словах выражать преданность взаимосвязанности всего живого, но обязан жить им в самом доподлинном смысле этого слова. Это означает, что воин признает тот факт, что, *возвышая себя, он одновременно возвышает все вокруг, ибо все в жизни взаимосвязано.*

Любая разработанная воином стратегия непременно должна приносить пользу не только самому воину, но и всему прочему в жизни, малой частью которой он является. По этой причине настоящий воин никогда не может реагировать на обстоятельства исходя из гнева или расплачиваться той же монетой за любое пренебрежение или оскорбление. Он не может действовать на основе злобы или мстительности. Подобные реакции способствуют только укреплению *чувства собственной важности*, разумеется, не приносят никому добра. Все живое взаимосвязано, и поэтому любые действия воина непременно приносят пользу всем участникам событий, включая его самого. Помимо прочего, это значит, что воин не может

позволить себе разыгрывать роль мученика или жертвы, так как подобное поведение, конечно же, не приносит ему пользы, а то, что не приносит пользы воину, не может пойти на благо никому из тех, кто его окружает. В этом заключается закон *Света и Отражения*, который в учениях Толтеков сводится к принципу *зеркал души*.

Хотя концепция зеркал уже обсуждалась в «Возвращении Воинов», сейчас необходимо несколько расширить понимание этого принципа, что позволит нам осознать то, как воин разрабатывает подходящую стратегию. Следует понимать, что для отдельного человека все люди, живые существа и мир в целом просто отражают то, что этот человек непременно должен узнать о самом себе. Это — непреложный всеобщий закон, и ни один из нас не может его избежать или не принимать во внимание — невозможно поднести к зеркалу розу и увидеть в нем отражение тюльпана.

Таким образом, если окружающие проявляют по отношению к человеку жестокость, это происходит потому, что сам человек должен заметить жестокость в себе. Если в окружающих отражается нечестность, то, сходным образом, человеку следует задуматься о том, как и в каких случаях он сам допускает непорядочность. С другой стороны, если человек видит вокруг красоту и гармонию, он вправе ожидать, что сам проявляет красоту и гармонию в соответствующих сферах жизни, и может справедливо отдать себе должное. В тех случаях, когда человек заглядывает в зеркало мира в целом и видит в нем насилие, причина этого заключается в том, что всему обществу или целому народу необходимо объединенными усилиями задуматься о насилии в самих себе. И хотя люди настолько поглощены *игрой в обвинения*, что не желают распознать этот самый основополагающий из всех всеобщих законов, справедливым остается тот факт, что зеркала никогда не лгут; в связи с этим читателю будет весьма полезно вновь прочитать то, что говорилось об этом принципе в «Возвращении Воинов».

Кроме того, читателю очень важно помнить о том, что зеркала бывают трех типов: зеркала прошлого, настоящего и будущего. Иными словами, хотя большая часть зеркал отражает то, что человеку важнее всего усвоить в отношении своего текущего поведения или проявляющихся в настоящее время убеждений, некоторые зеркала, случается, отражают как поступки в прошлом, так и те формы поведения, которые потенциально могут проявиться в будущем, пусть даже человек этого не осознает. Следует, однако, подчеркнуть необходимость в полной честности перед собой, так как человеку проще всего на свете не обращать внимания на зеркало как на нечто не связанное с текущим мгновением. Впрочем, для того, кто хочет стать воином, такое поведение является полной глупостью и обычно приводит к ощущению либо превосходства, либо неполноценности, либо иного сходного чувства, поскольку этот человек уверен в том, что *признание* собственных недостатков (то есть сам факт их *существования*) представляет собой нечто ужасное. Такие представления неизбежно появляются в силу социальной обусловленности, и любой, кто их разделяет, попросту не признает того, что *наши недостатки являются билетом к свободе и дорогой к силе*.

Существуют две причины того, почему временами зеркала отражают поведение человека в прошлом. Прежде всего — и чаще всего, — это происходит потому, что прошлые поступки все еще содержат некие тонкости, или нюансы, на которые следует обратить внимание сейчас. Вторая причина связана с тем фактом, что ученики Пути Воина нередко склонны переходить от непорядочности к ее полной противоположности — они становятся настолько *одержимы* стремлением к честности, что обычно подвергают себя уничтожающей самокритике. Захваченные этим процессом, ученики полностью забывают о необходимости *честно* отдать себе должное за *правильные* поступки, и в результате становятся жертвами ошибочного допущения о том, что именно самокритика и является признаком смирения.

Ничто не может быть более далеким от истины, так как самокритика является тонкой

формой *чувства собственной важности*. Подобные ученики совершают фатальную ошибку, убеждая самих себя в том, что совершенно не способны изменить собственное поведение или, иными словами, *слишком хороши* для того, чтобы подвергнуть себя «постыдной» ответственности за дурные поступки. В результате вместо того, чтобы принять на себя такую ответственность и распознать значимость своих недостатков, ученики начинают indulgировать в самокритике, одновременно считая, что это каким-то образом разрешит саму проблему.

Цель тех случаев, когда в зеркале отражается возможное будущее, почти совпадает с предназначением отражений прошлого, однако следует осознать, что сам факт демонстрации потенциального поведения означает насущную необходимость в бдительности. Тот, кто считает, будто отсутствие каких-либо поступков в настоящем полностью исключает возможность их совершения в будущем, очень серьезно ошибается. Человек никогда не получает тех наставлений, которые ему не требуются. Тот факт, что зеркало показывает ему будущее, сам по себе является достаточным признаком того, что такое поведение уже начинает проявляться, хотя в самом начале эти проявления могут быть такими малыми, что кажутся совершенно незначительными. Вначале потенциальное просачивается в действительность тонкой струйкой, проявляется лишь в редких случаях, но, если его не остановить прямо сейчас, может превратиться вскоре в яростный поток. Желудь выглядит маленьким и красивым, но, если его вложить в плодородную почву, в нем раскроется потенциал огромного дуба.

То же самое относится и к потенциальным недостаткам человека, но то, что эти недостатки представляют собой дорогу к *силе*, совсем не означает, что человек может считать, будто ему даруется право развивать в себе самые разнообразные пороки. К примеру, если человек потенциально может стать алкоголиком, то каких-то двух-трех рюмок может оказаться достаточно, чтобы превратить этот потенциал в пагубное пристрастие. Но если такой человек честно признает и трезво осознает тот факт, что одна только мысль о спиртном приводит его в возбуждение, он может использовать этот недостаток как испытание, заставляющее его быть бдительным и вести себя *безупречно* всякий раз, когда где-то рядом появляется выпивка. Если этот человек является учеником Пути Воина, ему посоветуют избегать употребления спиртного, но в то же время воспользоваться этим испытанием для воспитания в себе отточенных ощущений самодисциплины и уважения к себе. Такой ученик добьется этого, время от времени наслаждаясь случайными выпивками в компании, но никогда не станет потакать своему влечению к спиртному.

Важнейшим вопросом, связанным с зеркалами, является тот факт, что любая разработанная воином стратегия, независимо от ее конкретной формы, нацелена исключительно на возвышение самого себя и *окружающего* мира. На первый взгляд, это утверждение парадоксально, так как, с одной стороны, *теоретический* подход этому принципу привлекает чувство морали большинства людей, ибо он описывает нечто такое, что совершается во всеобщее благо; однако, с другой стороны, люди обычно хмурятся при виде *практического* воплощения этого принципа — оно представляется им вниманием к себе. Социальная обусловленность приводит к тому, что людям не нравится, когда их уличают в той или иной форме эгоизма, и очень немногим удастся понять, что жизнь всегда внимательна к себе и между таким вниманием и *эгоцентричностью* существует огромная разница. В результате большей частью те люди, которые не хотят, чтобы их сочли внимательными к себе, неизменно начинают проявлять то самое поведение, в каком не желают быть обвиненными.

Во внимании к себе нет ничего плохого; если человек признает тот факт, что все окружающие — зеркала его собственного поведения, он постоянно видит в них самого себя. Когда принцип зеркала воплощается на практике, перед человеком стоит только одна задача: работа над собой. Воину даже не придет в голову тратить свое время или *личную силу* на

потворствования глупой игре во взаимные обвинения, так как он прекрасно понимает, что в тех случаях, когда ему не нравится отражение в зеркале, обвинять следует не зеркало, а нечто в самом себе. Итак, воин руководствуется следующим правилом: если тебе не нравится отражение в зеркале, *сделай что-нибудь и измени себя*, но не растрачивайся на хныкание и жалобы на окружающих.

Человек не в состоянии изменить других, так как не имеет права даже пожелать этого, однако он вполне может изменить самого себя, а когда он меняет себя, изменяются и отражения в зеркалах. С другой стороны, временами случается так, что, если отражающая этого человека личность не может или просто не хочет изменяться, она тем или иным способом покидает жизнь этого человека, как только он изменяет самого себя. Из этого следует одна простая истина: зеркало не может отражать неправду, так как все зеркала, включая нас самих, подчиняются закону Света и Отражения. К примеру, **совершенно честный человек никогда не привлечет к себе непорядочных людей, а лишенный жестокости не столкнется с насилием**. Однако если человеку приходится иметь дело с патологическим лжецом, он должен задаться вопросом о том, какие формы лжи свойственны ему самому. Следует помнить о том, что к зеркалам нельзя относиться поверхностно — нужно вглядываться в *саму суть*; в данном примере важен сам факт лжи независимо от того, какую конкретную форму она принимает. Необходимо осознать, что такие формы могут оказаться невероятно утонченными, почти неясными, и все же человек должен понимать, что зеркала никогда не отражают того, чего вообще нет, и ему следует разобраться в том, как именно лжет он сам, — если он хорошо поищет ложь в себе, то непременно ее найдет. Например, тонкая форма лжи может заключаться в том, что человек с такими усилиями поддерживает свой общественный образ, что начинает компрометировать самого себя, то есть лишается честности перед собой; в этом случае он в буквальном смысле слова начинает *жить ложью*, что еще хуже, чем просто лгать на словах.

Когда дело доходит до зеркала мира в целом, ученику обычно намного труднее добраться до самой сути, хотя это делается на основе того же принципа, какой применяется для личных зеркал. Например, если в стране растет преступность, ученики часто просто пожимают плечами, делая вид, что они совершенно не виновны в происходящем. Я привожу этот пример по той причине, что сегодня подобная проблема свойственна почти всем странам мира. Почему же она стала такой насущной? Лишь потому, что человечество достигло совершеннолетия и теперь должно принять на себя ответственность «взрослого». В наши дни за обуздание преступности отвечают не только общественные власти, но и каждый взрослый человек. Это не означает, что люди должны метаться по улицам и бороться с бандитами, — им просто нужно взглянуть в это зеркало и принять на себя полную ответственность за то, что они там увидят.

Ученику задается вопрос: «Каким образом твоя жизнь способствовала росту преступности?» Поскольку нет одинаковых людей, каждый делал это по-своему. К примеру, тот факт, что человек обвиняет правительство или общественные власти в неспособности сдерживать преступность, означает, что он сам не принимает на себя ответственность взрослого и подразумевает, что он, как личность, совершенно бессилен и не может помешать росту преступности. Однако это в равной мере означает, что он считает себя жертвой, отдающей себя на милость любому преступнику. Если он действительно убежден в этом, то, без сомнения, привлечет в свою жизнь тех людей, которые будут отражать собой его веру в собственную беспомощность. Ранее уже говорилось, что, привлекая таких людей, человек становится соучастником их преступлений, так как способствовал им. С другой стороны, если он, как воин, предпочитает заявить свои права на *силу* и прекратить верить в то, что является жертвой, он не привлечет к себе преступников, но, напротив, начнет притягивать тех, кто тоже достаточно силен, чтобы заявить свои права на *силу*. Если это сделает достаточное число соседей, то в

окрестностях почти никогда не случится преступлений, а того, что возможно в одном районе, можно достичь и во всей стране. **Преступность появляется лишь тогда, когда люди ее вызывают, и неизменно процветает в обстановке страха и смирения, внушаемых умонастроением жертвы.**

В конечном счете становится понятным, что жизнь действительно есть процесс проявления внимания к себе, так как, сосредоточиваясь на себе и принимая на себя полную ответственность за свои знания и уровень существования, человек способен изменить окружающий мир и делает это. Чего, однако, нельзя сказать об эгоцентричности. Быть эгоцентричным означает не верить во взаимосвязанность всего живого, не поддерживать ее. Буквальный смысл этого понятия подразумевает, что человек считает себя центром, вокруг которого вращается весь остальной мир, а такая мысль отражает сильнейшее *чувство собственной важности*.

Считая самого себя настолько значимым, эгоцентричный человек никогда не может понять, почему окружающие не живут по его собственным меркам и в согласии с его ожиданиями. Желая, чтобы все покорялось их воле и признавали их точку зрения, такие люди всегда не в ладах с окружающими; отказываясь признать тот факт, что все вокруг — лишь зеркала, они непреднамеренно укрепляют умонастроение жертвы. Такие люди вечно защищают нечто «доброе», действуют во имя справедливости, обвиняют во всех бедах других вместо того, чтобы принять ответственность за собственное состояние бытия, и неизбежно становятся одержимыми попытками «спасти» окружающих от жестоких тисков мучителей. В результате эгоцентричные люди становятся прирожденными «благодетелями человечества». Они составляют большую часть тех заблудших душ, которые извечно борются за некое правое дело, будь то марши протеста против разгула жестокости или защита пингвинов от угрозы загрязнения окружающей среды, хотя сами ни на минуту не задумываются о собственной роли в укреплении преступности и устрашающей скорости экологического загрязнения.

Таким образом, жизненная позиция внимательности к себе очень далека от того, что вкладывает в общую массу людей социальная обусловленность. Глубочайшая основа подлинного смирения заключается в том, чтобы **перестать обвинять других и принять на себя полную ответственность за то, кем и чем человек является, а также ответственность за свои знания и свое состояние бытия.** Будучи внимательным к себе, человек признает, что работать следует над самим собой, но при этом взаимодействие всего живого принесет благо и окружающему миру. С другой стороны, эгоцентричность представляет собой полную противоположность, так как в ней нет ничего скромного. Напротив, это не только *чувство собственной важности*, но и вершина высокомерия и самомнения — пусть даже «благодетели» всего мира завопят в ответ и примутся защищать свои деяния, истиной останется тот факт, что *любовь к ближнему начинается с родного дома*. Если человек не в состоянии навести порядок в собственном доме, то каким образом он сможет привести в порядок жизнь другого человека? Сходным образом, если он сам не может помешать другим терзать его, то кто дает ему право требовать, чтобы общественные власти лучше выполняли свои обязанности по его защите? Для воина подобные рассуждения просто бессмысленны: прежде всего, человек сам вызывает появление мучителей — почему же после этого он требует от властей защитить его от собственных поступков?

Нам осталось обсудить три вопроса, непосредственно связанных с текущей темой. Первый заключается в том, что если человек принимает во внимание реальное существование мелких тиранов, то в свете вышесказанного у него может возникнуть впечатление, что это несколько противоречит принципу зеркал. Однако если такой человек не станет воспринимать мелких тиранов поверхностно и глубже вдумается в их суть, он достаточно быстро придет к пониманию того, что на самом деле никакого противоречия нет. Единственной причиной возникновения

такого кажущегося противоречия является тот факт, что не все люди представляют собой явных мелких тиранов. И все же необходимо осознать, что если в жизни человека появляется мелкий тиран, то это происходит лишь потому, что сам человек привлек к себе тот опыт, какой он **должен** получить в общении со своим мелким тираном.

Не следует забывать и о том, что человеку не следует увлекаться поверхностным взглядом на принцип зеркал; сначала он должен внимательно приглядеться к себе и лишь потом прийти к заключению, что он сам не является таким мелким тираном. То же предписание дается каждому ученику, который столкнулся с мелким тираном; когда такой ученик всматривается в себя, он неизменно с потрясением понимает, что действительно является мелким тираном — в том смысле, что, сколько себя помнит, он постоянно превращал в жертву собственных поступков самого себя! Ирония притяжения к себе мелкого тирана заключается в том, что единственной причиной его появления является настолько низкая самооценка, что, по его собственным *ощущениям*, он вообще ничего не стоит. Стоит ли удивляться, что при такой заниженной самооценке человек притягивает к себе мелкого тирана, а тот отражает собой его собственное чувство никчемности и недостойности.

Второе замечание связано с тем фактом, что, когда человек меняется, то же непременно происходит и с его зеркалами. Хотя это действительно справедливо, время от времени в жизни все же случается так, что некоторые зеркала не могут измениться, — поскольку им еще не время меняться, так как эти люди все еще должны кое-чему научиться на основе их нынешнего поведения; встречаются и такие зеркала, которые просто не хотят меняться по тем или иным причинам. В подобных случаях эти зеркала чаще всего просто покидают жизнь человека — либо по собственному желанию, либо в силу жизненных обстоятельств. Предположим, к примеру, что одним из таких зеркал был ваш босс, и вы проработали все, что требовало внимания, — и все же, несмотря на тот факт, что вы потрудились над каждой тонкостью, какую могли проглядеть в самом начале, ваш босс по-прежнему не проявляет никаких признаков изменений в ваших отношениях. Когда происходит нечто подобное, вы можете быть готовы к тому, что либо вас, либо его переведут на другую должность, — так или иначе, зеркало начальника обязано покинуть вашу жизнь.

Вопреки всему, что было сказано ранее, следует понять, что некоторые зеркала, которым не суждено измениться, просто не смогут покинуть вашу жизнь — во всяком случае, в ближайшее время. Типичными примерами таких зеркал могут быть родители или дети, и все-таки даже эти случаи не являются исключениями из принципа зеркал. Если зеркало не может или не хочет меняться, а человек не в состоянии избавиться от него, логично предположить, что, независимо от его ощущений и предположений, это зеркало все еще ему необходимо. К примеру, если родители или ребенок продолжают отражать то поведение, которое, как без сомнений известно человеку, он уже давно преодолел, человек должен принять как факт, что это зеркало необходимо ему по каким-то неясным для него причинам.

В большинстве случаев такое случается потому, что это зеркало существует как напоминание о том, что воин должен научиться быть свободным и отстраненным от окружающего мира, не подвергая его суждениям. Иными словами, воину следует усвоить, что все живое пребывает во взаимодействии и по этой причине любое поведение человека возникает из-за его связи с окружающими. Таким образом, даже если человек избавился от того образа действий, который отражался в его родителях или ребенке, то ему по-прежнему необходимо провести определенную работу над своими взаимосвязями и взаимодействием не только с родителями или ребенком, но и со всем миром в целом. Когда это будет сделано, родители или ребенок непременно изменят свое отношение к нему, пусть даже оно останется прежним по отношению ко всем остальным, — это случится по той простой причине, что никто не может

избежать влияния закона Света и Отражения.

Последний вопрос, о котором следует поговорить подробнее, заключается в том, что если человек приложил все силы к *безупречному* отношению со своими зеркалами, но какое-то из них остается неизменным, то можно со всей смелостью предположить, что это зеркало превратилось в испытание. В таких случаях испытание обычно связано с тем, что человеку необходимо занять твердую позицию в отношении того, за что он сражается. Обычно все сводится к той или иной форме компромисса. К примеру, ученики Пути Воина часто допускают ошибку, не желая прервать какие-либо личные отношения, даже если их сохранение подвергает учеников риску. Это могут быть любовные, деловые и дружеские отношения, а изредка — отношения с родителями или детьми. И все же следует осознать, что если человек собирается заявить свои права на *силу*, то рано или поздно он столкнется с необходимостью занять твердую позицию и защитить самого себя и свои убеждения.

Чаще всего для преодоления подобного испытания достаточно просто отстоять свои права, однако случается так, что испытание заключается в выборе между Путем Воина и подобными личными отношениями. В таком случае у человека не остается иного выбора, кроме прекращения отношений, каким бы трудным решением это ни оказалось. Нет нужды говорить, что это особенно трудно в том случае, когда речь идет о собственном ребенке, который одновременно является и зеркалом. И все же временами приходится проявлять откровенную безжалостность даже к своему ребенку — если человек не отстоит свои права, то никогда не сможет заявить права на *силу*, а это не принесет никакой пользы никому — и меньше всего его ребенку.

Я совсем не имею в виду, что родители преступников должны сбрасывать с себя ответственность, просто оставляя своих детей; напротив, я утверждаю, что такие родители должны предпринять все необходимые действия для того, чтобы запечатлеть в разуме своего ребенка полную недопустимость подобного поведения. То, как именно это можно сделать, зависит исключительно от обстоятельств жизни семьи; к примеру, можно отправить ребенка в интернат для трудных подростков, а при необходимости — в исправительную колонию. Принимая такое решение, родители во всех отношениях прерывают отношения с ребенком, так как его не будет рядом, однако при этом они не уклоняются от ответственности за него. С такими испытаниями очень нелегко справиться, и эта тема требует более подробных пояснений, чем те, что были представлены, и все же без рассказа о подобных формах испытаний изложение данного раздела учений оказалось бы неполным.

Итак, никого не обвиняя и время от времени возвращаясь вспять, воин не имеет иного выбора, кроме подхода к жизни со смирением. Из дня в день работая с принципом зеркал, каждый ученик на собственном жизненном опыте рано или поздно постигает тот факт, что он действительно не лучше и не хуже других.

В конечном счете все мы равны друг другу и всем остальным формам жизни на этой планете. Единственная подлинная разница между двумя существами заключается в том разнообразии подходов, какое все мы используем для воплощения в действительность своих жизненных испытаний.

Хотя в мире существует огромное число людей, мнящих себя выше других, благодаря работе с зеркалами воин понимает, что он — не ангел; научившись честно признавать себя таким, каков он есть, воин не боится всего того, что существует на его *острове тоналя*. Постигнув все стороны своего бытия, от худшей до самой лучшей, он не может осуждать других людей и существа вообще — в этом и заключается его величайшее достоинство. Не стыдясь того, что он не лучше самого низкого преступника, и одновременно не стесняясь того, что в нем кроются черты характера святого, воин может честно смотреть в лицо всему живому, выправившись во

весь рост и гордо подняв голову, — эта поза означает не высокомерие, не *чувство собственной важности* и не ложную гордыню; она показывает, что воин обрел то подлинное смирение, которое опирается на истинные знания о том, что, во-первых, нет никого выше или ниже и, во-вторых, воин представляет собой исполненное достоинства существо, так как он достаточно *честен*ко всем граням своего *острова тоналя*и достаточно *смел*, чтобы сражаться за *безупречность*.

Честность и смелость — вот те два качества, что служат признаками достоинства настоящего воина, поскольку в конечном счете именно они являются двумя сторонами той медали, которую называют достоинством. Чтобы быть честным перед собой, нужна смелость, а без честности не бывает истинной отваги — только напускная бравада, скрывающая глубокий страх перед тем, что некто сможет заметить в тебе что-то такое, о чем тебе не хочется знать самому, не говоря уже о том, чтобы открыть это окружающим. Но может ли достоинство проявиться в той жизни, которая опирается на ложь, притворство и порожденную страхом трусость? Можно ли надеяться заявить свои права на *силу* воина, если человеку недостает ни честности, ни смелости? Чтобы обрести *силу*, нужны знания; поскольку знания можно получить только из жизненного опыта, то как человек добьется *силы*, если не желает узнать, что он на самом деле собой представляет? И все же необходимо понять, что следует распознать в себе худшее — и не возненавидеть себя за это; признать в себе все самое лучшее — и *поверить* в то, что ты достоин таких прекрасных качеств. Умение сделать это требует несомненной честности и непоколебимой отваги.

Единственный способ добиться такой честности заключается в том, чтобы смириться с фактом, что окружающий мир — зеркало. Есть только один путь к обретению необходимой смелости: опираться на понимание того, что, если человеку не нравятся отражения в этом зеркале, он обладает достаточными способностями и *силой*, чтобы изменить эти отражения, **меняя самого себя**. Таким образом, хотя воин не может осуждать других, он осознает и то, что не обязан оправдывать недостойное поведение. Воин не мирится с таким поведением в самом себе и потому совсем не обязан терпеть его со стороны других. Вследствие этого воин никогда не оценивает самих людей, *но с умением различать* воспринимает поведение окружающих. Куда ведет их поведение — к свободе или к рабству? Возвышает оно или унижает? Является это поведение достойным или недостойным? И все же даже при таком подходе воин никогда не оказывается настолько высокомерным, чтобы осуждать другого за его поведение, так как, признавая свою ответственность за возникновение этого зеркала, воин пытается выявить такое поведение в самом себе, а в остальных случаях относится к нему как к испытанию. Иными словами, вопрос заключается в том, отражает ли поведение другого человека те качества воина, которые повышают его достоинство.

Все то, что было сказано о зеркалах, чрезвычайно важно принимать во внимание при разработке любой стратегии, так как стратегия воина не нацелена на изменение других путем навязывания им своей воли, но составлена таким образом, чтобы возвышать самого воина и тем самым все живое, что его окружает. Воин стремится именно к этому; он поступает так не потому, что этого требуют его моральные принципы, и не по причине своего бескорыстия — просто его чувство собственного достоинства таково, что он не может заниматься кем-то кроме самого себя. Таким образом, даже если воину придется выбирать между отношениями с каким-либо человеком и Путем Воина, он все-таки выберет самого себя и собственное развитие. Делая то, что лучше для него, он невольно совершает наибольшее благо для любого близкого человека.

Такая практика представляет собой саму основу *сталкинга*; именно благодаря ей воин *управляет всем, ничем не управляя*, — следует понять, что, изменяя себя, человек действительно меняет весь окружающий мир и потому ему совсем не нужно прибегать к мелочной диктатуре.

Используя закон Света и Отражения и воплощая на практике взаимосвязанность всего живого, воин со временем становится подлинно неуязвимым существом, в распоряжении которого есть значительная *сила*. Однако вначале все ученики ошибочно воспринимают это утверждение слишком простодушно или упрощенно. И все же оно в точности описывает все то, что делает воин: несмотря на то что все его действия обманчиво просты и выглядят обыденными и безобидными, они несут в себе невообразимую *силу*. Это особенно справедливо в отношении разрабатываемых воином стратегий — предельная простота действительно придает им безобидный вид, но на самом деле они попросту беспощадны. Чтобы понять, как это выглядит на практике, вновь вернемся к примеру Шона и его брата Уиллиса.

Разрабатывая стратегию для битвы со своим братом, Шон должен принимать во внимание второй аспект *правила stalkera*, то есть тот факт, что в своем стремлении к простоте воин отбрасывает любые лишние действия. Учитывая знания о зеркалах, этот аспект *правила stalkera* становится достаточно простым для понимания. Обращая все к себе и к собственному движению по Пути Воина, воин избавляется от огромного числа поступков, эмоций, чувств и мыслей, которые могут возникнуть и иметь какое-либо значение лишь в контексте чувства собственной важности и эгоцентричности.

Это утверждение не требует каких-либо дальнейших пояснений, так как даже одной мысли о принципе зеркал окажется достаточно для того, чтобы написать целые тома. Поступки, эмоциональное состояние, непрекращающиеся идвигающиеся по кругу мысли и сумбурное смешение чувств подавляющего большинства людей вызваны их эгоцентрическим подходом к жизни и умонастроением жертвы. С точки зрения воина, любая битва совершенно проста — это сражение за достоинство воина. Уже не затрачивая усилий на то, чтобы укрепить свою социальную обусловленность нежеланием признавать собственные недостатки или попытками оправдать свое поведение, осуждая те поступки, которые он не одобряет, воин не принимает в расчет почти ничего такого, что не помогает ему возвысить себя и стать еще более достойным существом.

Не может быть ничего проще, и все же свершение такого подвига совсем не просто, так как все мы являемся загадочными созданиями и эта загадочность заставляет нас действовать с поистине поразительной сложностью. В связи с этим важно отметить, что люди в целом неизменно совершают одну ошибку: они *полагают*, что знают самих себя и, следовательно, понимают свое поведение. И все же обычные люди не имеют даже туманного представления о том, что именно становится причиной их поведения и почему у них появились те недостатки, которые им свойственны. Люди утверждают, что понимают все это, но даже простейшая проверка показывает: то, что они называют пониманием, неизменно оказывается не чем иным, как индивидуальным вариантом игры в обвинения других.

Это приводит нас непосредственно к *четырем постулатам stalkinga*. В случае Шона необходимо прежде всего рассмотреть *второй постулат stalkinga*, так как он связан с *действием*, а разработка стратегии представляет собой самое первое действие, которое он предпринимает в своей битве с Уиллисом. Во *втором постулате* утверждается, что долг воина заключается в разгадке этой тайны, хотя воин никогда не должен предаваться надежде на то, что это ему удастся.

Мы уже выяснили, что подлинная битва Шона заключается в избавлении от своей заниженной самооценки; для этого он должен признать перед самим собой, что на самом деле он, как личность, обладает высокой значимостью. Прежде всего, Шону предстоит путем *перепросмотра* установить, что именно вызвало у него невысокое мнение о самом себе. Однако *перепросмотр* выявит только *причину* заниженной самооценки, но не сможет показать *основу* того, почему битве за правильное мнение о себе суждено стать одним из важнейших

испытаний Шона за всю его жизнь.

Очевидно, ответ на последний вопрос тесно связан с предназначением, и все же в данном случае причина того, почему Шону приходится бороться со своей заниженной самооценкой, остается частью *загадочности* его бытия. В этом и заключается подлинное значение второй части рассматриваемого *постулата*, так как следует помнить, что все на *острове тоналя* имеет свою причину и, хотя человек постепенно превращает свои недостатки в ценное достояние, эти недостатки все же остаются с ним на протяжении всей жизни. Иными словами, несмотря на то, что со временем Шон покорит невысокое мнение о самом себе (научившись пользоваться им конструктивно вместо того, чтобы позволить ему вызывать те поступки, которые подрывают его уверенность в себе и самоуважение), такая заниженная самооценка все-таки останется с ним на всю жизнь, так как является особенностью его *острова тоналя*.

Это относится к любым недостаткам, так как превращение недостатков в достоинства означает лишь то, что человек учиться заставлять их работать *на* него, а не *против* него. И все же в процессе такого превращения он никогда не *избавляется* от своих недостатков и не *уничтожает* их — впрочем, это и не желательно, так как недостатки человека являются его билетом к свободе и дорогой к *силе*. В отсутствие недостатков ему никогда не удастся превратить себя в воина, поскольку только борьба за их превращение в достоинства позволяет окончательно избавиться от того поведения, к которому недостатки первоначально приводили. Именно посредством *превращения* своих недостатков человеку удастся *преобразить* себя в воина; это означает, что он избавляется только от того поведения, какое вызывали эти недостатки, но не от них самих — беззаботные ученики слишком часто об этом забывают.

Логично предположить, что если недостатки позволяют человеку раскрывать загадочность его бытия, но от них невозможно избавиться, то решение этой загадки, разумеется, требует намного большего срока, чем одна человеческая жизнь. Иными словами, лучшее, что может сделать каждый человек, — начать с того места, где он находится, и приложить все усилия к тому, чтобы разгадать как можно большую часть тайны своего бытия на протяжении текущей жизни. Именно об этом говорится в первой части *второго постулата*: *долг воина заключается в разгадке этой тайны*. Слово «долг» предполагает, что решение загадки собственного бытия представляет собой долг не только перед самим собой, но и перед всем вокруг, поскольку все живое взаимозависимо. Впрочем, присущее воину чувство долга совсем не совпадает с представлениями о долге, свойственными обычным людям. Для воина долг означает признание того факта, что он не имеет права стоять на месте и дожидаться, пока все остальные исполнят свои обязанности, то есть сослужат ему службу. Все без исключения обязаны возвышать самих себя — не только потому, что это способствует развитию личных способностей, но и потому, что такое поведение приносит благо всем, ибо все люди являются частями одной жизни. Таким образом, всякий раз, когда воину удастся разгадать некую часть тайны собственного бытия, он одновременно разгадывает и крошечный фрагмент той огромной загадки, что охватывает все живое, частью которого воин является. В конечном счете именно это понимается под выражением «*составление карты непознанного*» — и именно это воин считает своим долгом, а также единственным оправданием того, что его наградили бесценным даром жизни.

Вполне понятно, что, продолжая разработку своей стратегии, Шону следует обратиться к *третьему постулату*. Напомним, что этот *постулат* гласит: *воины считают самих себя частью этой загадки* — этот факт уже отмечался в разговоре о зеркалах. Однако, помимо этого, в *постулате* говорится и о том, что *воины становятся едиными с ней*. Это чрезвычайно важно, поскольку, как уже упоминалось ранее, человек получает надежду на разрешение этой загадки, только погружаясь в нее целиком. Причина заключается в том, что, когда дело касается загадки бытия, рациональный ум почти не приносит пользы, и потому человек должен опираться на

чувствительность; с другой стороны, практически невозможно *почувствовать нечто*, не погрузившись в него. На важность обращения к чувствам указывает и тот факт, что при работе с *третьим постулатом* человек обращается к Югу — как известно из книги «Крик Орла», эта сторона света связана с иррациональным, и потому требует *чувствования*, а не рационального ума.

Шон обнаруживает, что ему не так уж легко отбросить обычную рациональность и обратиться к *чувствованию*, так как он всегда был достаточно традиционен и широко опирался на рациональный ум. Обращение к *чувствованию* представляет собой то, что называют *умением слушать свое сердце* — сложное умение, которое редко удастся развить быстро и без труда; к счастью, в распоряжении Шона есть третий аспект *правила сталкера*. Этот принцип будет подробно исследован в следующей главе, но сейчас, при изучении того, как воин разрабатывает свою стратегию, необходимо кратко его коснуться.

Третий аспект *правила сталкера* гласит: *воин всегда готов сразиться насмерть прямо здесь и прямо сейчас*. Раздумывая об этом, Шон обнаруживает, что в действительности не так уж трудно отбросить в сторону все свои рациональные рассуждения о том, как ему лучше всего справиться со сложившейся ситуацией. Для этого понадобилось всего лишь сосредоточить свое внимание на том факте, что ни один человек не имеет гарантий долгой жизни и потому подлинной важностью обладает только текущее мгновение. По этой причине, едва только Шон задается вопросом о том, чего он захотел бы больше всего, если бы эта минута была последним мигом его жизни на свете, Шона внезапно охватывает весьма странное чувство, вызывающее почти непреодолимое желание освободиться от близких отношений со своим братом.

Сначала Шон не может сообразить, что именно означает переживаемое им чувство, и все же он уверен в одном: ему определенно хочется окончательно разорвать отношения с Уиллисом. Однако, если Шон собирается освободиться от этих отношений, ему придется тем или иным образом заявить свои права на *силу*. Это ничуть не удивительно, так как при работе с *третьим постулатом* Шон обратился к Югу, который является не только местом *тепла*, но и местом *силы*. Эта особенность характерна для всех стратегий, разрабатываемых воином, поскольку в конечном счете единственная цель всех испытаний заключается в том, чтобы предоставить человеку возможность заявить права на *силу* и при этом возвысить себя.

Размышляя над тем, как лучше всего заявить права на *силу* именно в этой битве, Шон вспоминает, что его подлинное сражение заключается в необходимости наилучшим образом воспользоваться этой возможностью, чтобы начать превращать свою заниженную самооценку в достоинство. Однако рациональный ум здесь не приносит особой пользы, так как рациональность способна направлять Шона лишь в том, что ему уже известно, то есть она могла пригодиться, если бы он принял один из общеупотребимых вариантов. Но мы уже убедились, что в данном сражении ни один из них не пойдет Шону на пользу. К этому заключению Шон приходит с помощью *третьего постулата*, но, чтобы закончить разработку своей стратегии, ему предстоит столкнуться с новым испытанием — найти тот вариант, который пока ему совершенно не известен. При встречах с непознанным также необходимо пользоваться *чувствованием*, и это означает, что теперь Шон должен обратиться лицом к Западу, месту *чувствования*, и воспользоваться *четвертым постулатом сталкинга*.

Обернувшись к Западу, Шон быстро осознает: поскольку эта четверть связана со *стиранием личной истории*, это подразумевает, что его стратегия должна в той или иной мере стать упражнением по *стиранию личной истории*. Это прозрение становится для Шона невероятно глубоким, так как теперь он понимает, что именно *личная история* — которая, как поясняется в «Крике Орла», и является нашей самооценкой — становится самым крупным препятствием в жизни человека. Это особенно справедливо для текущего момента жизни Шона, так как сейчас

он по-настоящему страдает от последствий своего заниженного мнения о себе. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что *личная история* крепко приковывает даже людей с правильной самооценкой к их взгляду на мир, и потому ее можно обнаруживать у самых корней любого жизненного испытания. Единственный способ преодолеть свои испытания и разрешить загадку собственного бытия заключается в *стирании личной истории* с целью *остановки мира*. Пока человек не *остановит мир*, загадка бытия будет ускользать от него, испытания будут казаться ему тяжким бременем, а жизнь в целом — скучным и безотрадным явлением в рамках обыденного мира.

Размышляя о *стирании личной истории* понимая, что оно означает необходимую трансформацию его заниженной самооценки в достоинство, Шон вспоминает, что воин использует в качестве указаний те *линии напряжения*, которые относятся к текущей битве. В данном случае эти *линии напряжения*, без сомнений, опутывают его мнения о самом себе и о своем брате. Вспомним, что *линии напряжения* порождаются *качеством интенсивности*, а эта *интенсивность* является следствием взаимодействия между восприятиями двух личностей.

При обдумывании этого факта Шон внезапно понимает, что если у него есть такое жгучее желание освободиться от общения с братом, то это невысказанное стремление, пусть даже он никогда прежде его не осознавал, было вызвано очень давней напряженностью между ним и его братом. Более того, поскольку начало битве положил Уиллис, то есть все основания полагать, что он испытывает то же самое желание; в конце концов, заявив, что он начинает управлять компанией, Уиллис, вероятнее всего, имел в виду именно это.

Эта мысль уже посещала Шона, когда он пытался выяснить, что является его настоящей битвой, но в тот момент он мог быть уверен только в том, что и ему и Уиллису придется сражаться за свои самооценки. Теперь, оценивая связанные с этой битвой *линии напряжения*, Шон вновь вспоминает то странное ощущение, которое возникало у него раньше и которое он тогда не смог понять. Однако сейчас он осознает, что это чувство, без сомнений, означало его желание освободиться от Уиллиса, — все окончательно становится на свои места.

Теперь Шон ясно понимает, что важнейшая *линия напряжения* в его деловых отношениях с Уиллисом всегда сводилась к тому, чтобы любой ценой ладить с братом, — по той простой причине, что их обоих увлекали общие желания и мечты в отношении будущего. Осознав это, Шон может постичь и значение своего странного ощущения, а также подобрать для него подходящее название: «зависимость друг от друга»! Поскольку и Шон и Уиллис уже очень давно страдают от заниженной самооценки, каждый неизменно полагался во всех своих делах на поддержку другого, и в результате они начали зависеть друг от друга. Эта взаимная зависимость стала такой сильной, что, размышляя об этом, Шон выяснил, что ему очень трудно отделить самого себя от тех черт своего брата, которые он произвольно начал считать своими собственными.

После этого осознания Шону стало совершенно ясно, что важнейшей задачей для него является разрыв с братом и поиск собственной личности. Вследствие этого вопрос о партнерских отношениях с Уиллисом был снят. С другой стороны, Шону не принесут пользы и попытки сохранить компанию — хотя в самом начале это действительно была его компания, с того момента, когда к делу присоединился Уиллис, она тоже стала отражением их зависимости друг от друга. Деятельность компании в целом, тот тип клиентов, который она привлекала, и характер выполняемых ею заказов — все это опиралось на взаимную зависимость двух братьев. Таким образом, если Шон собирается найти собственную личность, ему необходимо освободиться от всего, что в той или иной степени сохраняет эту взаимозависимость. Коротко говоря, теперь Шон понимает, что ему следует позволить Уиллису взять в свои руки управление компанией и всем вместе взятым, — не потому, что Шон слишком труслив, чтобы сражаться, но

лишь по той причине, что этого требует его предназначение.

С учетом относящихся к делу *линий напряжения* Шону становится понятно, что суть этой борьбы — как для него самого, так и для Уиллиса — заключается в том, что оба должны избавиться от сложившейся зависимости друг от друга. Стремление завладеть компанией было для Уиллиса только способом выражения того, что он тоже хочет избавиться от влияния Шона в своей жизни. Иными словами, с точки зрения Уиллиса, пост управляющего директора компании позволит ему отнестись к себе лучше, добиться большей уверенности в себе, — а это будет означать меньшую зависимость от Шона.

В этот миг ясности Шона охватывает глубочайшее благоговение перед тем фактом, что люди действительно представляют собой лишь зеркала; теперь он на собственном опыте способен осознать: как утверждается в *четвертом постулате, основой этой тайны является бесконечная загадочность бытия всего сущего и в этой загадке бытия все равны*. В результате Шон уже не чувствует злости на брата — сейчас он может по-настоящему понять свою собственную роль в происшедшем и потому глубоко погружается в переживание истинного смысла фразы «*воин достигает подлинного смирения*».

Помимо того, Шон понимает, что если он намерен заявить свои права на *силу* воина, то ему совершенно необходимо сделать это так, чтобы одновременно повысить собственное мнение о себе. В этом смысле Шон понимает, что впервые в жизни по-настоящему хочет отдавать себе отчет в собственных желаниях и смириться со своим сильнейшим стремлением освободиться от брата. Таким образом, ему остается лишь обсудить с братом практические вопросы, связанные с переводом всей компании на имя Уиллиса. После недолгих размышлений Шон понимает, что в действительности ему нужны только деньги за три месяца, которые позволяют ему продержаться до тех пор, пока он не начнет новое дело, — это вполне разумная и простая просьба: Уиллису и в голову не придет возражать.

После разработки своей стратегии, которая являет собой самую простоту, Шону остается только применить ее на практике; при этом в качестве указаний он вновь воспользуется теми *линиями напряжения*, что связаны с низкими самооценками обоих братьев. Иными словами, понимая, что его брат, скорее всего, займет оборонительную позицию, так как Уиллису будет неловко за свои несправедливые требования, Шон должен будет дать своему брату понять, что самого Шона предложение Уиллиса вполне устраивает. Это сводится к тому, что Шону предстоит убедить Уиллиса в том, что тот сделал совершенно правильный выбор для обоих и потому Шон не держит на Уиллиса никакого зла.

Нет нужды говорить, что стратегия Шона полностью отличается от любого развития событий, какой предпочло бы большинство людей, окажись они на его месте, и все же эта стратегия беспощадна. Уиллис меньше всего ожидает, что Шон с готовностью согласится с его требованием, и это, без сомнений, выведет его из равновесия. На первый взгляд может показаться, что Уиллис выиграл битву, но в действительности Шон начинает *выслеживать* себя и брата в совершенно неприметной битве, которая только начинается. В свою очередь, братья меняются местами, а Шон превращается из объекта охоты в самого охотника. В этом смысле ни один из братьев еще не знает, какую цену предстоит заплатить Уиллису за поверхностное отношение к этой битве как к «выигранной». Следует, впрочем, понимать, что стратегия Шона принесет пользу не только ему самому, но и Уиллису. Таким образом, Шон не эгоцентричен, хотя и действует в своих интересах.

Необходимо подчеркнуть и еще один важный момент: хотя воин может казаться очень обычным и безобидным, он всегда остается смертельно опасным противником. Пример Шона и Уиллиса явно показывает, что воин может выглядеть отступающим и потерпевшим поражение, — и все же кто знает, что кроется за его стратегией? Какие незримые удары он

замышляет, куда они будут направлены? В данный момент этого не знает даже сам Шон, однако он без сомнений знает одно: своими действиями Уиллис распахнул перед Шоном проход к свободе и Шон не допустит, чтобы этот мимолетный миг шанса ускользнул от него. Увидев, что шанс достичь полной свободы возникает перед ним силами его собственного брата, Шон решительно настроен на то, чтобы воспользоваться этим шансом и извлечь из него максимальные преимущества. Он уже заявил права на огромный объем *силы*, так как понял, что совсем не обязан исполнять роль «доброго пастыря» по отношению к Уиллису, чтобы повысить свою самооценку, и не нуждается в помощи брата для достижения успеха в делах. В этом смысле Шон по-настоящему *сместил фокус* ощущения жертвы к позиции победителя; при этом он не только воспользовался той *интенсивностью*, которая была порождена заниженными мнениями о себе обоих братьев, но и научился манипулировать ею.

Вполне естественно, что манипулирование *интенсивностью* представляет собой первый шаг к преобразованию своего *тоналя в правильный тональ*, однако это еще не все, поскольку такое манипулирование одновременно является и первым шагом к овладению высшей магией — *Знанием Драконов*. В следующей главе мы подробнее поговорим о том, что это означает.

Что касается *Знания Драконов*, то в конце этого раздела осталось осветить только один вопрос. Излагая пример Шона, я намеренно свел рассказ о *линиях напряжения* к самому простейшему уровню. Причиной этого стало то, что искусное использование *линий напряжения* приводит к практикам, выходящим далеко за рамки данной книги, — и эти практики можно по праву отнести к высшим ступеням искусства *сталкинга*. И все же нет никакой возможности воплощать учения на практике, не имея по крайней мере зачаточного представления об использовании *линий напряжения*. В связи с этим читателю вновь рекомендуется помнить о том, что ему никогда не следует думать, будто изложенные до сих пор факты представляют собой учение во всей его полноте.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ШАГ В НЕПОЗНАННОЕ

ДЛЯ ПРОНИКНОВЕНИЯ В НЕПОЗНАННОЕ НУЖНО УМЕТЬ МАНИПУЛИРОВАТЬ ИНТЕНСИВНОСТЬЮ. ПОКА НЕ ЗАТРАГИВАЕТСЯ ИНТЕНСИВНОСТЬ, ТОЧКА СБОРКИ ОСТАЕТСЯ ЖЕСТКО ЗАКРЕПЛЕННОЙ, А ПЕРЕХОД К ЛЕВОЙ СТОРОНЕ ОСОЗНАННОСТИ И ВХОД В НЕПОЗНАННОЕ — НЕВОЗМОЖНЫМИ.

После того как воин разработал стратегию, ее следует применить на практике, чтобы она принесла тот или иной результат. Однако *правило сталкера* в действительности представляет собой лишь определение параметров выбранного направления импровизации. Это очень важное соображение, о котором никогда не следует забывать, так как, имея дело с *силой*, человек не может заранее предугадать развитие предстоящей битвы и ее последствия. Можно быть уверенным лишь в том, что рано или поздно битва нахлынет на человека, словно волна океана жизни, и тогда разработанная стратегия позволит ему оседлать эту волну и держаться на ее гребне. Что произойдет после этого, куда понесет его волна — все это надежно скрыто в царстве непознанного. По этой причине Толтеки называли практическое применение стратегии *шагом в непознанное*.

Следует осознать, насколько подход воина отличается от подхода обычного человека. В течение своей жизни люди *планируют* ход своих действий так, как если бы могли в точности предугадывать реальное течение событий; в тот миг, когда действительность начинает развиваться совсем не так, как они ожидали или надеялись, люди немедленно бросаются искать способ *вызвать* результат, совпадающий с их чаяниями. Такие люди считают это надежностью своего образа жизни, но с точки зрения воина попытки воздействовать на руку *силы* — откровенная глупость, опирающаяся на иллюзорное представление о том, что люди в силах управлять течениями в океане жизни.

Предаваться таким мыслям означает полностью лишиться здравого смысла. Человек не в состоянии повелевать *силой* — ведь это *всеобщая сила*; с другой стороны, поскольку *сила* является продуктом восприятия, человек действительно способен управлять собственным уровнем восприятия, то есть его настройкой, а это, разумеется, определяет и его уровень *личной силы*. Таким образом, хотя человек не в состоянии управлять *силой* непосредственно, он вполне может выбирать любое восприятие событий своей жизни. Именно этим люди и занимаются; такое действие лежит в самой основе явления социальной обусловленности, поскольку, несмотря на присущее человеку грубое ощущение отделенности от всего окружающего, все человеческие существа инстинктивно склонны к групповому сознанию — в результате им нравится подчиняться единодушию группы и, в особенности, добиваться одобрения своих собратьев. Конечным результатом такого поведения становится то, что люди цепляются за всеобщий сон, словно это и есть окончательная реальность, и при этом навсегда приспособливают свое восприятие к ограничениям этого сна. По этой причине люди не только ограничивают свое восприятие и сводят свое существование к жизни в рамках иллюзии, но и, хуже того, уменьшают свою *личную силу*, то есть сами лишают себя сил.

Поддержка всеобщего сна без затрагивания основ социальной обусловленности требует относительно жесткого закрепления *точки сборки* каждого человека на одном и том же уровне восприятия. Более того, поскольку человек постоянно стремится к ощущению надежности своего жизненного опыта, та позиция, в которой закрепляется *точка сборки*, всегда должна находиться в рамках познанного. С учетом того, что нам уже известно, можно сделать вывод, что всеобщий сон — и, следовательно, социальная обусловленность — зависит от той

интенсивности, которая закрепляется и поддерживается большей частью человеческих существ. Именно поэтому обычные люди склонны совершенно не замечать непознанного; при любом столкновении с ним они ведут себя так, словно это часть познанного, которая по каким-то причинам складывается «неправильным образом» и потому должна быть подчинена или отброшена, причем как можно скорее. Очевидно, что при таком отношении люди постоянно мешают самим себе сознательно *шагнуть в непознанное*, а их жизни превращаются в одностороннюю рациональность, в пределах которой непредвиденные проявления непознанного воспринимаются как полный беспорядок «удач» и «невезений».

Воин, однако, не относится к числу тех, кто цепляется за всеобщий сон или социальную обусловленность. По этой причине любая его стратегия нацелена на то, чтобы позволить ему *сотрудничать* спроявляющимися в его жизни силами и скользить на гребне волне непознанного к своим потенциальным способностям и своему предназначению. Вследствие этого для воина, который жаждет проникнуть в непознанное, основной целью разработки и применения стратегии является изменение своей *интенсивности*. В этом смысле следует напомнить о том, что предназначение воина заключается в полном и *разумном сотрудничестве* с целями его *сновидящего*; поскольку *сновидящий* уже жестко контролирует цель своего воплощения с помощью направленного *намерения*, логично предположить, что воину необходимо сделать свое восприятие достаточно подвижным для того, чтобы *безупречно* справляться со всеми возникающими испытаниями.

Еще более важным является тот факт, что человек сам создает себе жизненные испытания, пользуясь *линиями напряжения* в паутине своей жизни, а *линии напряжения*, в свою очередь, возникают в результате той *интенсивности*, которую человек вырабатывает при взаимодействии с окружающими во время акта восприятия. Таким образом, хотя человек не в силах избежать своей судьбы в том смысле, что не в силах изменить *намерение* своего *сновидящего*, он тем не менее способен властвовать над *качеством* своих испытаний, если научится управлять вырабатываемой *интенсивностью*.

Власть над качеством своих испытаний не означает попытки предопределять течение своей жизни. Для пояснения этой разницы я часто прибегаю к одной аналогии, сравнивая судьбу с путешествием. Если в этой жизни человеку суждено побывать в Риме, он так или иначе попадет туда, но то, как именно это случится, целиком зависит от него самого. Осознает человек это или нет, но для того, чтобы оказаться в Риме, он создаст самые разнообразные испытания, которые направят его в нужную сторону. Одни из этих испытаний покажутся ему «хорошими», так как они обеспечат радостное и приятное путешествие; другие будут выглядеть «плохими», поскольку сделают путешествие неприятным и горестным. Человек в состоянии превратить свою дорогу в Рим либо в захватывающее приключение, либо в сущий кошмар, когда ему будет казаться, будто его, брыкающегося и вопящего, тащат туда за волосы. Именно эта разница и означает умение повелевать качеством своих испытаний.

И все же необходимо понимать, что *интенсивность* представляет собой лишь следствие того или иного уровня восприятия. Таким образом, если вы хотите изменить свою *интенсивность* тем самым научиться управлять ею, вам следует стремиться к изменению уровня восприятия и контролю над ним. Это непосредственно возвращает нас к принципу необходимости иметь подвижную *точку сборки*, так как без такой текучести человек не в состоянии управлять своим уровнем восприятия и, соответственно, своей *интенсивностью*. Самый простой способ сделать свою *точку сборки*, подвижной заключается в том, чтобы учиться *выслеживать* свое восприятие; с другой стороны, лучший способ научиться этому сводится к умению толковать *линии напряженности*, проявляющиеся в вашей повседневной жизни, так как эти *линии* порождаются только *интенсивностью*. Научившись выявлять *линии напряжения*, вы можете перейти к

изменению своего уровня восприятия и *интенсивности* — это достигается просто применением *щита воина* практическими занятиями *неделанием*. Иными словами, если вы хотите истолковать *линии напряжения* своей обыденной жизни, а не довольствоваться поверхностным значением событий, вы невольно начинаете принимать, не принимая, и верить, не веря; в результате ваше восприятие уже не закрепляется одержимостью, а *точка сборки* становится подвижной.

Однако для того, чтобы выявить *линии напряженности* обыденной жизни, не говоря уже об их истолковании, воин должен быть бдительным, бесстрашным, полным уважения и очень спокойным. Разумеется, это предполагает применение *щита воина* одновременно возвращает нас к тому, что воин живет на грани, и в этом смысле вся его жизнь опирается на третий аспект *правила сталкера*, а именно на то, что *воин всегда готов сразиться насмерть прямо здесь и прямо сейчас*. Следствия этого аспекта *правила сталкера* выходят далеко за рамки данной книги, но самыми важными из них для текущего изложения являются тесно взаимосвязанные принципы *шага в непознанное* и *жизни в текущем мгновении*.

На примере Шона должно быть понятно, что, приступая к применению разработанной стратегии, он немедленно *шагнет в непознанное* в самом буквальном смысле этого слова, так как исход этого события невозможно предугадать. Шон может быть уверен только в том, что в результате этого действия его жизнь изменится навсегда, а вместе с ней изменится и его восприятие как самого себя, так и своей жизни. Достаточно немного задуматься, и становится ясно, что для обычного человека подобное непредсказуемое положение вещей равнозначно кошмару, но для воина все обстоит совсем иначе. Поскольку воин живет своими испытаниями, такое положение дел является великолепным и представляет собой подтверждение того факта, что он стал достаточно текучим, чтобы суметь жить на грани, и достаточно сильным, чтобы выдержать трудности составления карты непознанного. В случае Шона этот момент отмечает его проход к свободе, но для того, чтобы войти в этот проход, Шону следует обдумать следствия *третьего постулата сталкинга* во всей их глубине.

В *третьем постулате сталкинга* подчеркивается, что мир и события жизни человека совсем не такие, какими кажутся, — на самом деле они представляют собой бесконечную загадку. Более того, поскольку ощущение этой загадочности меняется при изменении восприятия, сам человек также является частью этой тайны благодаря тому, что загадочность присуща самому акту восприятия. Вследствие этого для человека, подобного Шону, единственный практически осуществимый способ подхода к собственной жизни, начиная с такого мгновения, заключается в том, чтобы принимать, не принимая, и верить, не веря. Шон уже не может позволить себе относиться к событиям поверхностно и довольствоваться этим. Теперь для него чрезвычайно важно жить с надежным пониманием того, что каждый день, каждый миг его жизни придется провести на неизведанной территории, а каждый рассвет будет открывать перед ним новые горизонты непознанного.

Шаг в непознанное отнюдь не похож на обыкновенную прогулку, — любое проникновение в непознанное представляет собой бесповоротное действие, навсегда изменяющее жизнь человека. Только те заблудшие души, которые хотят обрести *силу воина*, но не обладают необходимыми для этого самодисциплиной, уважением к себе и достоинством, мечтают врываться в непознанное и покидать его по собственной воле. Иными словами, такие люди желают переходить в непознанное из контекста своей текущей жизни, узнавать в непознанном нечто новое, а затем возвращаться к прежней жизни с этими знаниями. Хотя подобные практики действительно возможны, они чрезвычайно опасны, так как таким людям не хватает ни *трезвости*, ни *безупречности*. *Шаг в непознанное* чем-то похож на близость к атомному реактору, так как в тот же миг, когда человек оказывается в непознанном, все его существо

заряжается невероятной энергией, которая приводит в действие необратимую цепную реакцию. Единственный способ справиться с этой цепной реакцией заключается в том, чтобы отдаться ей и устремить свое намерение на полное преобразование. Благодаря такому преобразованию человек становится неуязвимым к разрушительному воздействию «радиации», однако при отсутствии желания измениться не может быть и стремления стать по-настоящему безупречным воином, и тогда практикующий в буквальном смысле слова подставляет себя невероятно губительному влиянию «радиоактивности». В связи с этим читателю рекомендуется перечитать представленный в «Крике Орла» рассказ об искушениях силы во блике одного из четырех естественных врагов.

Итак, шаг в непознанное представляет собой акт, приводящий в действие процесс смерти, и сделать его безопасным позволяет только подчинение смерти. В этот момент своей подготовки воин должен быть готовым расстаться со своей прежней жизнью во имя процесса трансформации. Воин должен прийти к знаниям полностью подготовленным к смерти, и ученик будет готов сделать все, что необходимо для превращения в воина, только в том случае, если эта трансформация становится актом выживания.

К принципу подчинения смерти следует относиться поверхностно, так как это совсем не то, что могут представить себе обычные люди. Подчинение смерти только чрезвычайно важно для процесса трансформации, но и совершенно необходимо для достижения свободы. В конечном счете подчинение смерти является всего лишь естественным следствием умения жить на грани; поэтому его часто называют танцем на грани. Однако жизнь и танец на грани — не одно и то же. Жить на грани означает, что воин достиг в своей жизни той стадии, когда его стремительно выталкивает в непознанное либо благодаря собственным усилиям, либо в силу жизненных обстоятельств.

Оказавшись в непознанном, воин обнаруживает, что там его со всех сторон подстерегает целый ряд неведомых испытаний, требующих новых знаний, и любое небезупречное поведение означает физическое, умственное или эмоциональное уничтожение. С другой стороны, умение танцевать на грани означает приобретенную способность воина уравнивать трезвость и страх перед гибелью; эта способность позволяет ему оседлать любую встретившуюся волну и скользить на ее гребне, так как неумение сделать это также означает уничтожение в той или иной форме. Иными словами, танец на грани представляет собой умение, которое воин приобретает в результате того, что относится к смерти как к своему лучшему советчику, — ведь воин прекрасно понимает, что поступать иначе означает отказаться признать существование стрелков Вселенной, чьи удары могут принести мгновенное уничтожение.

Таким образом, отношение к смерти как к лучшему советчику сводится к признанию того, что у человека нет иного выбора, кроме освоения танца смерти, позволяющего танцевать на грани.

Одним из глубочайших следствий принципа жизни на грани является то, что жизнь вечно нова, вечно обновляется. Вследствие этого воину, который живет на грани, жизнь никогда не кажется застывшей, повторяющейся или скучной — напротив, каждый миг его жизни наполнен благоговейным удивлением и захватывающими чудесами. Ученику не очень легко постичь это, так как большая часть учеников склонна считать слово «грань» чем-то вроде «внешнего края жизни», если читатель позволит мне использовать такое странное выражение. Я могу попытаться пояснить это только одним способом: путем аналогии, которая использовалась для этого с незапамятных времен. В ней жизнь сравнивается с огромным колесом — колесом жизни.

Кроме широкого обода, у колеса жизни есть множество спиц, отходящих от центральной ступицы. Большую часть человечества следует отнести к ободу этого колеса, тех, кто

продвинулся несколько далее обычных людей, — к его спицам; одни из них ближе к ободу, а другие — к ступице. Те читатели, которые бывали в парках развлечений, знают, что центробежной силы на внешнем крае вращающегося колеса достаточно, чтобы вызвать у человека головокружение; обычно она настолько велика, что в буквальном смысле слова приковывает человека к одной точке. Иными словами, положение на ободу колеса жизни не только приводит в замешательство, но и удерживает человека на месте.

Однако следует понимать, что большая часть колес вращается под воздействием той круговой силы, которую сообщает им ступица, и поэтому то, что Толтеки называют гранью, достаточно буквально означает внутренний край ступицы колеса, то есть тот ее край, который находится ближе всего к ведущему валу; в рамках нашей аналогии он соответствует источнику проявленной жизни. Там, в центре колеса, при твердом сосредоточении на ведущем вале, жизнь вовсе не выглядит вращающейся с такой головокружительной скоростью. На самом деле, по сравнению с внешним ободом и даже спицами, внутренний край ступицы кажется почти неподвижным и спокойным. С другой стороны, центробежная сила вдали от ступицы колеса вызывает такое впечатление, словно яростный ветер не дает человеку дышать; единственный способ остаться в живых заключается в том, чтобы противопоставить этой силе соответствующую центростремительную силу. Это выражается следующим изречением:

В ЦЕНТРЕ КОЛЕСА ЖИЗНИ БУШУЕТ МОГУЧИЙ ВЕТЕР. И ЕДИНСТВЕННОЙ ЗАЩИТОЙ ВОИНА ОТ НЕГО ЯВЛЯЕТСЯ НЕСГИБАЕМОЕ НАМЕРЕНИЕ ДОСТИЧЬ ПОЛНОТЫ СВОЕЙ СУЩНОСТИ И СОХРАНИТЬ ЕЕ. ТАК КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ЭТОГО КОЛЕСА — ДУХ ЧЕЛОВЕКА.

Как подчеркивает приведенное изречение, именно *намерение*, нацеленное на достижение *полноты сущности*, позволяет воину отдалиться от обода колеса по направлению к ступице и удержаться в центре колеса. Следует помнить о том, что *полнота сущности* подразумевает такое состояние осознания, в котором *нагваль*, *сновидящий* и *тональ* воспринимаются как одно целое или, иными словами, тот уровень осознания, который лучше всего характеризуется словом «единение». Однако, как мы уже убедились, единение, или *полнота сущности*, возвращает нас непосредственно к принципу группового сознания, в котором, впрочем, тоже есть только один *нагваль*, единый дух человека. Обращаясь ко второй главе данной книги, можно вспомнить и о том, что *полнота сущности* позволяет воину отправиться к *центру вращения трех колец* и проникнуть в *третье кольцо силы*. Настоящему воину важно стремиться не только к *безупречности*, но и к свободе — и того, и другого можно достичь только достижением *полноты сущности*.

Полноты сущности не достигнуть быстро и легко, но воплощение на практике всех фрагментов учений, изложенных к настоящему моменту, будет приносить читателю все большую степень *безупречности* и повысит его *личную силу*, а эти два качества приближают воина к возможности сбросить *человеческую форму* при переходе к *полноте сущности*. Что же именно называют жизнью на грани?

Извечная новизна жизни на грани заставляет воина жить в непрерывном состоянии движения и изменений, то есть непрестанно подправлять свое восприятие жизни и мира в целом. Именно в этом заключается смысл понятия текучести воина и подвижности *точки сборки*, и все же сама по себе текучесть является не целью, а лишь средством достижения более великой цели — *полноты сущности*. Как уже известно из *третьего постулата сталкинга*, человек представляет собой загадку. Хотя благодаря *второму постулату* нам ясно, что долг человека заключается в том, чтобы разгадать эту тайну, не следует надеяться, что это когда-нибудь удастся сделать. Следствия этого вполне очевидны, но одновременно и потрясающи, так как необходимо осознать, что *полнота сущности* — не цель, но только

необходимый камень для перехода, с которого начинается еще более грандиозное путешествие и приключение познания самого себя.

Именно по этой причине с точки зрения настоящих Толтеков подлинное путешествие, то есть *окончательное путешествие воина*, начинается только после перехода к *третьему вниманию* достижения *воином полноты сущности*. Вплоть до этого момента путешествие заключается в изучении того, как из *человеческого существа* стать *человеком*. Тогда и только тогда, когда это существо становится человеком, оно способно пуститься в *окончательное путешествие воина*, чтобы постичь, что значит быть человеком в противоположность *человеческому* существу. Только после этого воин может стать Толтеком, то есть *человеком знания*. Этот факт с легкостью упускают из виду те беззаботные ученики, которые часто склонны забывать о том, что подлинным человеком является *человеческое* существо, сбросившее *человеческую форму*, по этой причине такие ученики ошибочно полагают, что смогут стать Толтеками, сохраняя *человеческую форму*.

Превращение в воина — не конечная цель, и любой, кто вступает на Путь Воина с желанием узнать, сколько времени потребуется ему для достижения такой «цели», обречен на неудачу. Подлинного состояния воина можно достичь, только научившись *безупречно танцевать* на грани и одновременно жить на этой грани. Признаком настоящего воина является определенный уровень осознания, а также свойство управлять этим осознанием с таким умением, какого можно достичь только продолжительным практическим опытом. Иного пути к знаниям и *личной силе* воина попросту нет. То, какое время потребуется человеку для достижения такого уровня осознания и мастерства, зависит только от самого человека, однако в любом случае подлинный прогресс возможен лишь после того, как ученик прекращает беспокоиться о своей воображаемой цели.

ПОДЛИННОЕ ЗНАНИЕ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ВОСПРИЯТИИ СВОЕГО ВНУТРЕННЕГО Я.

ЦЕНА ЗА ПОДЛИННОЕ ЗНАНИЕ — ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА ТЕХ ЗНАНИЙ, К КОТОРЫМ СТРЕМИТСЯ ЧЕЛОВЕК. МОЖНО ДОБИТЬСЯ ТОЛЬКО ПОСВЯТИВ ЭТИМ ПОИСКАМ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ.

Эти изречения относятся к числу тех, которые любой ученик должен усвоить прежде всего. Хотя Нагваль настойчиво напоминает ученикам о необходимости помнить о том, что важна не цель, а само путешествие, ученики время от времени совершают смертельную ошибку и стремятся достичь «цели», результатом чего становится сильнейшее разочарование, так как цель даже не появляется в поле зрения. И все же, как это ни парадоксально, вскоре после того, как ученик расстается с подобной мыслью, он начинает и видеть эту цель, и достигать ее; он обнаруживает, что соскальзывает к осознанию настоящего воина лишь по той причине, что уже не стремится к конкретной цели и заботится только о том, чтобы вести *безупречный образ жизни*.

ЧУВСТВО СОБСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ ПРИВОДИТ К НЕТЕРПЕЛИВОСТИ. А НЕТЕРПЕЛИВОСТЬ ЗАСТАВЛЯЕТ ВАС БЕСПОКОИТЬСЯ О ТОМ ЧТОБЫ КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ ДОСТИЧЬ УРОВНЯ ВОИНА В СОСТОЯНИИ НЕТЕРПЕЛИВОГО БЕСПОКОЙСТВА ВЫ ПРОДОЛЖАЕТЕ НЕВЕЖЕСТВЕННО БРЕСТИ НАОЩУПЬ В СВОЕЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И ТАКОЕ НЕВЕДЕНИЕ МЕШАЕТ ВАМ УЛОВИТЬ МИМОЛЕТНЫЙ МИГ ШАНСА ТОЛЬКО ДОСТИЖЕНИЕ НАСТОЯЩЕГО СМирЕНИЯ И ТЕРПЕНИЯ ПРИВОДИТ К ТОМУ. ЧТО СИЛА САМА СОБОЙ ПРИХОДИТ К ВАМ

Ученикам довольно трудно воплотить это на практике, так как социальная обусловленность делает почти невозможным тяжелый труд ради того, что кажется *ничем*. Однако наблюдательный ученик обычно достаточно быстро понимает, что ничто означает «не что-то» — то есть *нагваль*, дух человека. Таким образом, нельзя сказать, что ученик трудится бесцельно

— он направляет свои усилия на то, чтобы перейти к осознанию настоящего воина, что, разумеется, означает осознание собственного *нагваля*, который, по определению, *не является чем-то*. Это чрезвычайно важное соображение, имеющее огромные практические следствия, и нам стоит подробнее поговорить хотя бы о нескольких из этих следствий.

Не имея конкретной цели работы, ученик довольно быстро учится подмечать и, следовательно, ценить мелочи жизни. В результате, вместо того чтобы стремиться к уровню настоящего воина, он уделяет пристальное внимание каждому новому шагу на пути и при этом невообразимо ускоряет свое движение, так как большая часть жизни человека посвящена тому, что большинство учеников склонны считать совершенно обыденными и банальными задачами, неотъемлемыми от жизни на физическом плане. И все же, если вы хотите достичь уровня воина, вам совершенно необходимо посвятить свою жизнь подобным поискам. Это означает, что каждый миг жизни нужно проводить так, как это делает воин, — это относится и к тем моментам, когда вы чистите зубы, варите картошку, исполняете свои обязанности на работе или ходите по магазинам! Если вы пытаетесь стать воином и стремитесь к *безупречности* только при выполнении таких специальных упражнений, как *перепросмотр* или *сновидение*, то, очевидно, будете проводить большую часть жизни, занимаясь совершенно обыденными делами. До тех пор пока ученики упорно считают обучение на Пути Воина и свою повседневную жизнь совершенно разными сферами деятельности, их развитие останется чрезвычайно медленным и ограниченным.

Важность сказанного невозможно переоценить. Самыми распространенными причинами неудач на Пути Воина, самыми мощными сковывающими силами, отбрасывающими ученика назад, являются ощущение разделенности и ошибочное представление о том, что для превращения в воина нужны «занятия в особой обстановке». К сожалению, в наши дни существует очень много заблудших душ, которые отстаивают подобные мифы; нет ничего удивительного в том, что в результате большая часть учеников постоянно гадают, когда же Нагваль начнет передавать им настоящие знания и перестанет интересоваться, как они чистят картошку или почему клянут того, кто занял их место на автостоянке у универмага. Однако в тот миг, когда ученик начинает понимать взаимосвязанность всего живого и осознавать, что практические занятия различными техниками позволяют достичь *безупречности* в чистке картошки, его жизнь приобретает совершенно новое измерение, а *точка сборки* становится все более подвижной по мере того, как он пытается изменять свое восприятие и *интенсивность*.

Второе следствие, которое необходимо рассмотреть, уже затрагивалось ранее, когда мы говорили о том, что воин живет в состоянии постоянного изменения и движения, так как жизнь на грани извечно пребывает в стадии зарождения. Постоянные перемены не допускают ощущения надежности; преимущество этого заключается в том, что ученик — и, тем более, воин — неизменно остается бдительным и готовым к действиям. Поскольку перед ним не возникает ни единой возможности стать самодовольным, у ученика не остается иного выбора, кроме сражения за *трезвость* в текущем мгновении, — в противном случае он погрязнет в постоянно нарастающей неразберихе изменчивых событий.

Хотя с самого первого дня ученикам сообщают, что *время — сущность безупречности*, им все равно требуется некоторое время для понимания того, что ни один человек не может позволить своему восприятию жизни и мира в целом скапливаться кучей, подобно не разобранным бумагам на рабочем столе. Ученики очень часто совершают ошибку, полагая, что с воспринимаемым сегодня можно будет разобраться и завтра. *Сила* кроется в текущем мгновении, и если мимолетный шанс не был пойман именно тогда, когда он возник, то «через минуту», завтра или на следующей неделе будет слишком поздно. Даже самый самоотверженный ученик часто оказывается в ловушке сомнений в собственном восприятии и в результате откладывает

свои действия до тех пор, пока «хорошенько все не обдумает». И хотя не слишком мудро предпринимать какие-либо действия спешно и беспорядочно, не менее справедливо и то, что единственный способ жить на грани и танцевать на грани — *пытаться делать это*. Впрочем, одних только *попыток* совершенно не достаточно, так как слово «пытаться» подразумевает право совершать ошибки, но жизнь на грани делает любую ошибку очень дорогой. Когда Толтеки используют слово «пытаться», оно означает попытки сделать нечто совершенно непривычное, как если бы вся жизнь человека зависела от того, удастся ли ему справиться с текущим испытанием.

Сейчас мы касаемся этой темы для того, чтобы полностью осознать, что именно означает *шаг в непознанное*. При необходимости сражаться за *трезвость* в текущем мгновении ученик, осознает он это или нет, постоянно пытается сдвинуть *точку сборки*. Такие усилия не только оказывают неоценимую помощь в воспитании *намерения*, но и помогают ученику все больше осознавать глубинный смысл учений. Начиная понимать, что прекрасные возможности могут оказаться упущенными вследствие небрежного восприятия или отложенных действий, такой ученик прилагает все усилия, чтобы быть предельно бдительным в текущее мгновение и ежесекундно *выслеживать* свое восприятие.

Третья тема, на которую необходимо поговорить, следует из двух предшествующих. Как только ученик научился непрерывно *выслеживать* свое восприятие, техника *перепросмотра* внезапно начинает приобретать совершенно новый смысл. Поскольку ученик стремится к *трезвости* в текущем мгновении и уже осознает все на первый взгляд незначительные подробности своей жизни, существенно усиливается *непроизвольный перепросмотр*; помимо того, ученик начинает осознавать многочисленные тонкие чувства, которые могут возникать благодаря лишь одному слову, мелодии старой песни и даже мимолетной улыбке другого человека. Во всех подобных случаях ученик осознает *линии напряжения* в паутинах жизни, и сам факт такого осознания вскоре помогает ему приступить к *перепросмотру* тех событий, что породили эти *линии напряжения*.

Осознание *линий напряжения* паутины жизни приносит ученику пользу не только в *перепросмотре*, но и в *неделании*. Осознавая намного яснее, чем прежде, ученик начинает видеть в своих обычных поступках, чем они являются на самом деле, и в результате становится более отстраненным и объективным по отношению к окружающему миру. Повышение отстраненности не только облегчает *выслеживание* собственного восприятия в текущее мгновение, но и делает возможным оценку любого действия — физического, эмоционального и умственного — перед тем, как его предпринять. Такой ученик обретает то, что Толтеки называют *скоростью*. Вместо того чтобы наощупь, неосознанно забредать в ловушку повторяющихся поступков, он достигает достаточной *скорости*, чтобы успевать выявлять те *намерения*, что порождают любые действия, будь они физическими, эмоциональными или умственными. Такая *скорость* делает практику *неделания* несложной, и в результате ученик уже очень скоро начинает жить с позиции *неделания*.

Одним из величайших преимуществ подобного образа жизни становится следующее: ученик еще более отстраняется от рационального ума. Вследствие этого *внутренний диалог* отмирает, и, что еще важнее, ученик начинает все больше прислушиваться к своему сердцу. Как только он достигает этого уровня, жизнь в очередной раз приобретает совершенно новый смысл: выбираясь из ловушки постоянных размышлений обо всем вокруг, ученик начинает *чувствовать* мир и все вокруг, и к нему приходит понимание того, что такое ощущение мира намного точнее, стремительнее и радостнее, чем подход с позиции мышления.

Умение прислушиваться к своему сердцу совсем не означает, что воин полностью прекращает думать; правильнее будет сказать, что его рациональный ум занимает надлежащее

ему место и используется только по необходимости — воин не позволяет ему вмешиваться в свою жизнь бесконечным *внутренним диалогом*. Рациональный ум представляет собой лишь малую часть общего разума человека и являет собой не что иное, как встроенный в человека компьютер. Разумеется, используемые рациональным умом программы представляют собой социальную обусловленность; по этой причине жизненно важно как можно быстрее перевести рациональный ум в надлежащее положение, так как только после этого человек в состоянии изменить программы своего компьютера. Перепрограммирование компьютера можно провести только посредством переоценки мира и своей жизни, а лучший способ сделать это — научиться прислушиваться к своему сердцу.

Умение прислушиваться к своему сердцу представляет собой приобретаемую способность, понимание и совершенствование которой требует времени, так как социальная обусловленность никого не учит тому, как следует *чувствовать*, — она уделяет основное внимание умению *думать*, то есть мыслить рационально. Ученики часто вообще не понимают принципа умения прислушиваться к своему сердцу — они склонны полагать, будто уже разобрались с этим принципом, не пытаясь осваивать его подлинный смысл на собственном опыте. Нам следует рассмотреть этот принцип, чтобы добиться его четкого понимания и избавиться от тех неверных представлений, которые возникли в отношении этой темы. Однако для того, чтобы сделать это, необходимо начать с семи электромагнитных центров *светящегося кокона*, которые располагаются в физическом теле вдоль позвоночного столба. Рассказ об этих центрах будет настолько краток, насколько это возможно.

Прежде всего, следует осознать, что понятие «сердце» не означает физический орган, — на самом деле, это один из перечисленных ниже семи основных электромагнитных центров. Эти центры управляют различными участками нервной системы, а также определенными органами тела. В настоящий момент нас интересует тот центр, что расположен между лопатками; в физическом организме ему соответствует вилочковая железа, или тимус. Этот центр управляет не только физическим сердцем — посредством вилочковой железы он воздействует на множество других функций организма, еще совершенно не известных современной медицине. Частота колебаний этого центра соответствует тому уровню осознанности, на котором взаимосвязанность всего живого становится отчетливой и ясной; по этой причине Толтеки рассматривают его как центр *слияния*, или группового сознания. Поскольку *сновидящие человечества* объединены групповым сознанием, именно сердечный центр представляет собой важнейшее средство сообщения между *сновидящими сновидимым*. Вследствие этого Толтеки говорят, что *сновидящий* говорит со *сновидимым* через его сердце (рис. 4). По этой причине умение прислушиваться к своему сердцу означает в действительности способность прислушиваться к *сновидящему*.

СЕМЬ ОСНОВНЫХ ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫХ ЦЕНТРОВ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ

ЦЕНТР — ОРГАН — ПРОЯВЛЕНИЯ

ГОЛОВА — Шишковидная железа — Намерение

БРОВЬ — Гипофиз — Разум / Умение различать

СЕРДЦЕ — Вилочковая железа — Чувство / Слияние / Вовлеченность

ГОРЛО — Щитовидная железа — Рациональный ум / Отделение / Отделенность

СОЛНЕЧНОЕ СПЛЕТЕНИЕ — Поджелудочная железа — Эмоции

КРЕСТЕЦ — Половые железы — Отражение намерения

ОСНОВАНИЕ ПОЗВОНОЧНИКА — Надпочечная железа — Знание Драконов / Сила человека

С другой стороны, рациональный ум — следует помнить, что это лишь слабое отражение подлинного *разума*, — проявляется через горловой центр, физическим проявлением которого

является шишковидная железа. Именно этот центр несет основную ответственность за ощущение отделенности и, следовательно, за то состояние осознания, которое позволяет человеческому существу ощущать себя как личность. В результате Толтеки считают горловой центр основной причиной того, как *сновидимый*, то есть несовершенный *тональ*, воспринимает жизнь и окружающий мир; из-за его разделяющего характера этот центр называют центром *отделения*.

Подлинный разум, представляющий собой один из полюсов осознанности *сновидящего*, выражается через посредство второго центра в голове, физическим проявлением которого служит гипофиз. Поскольку этот центр расположен примерно на уровне центра лба, эзотерики называли его «третьим глазом»; он является проводником истинного выражения настоящего, или *правильного тоналя* человека. Таким образом, тот же центр одновременно служит и источником умения *различать*, которое, разумеется, получает свое отражение в разделяющем свойстве рационального ума. Однако этот центр можно привести в действие только благодаря раскрытию сердечного центра — это и объясняет, почему воину так необходимо *распахнуть свое сердце*.

Вернемся к разговору о сердце. Вспомним, что *намерение* является способностью *сновидящего*; поскольку сердечный центр представляет собой важнейшее средство связи между *сновидящими* *сновидимым*, сердце одновременно является и основным центром приведения в действие *намерения*. Следует, впрочем, отметить, что в действительности чистое *намерение* проявляется через тот центр головы, которому соответствует шишковидная железа. И все же Толтеки считают, что действие *намерения*, как и подлинного *разума*, берет начало именно в сердце, так как только применение сердечного центра позволяет привести в действие шишковидную железу. Это в очередной раз доказывает, насколько важно воину научиться прислушиваться к своему сердцу.

Учитывая все вышесказанное, читателю очень полезно знать, что *отражение намерения*, о котором упоминалось во второй главе, выражается посредством крестцового центра, физическим проявлением которого являются половые железы. В первую очередь, именно по этой причине маги и те, кто следуют по Пути Великого Приключения, ошибочно полагали, будто *воля*, или *личная сила*, исходит из нижней части живота.

Поскольку сердце является важнейшим средством сообщения между *сновидящими* тем, кто *снится*, а *намерение* приходит в действие при посредничестве сердца, то нет ничего удивительного в том, что *точка сборки* человека должна находиться на поверхности *светящегося кокона* напротив сердечного центра. Когда ученик осознает взаимосвязанность всего живого, он, по существу, начинает работать на той скорости колебаний, которая соответствует сердечному центру, — и тогда можно утверждать, что такой ученик начал *распахивать свое сердце*. Отстранившись от рационального ума и *распахнув свое сердце*, ученик в буквальном смысле слова *смещает фокус*, так как, вместо того чтобы воспринимать мир посредством горлового центра, связанного с рациональным умом, он ощущает его сердечным центром. Теперь ученик начинает воспринимать в согласии с целями своего *сновидящего* — именно в этом и заключается подлинный смысл выражения «учиться видеть во сне действительность».

Когда ученик обретает связь со своим сердцем, становится возможным подлинное мышление, так как вместо рационального рассуждения обо всем вокруг, которое неизменно приводит к замкнутому кругу мыслей, то есть *внутреннему диалогу*, ученик начинает воспринимать мир в целом и свою жизнь с точки зрения *чувствования*. *Чувствование* приводит к ощущению, что человек *знает* нечто каждой клеточкой своего существа. Поскольку ученик уже не воспринимает все вокруг с позиции разделенности, события и явления теперь не рассматриваются независимо друг от друга — напротив, они представляются человеку тесно взаимодействующими и, следовательно, взаимозависимыми нитями единой жизни. Так как сам

ученик также является частицей этой единой жизни, он способен ощущать, или чувствовать, куда приведут те или иные нити, если за ними последовать. Он начинает действовать инстинктивно, доверяя своим чувствам в той же мере, в какой обычные люди полагаются на ощущение жара костра и отдергивают руку, когда обжигают ее.

Подлинное мышление не связано с *внутренним диалогом* вообще не требует времени на рассуждения. Та мысль, которая заставляет человека отдернуть руку от обжигающего пламени, является поистине мгновенной и совершенно не нуждается в медленных, старательных, логических и взвешенных размышлениях, порождаемых *внутренним диалогом*.

Вот что на самом деле подразумевается под выражением «прислушиваться к своему сердцу» — это акт подлинного мышления в противоположность рациональным раздумьям, вызванным *внутренним диалогом*. Как только человек обретает такое умение, он способен не только перепрограммировать рациональный ум, но и проложить себе путь к способности *останавливать мир*, то есть научиться полностью *стирать личную историю*. Для того чтобы научиться четко прислушиваться к своему сердцу и избавиться от постоянного вмешательства рационального ума, нужны время, терпение и, прежде всего, тяжелая работа; именно по этой причине преданность ученика Пути Воина должна быть поистине *безупречной*. При условии полной самоотверженности, терпеливости, старательности и настойчивости один шаг влечет за собой другой, а каждый новый шаг приносит ученику соответствующие награды и приближает к настоящему мастерству в этом важнейшем умении.

Умение прислушиваться к своему сердцу является первым шагом к способности *видеть*. Искусство настоящего *видящего* подразумевает приведение в действие и последующее совместное использование всех трех центров в голове (до сих пор мы говорили только о двух из них).

Шаг в непознанное связан, прежде всего, с *четвертым постулатом сталкинга*, размещенном на Западе, в месте *чувствования*. Именно третий аспект *правила сталкера* приводит к тому, что воину необходимо относиться к смерти как к своему лучшему советчику. Запад, где заходит Солнце, является не только Храмом Смерти, но и тем местом, куда воин направляется ради полного осознания взаимосвязанности всего живого и понимания, что *основой этой тайны является бесконечная загадочность бытия всего сущего*. Нам уже известно, что любая стратегия воина строится таким образом, чтобы он мог соприкоснуться с этой загадкой, а практическое применение такой стратегии означает *шаг в непознанное*.

Шагнув в непознанное, воин уже не может повторить это — разумеется, если он не намерен затем вернуться в познанное, а это, как уже отмечалось, не только очень опасно, но и чрезвычайно нежелательно, так как препятствует полной трансформации. Для тех воинов, которые преданы Пути Свободы, *шаг в непознанное* является путем без возврата. Сделав этот шаг, такие воины никогда больше не возвращаются к прежней жизни; они попросту умирают по отношению к своим прежним личностям и поступкам. Когда воин применяет новую стратегию, он не повторяет *шаг в непознанное* — скорее, такая новая стратегия переносит его на очередную неизведанную тропу в новом районе непознанного. Таким образом, Воины Свободы делают *шаг в непознанное* только один раз в текущей жизни, и этот шаг отмечает их дорогу к свободе и *ставку на силу*.

С другой стороны. Воины Свободы никогда и не испытывают желания вернуться к прежней жизни. После того как они ощутили вкус жизни на грани и стали свидетелями лишь немногих чудес, возникающих в Храме Смерти, этим воинам и в голову не придет мысль о возвращении в тесные и оупляющие рамки, очерчиваемые рациональным умом. На собственном опыте почувствовав, что значит быть свободным в бескрайних просторах непознанного, Воины Свободы хотят только одного: оставаться свободными, задержаться на тех рубежах, где жизнь

пребывает в вечном зарождении. Они добиваются этого, изучая *танец смерти*, который позволяет им танцевать на грани; в этом непрестанном танце возрождения они радуются творческим способностям *сновидящего*, которые вливаются в Воинов через их сердца, широко распахнутые навстречу взаимосвязанности, взаимозависимости и взаимодействию всего живого.

Невозможность покинуть непознанное не следует понимать в буквальном смысле, то есть не следует считать, что воины навсегда остаются в осознанности левой стороны. Это было бы просто непрактично и, следовательно, очень нежелательно. Ученики часто приходят к такому заключению, поскольку непознанного как такового можно непосредственно достичь только путем смещения *точки сборки* в осознанность левой стороны, и все же сейчас речь идет совсем не об этом. Следует осознать, что даже в рамках обычного осознания человеку приходится иметь дело с непознанным всякий раз, когда он занимается *неделанием* или сталкивается с еще незнакомым испытанием, поскольку во всех подобных случаях он не в силах заранее предугадать исход этих событий. Можно лишь строить догадки о том, что случится в будущем, или выдвигать предположения об этом, опираясь на сходные случаи или события в прошлом, но если данное испытание полностью отличается от всего, что известно человеку, его исход окажется неизвестным вплоть до тех пор, пока не начнет проявляться; то же самое относится и к *неделанию*,

Таким образом, речь идет о той новизне, с какой сталкивается первооткрыватель, о составлении карты непознанного, а не о том непознанном, которое ждет человека в осознании левой стороны. Разумеется, существует только одно непознанное, а разница заключается лишь в том, когда человек с ним сталкивается, — в обычном или в повышенном осознании левой стороны.

Используя смерть как советчика и научившись танцевать на грани жизни, Воины Свободы уже не могут взирать на жизнь так, как этому учит обычных людей их социальная обусловленность. Для Воина Свободы смерть являет собой не нечто неясное, пребывающее «где-то там», не то, что можно постичь только в старости, но совершенно реальную и деятельную силу, которая руководит каждым его шагом, любым решением, чувством и ощущением. Понимая, что смерть может настичь его в любой момент, Воин Свободы не растрчивает впустую ни единого мгновения, ни единой капли *личной силы* и стремится сделать каждый миг и каждый поступок как можно более значимым и точным. Воин всегда готов сразиться насмерть прямо здесь и прямо сейчас, так как любое его действие совершенно *безупречной* представляет собой выражение его самой сокровенной предрасположенности. Воинам не присущи сожаления — они испытывают только чувство воодушевления и приятного возбуждения.

Настоящий воин почти всегда *живет в текущем мгновении*, а этот принцип напрямую связан с четвертым аспектом *правила сталкера*. Благодаря следованию такому принципу вся жизнь воина полностью преобразуется. Вместо того чтобы тревожиться о будущем и питать надежды в отношении предстоящего, воин целиком удовлетворяется и наслаждается любым своим действием, будь оно значительным или малым. *Удовольствие* также

представляет собой один из тех принципов, о котором у обычных людей сложилось совершенно неправильное представление, вызванное их неведением в отношении слов.

Понятие «удовольствие» почти буквально означает «запутаться в радости» ^[2]. Однако очень легко понять, что на самом деле совершенно невозможно получать удовольствие в подлинном смысле этого слова, пока человек остается пленником рационального ума и рабом социальной обусловленности. Только свободный человек способен получать удовольствие в полном смысле слова, и прежде всего по этой причине обычные люди постоянно ищут какую-либо форму побега от действительности, которую склонны считать подходящим типом развлечения. И все же побег от действительности очень далек от свободы, а индальгирование на таком побеге в

равной мере отличается от настоящего удовольствия.

Настоящий воин не стремится тем или иным образом убежать от действительности, так как это означало бы, что он не только пытается избежать жизненных испытаний, но и растрчивает время попусту, а эти два действия как в отдельности, так и в сочетании уничтожают возможность подлинной свободы. Вместо этого воин пытается извлекать из любой ситуации своей жизни *дары силы*, и чтобы сделать это, он должен жить в текущем мгновении. Воин не пытается убежать от жизни, но, напротив, целиком и полностью участвует в этом процессе, который, как упоминалось в «Крике Орла», представляет собой определение безусловной любви. Из всего этого следует, что настоящий воин способен получать полное удовольствие от каждого мига своей жизни и делает это, ведь его сердце распахнуто так широко, что его совершенно безусловная любовь распространяется на все живое. Признаться, я просто не знаю, как выразить это иначе, так как это один из тех принципов, которые столь глубоко уходят в левую сторону, что их словесное выражение оказывается практически невозможным. По этой причине я прошу читателя тщательно обдумать все, что было сказано выше в отношении жизни в текущем мгновении и удовольствия, а также поразмыслить о смысле следующего изречения.

В САМОМ НАЧАЛЕ ЛЮБОМУ ВОИНУ НУЖЕН ЩИТ ВОИНА. ПОЗВОЛЯЮЩИЙ ВЫДЕРЖАТЬ УДАРЫ СТРЕЛ СТРЕЛКОВ ВСЕЛЕННОЙ. ОДНАКО. КОГДА ВОИН ВХОДИТ В ХРАМ СМЕРТИ И УМЕЕТ ТАНЦЕВАТЬ НА ГРАНИ ЕМУ УЖЕ НЕ НУЖНО НИЧЕГО КРОМЕ ИЗЯЩЕСТВА ТАНЦА И БЫСТРОТЫ ДВИЖЕНИЙ С ЭТОГО МГНОВЕНИЯ ВОИН ИСПОЛЬЗУЕТ СВОЙ ЩИТ НЕ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ОТ СТРЕЛКОВ ВСЕЛЕННОЙ А КАК СРЕДСТВО С ПОМОЩЬЮ КОТОРОГО ЕГО СЕРДЦЕ МОЖЕТ ОХВАТИТЬ ВСЕ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ВСЕГО ЖИВОГО СО ВРЕМЕНЕМ ТАКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ СТАНОВИТСЯ СТРАСТЬЮ — ВСЕПОГЛОЩАЮЩЕЙ И ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЙ

Полностью участвуя в процессе жизни, настоящий воин уже не испытывает желания избежать каких-либо жизненных испытаний. Воин с одинаковой радостью и подлинным смирением воспринимает слезы и смех, счастье и горе, здоровье и болезнь, богатство и нищету, растение и насекомое, ибо в самой глубине своего сердца он на собственном опыте знает, что в этой загадке бытия все равны. Однако следует осознать, что, научившись оставаться свободными, Воины Свободы не прекращают яростно сражаться со всем, что ведет к рабству, и с любым существом, которое пытается навязать свою волю воинам или другим собратьям. Такова радость воина, такова его страсть к свободе. При таком понимании свободы жизнь воина подвержена постоянным переменам, новшествам и, следовательно, вечному обновлению, а каждое его действие уводит его в очередное захватывающее приключение в непознанных районах загадки бытия.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СМЕЩЕНИЕ ФОКУСА

СМЕЩЕНИЕ ФОКУСА ОТ ЗАКРЕПЛЕННОСТИ К РАСКОВАННОСТИ — ВЕЛИЧАЙШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ ВОИНА

Досих пор мы лишь кратко касались принципа *смещения фокуса*, но теперь необходимо рассмотреть его несколько подробнее, поскольку способность *смещать фокус* во всех отношениях представляет собой величайшее искусство воина. Но как это часто случается со всеми проявлениями подлинной *силы*, когда воин *смещает фокус*, последствия и полный смысл этого действия обычно проходят незамеченными, а если и обнаруживаются, то вызывают лишь легкий интерес.

Чтобы вплотную подойти к этому принципу первостепенной важности, следует поместить его в надлежащий контекст, так как этот принцип настолько противоречит социальной обусловленности и, в особенности, западному складу ума, что для большей части учеников воплощение этого аспекта учений на практике становится невероятно сложным испытанием. Нередко его полностью вырывают из контекста, а оказавшись вне своего контекста, *смещение фокуса* становится похожим на ситуацию, когда человек берет в руки фотографию одной двери, а затем пытается определить, какому из сотни домов она принадлежит, хотя у него нет фотографий всех этих домов и их дверей. Вполне очевидно, что такая задача кажется невыполнимой.

Важнейшей причиной того, что ученики склонны вырывать умение *смещать фокус* из его контекста, является разделяющее свойство рационального ума. Иными словами, такие ученики забывают, что все аспекты учения на сто процентов взаимосвязаны, что они взаимодействуют и, следовательно, являются тесно взаимосвязанными. Если ученик не принимает это во внимание, то вновь и вновь совершает ошибку, пытаясь *смещать фокус* только тогда, когда все прочие средства не помогают. Однако такой подход рано или поздно приводит к такой путанице, что ученик погружается в полное смятение и хаос, после чего удивляется тому, что *смещение фокуса* ему ничуть не помогло.

Смещение фокуса — первое, чему тем или иным способом обучают ученика, но этот принцип относится к осознанности левой стороны, и потому Нагваль просто не в состоянии говорить о нем вплоть до намного более поздней стадии развития ученика. И все же, если ученик горит желанием следовать Пути Воина, он с самого начала отмечает, что с ним происходит нечто необычное. Вполне возможно, что ученик не сможет в точности определить, что именно случилось, но даже того, что ему удалось заметить, оказывается вполне достаточно, чтобы без тени сомнений понять, что у него не остается иного выбора, кроме изучения Пути Воина. Причина всех подобных случаев в том, что Нагваль помог ученику *сместить фокус* достаточно сильно, чтобы тот обрел связь со своим сердцем. Как только это происходит, и независимо от того, насколько краткой была такая связь, ученик лишается любых сомнений, так как в глубине души все люди прекрасно понимают, что сердце никогда не лжет.

Смещение фокуса невозможно постичь рациональным умом, так как оно представляет собой действие сердца и следствия этого действия можно осознать только в контексте *пути с сердцем*. *Смещение фокуса* означает умение думать *сердцем* в противоположность мышлению рационального ума. *Смещение фокуса* связано с глубинным содержанием техники *неделания*. Хотя оно не играет решающей роли в *выслеживании* своего восприятия, *смещение фокуса* является важнейшей способностью, позволяющей достичь *Знания Драконов*. Не умея правильно и по собственной воле *смещать фокус*, воин будет оставаться таким же слабым и

беззащитным, как любой обычный человек.

ЕСЛИ ВОИН ХОЧЕТ ПОБЕДИТЬ — ХОТЯ ОН РИСКУЕТ И ОКАЗАТЬСЯ ПОБЕЖДЕННЫМ — ОН ДОЛЖЕН СМЕЩАТЬ СВОЙ ФОКУС. ПРИМЕНЯЯ ЧЕТВЕРТЫЙ АСПЕКТ ПРАВИЛА СТАЛКЕРА В КОНТЕКСТЕ ПЕРВОГО ПОСТУЛАТА СТАЛКИНГА

Это изречение представляет собой формулу смещения фокуса, и потому нам следует разобраться в том, что она означает. Прежде всего, вспомним, что в четвертом аспекте *правила сталкера* утверждается: *вступив в битву, воин полностью отдается своим действиям, позволяя своему духу течь легко и свободно; только при этом силы предназначения направляют воина, прокладывая перед ним путь.*

Вступление в битву, даже если это сражение с другим человеком, совсем не означает, будто воин сражается с этим человеком как с личностью, — скорее, это битва за разгадку тайны его собственного бытия. Эта мысль очень важна по двум причинам. Во-первых, с кем или с чем бы ни сражался воин, для самого воина этот противник — не угнетатель, но лишь зеркало его собственных, кроющихся внутри непознанных черт. Во-вторых, поскольку из *второго постулата сталкинга* воин знает, что ему никогда не стоит надеяться разгадать эту тайну, он не одержим мыслью о победе и потому может полностью расслабиться в ходе битвы. Впрочем, эти две причины не следует воспринимать поверхностно, и потому их необходимо рассмотреть несколько подробнее.

В отношении первой причины необходимо осознавать, что при выборе своей битвы воин никогда не выбирает те сражения, в которых не сможет ничему научиться, так как подобное действие оказалось бы пустой тратой времени и *личной силы*. Воин сражается только в тех битвах, которые приносят ему более глубокое понимание загадочности собственного бытия. Существует огромная разница между настоящей битвой и тем, что называют *умением различать*. Этот принцип также относится к числу тех, которые ученики часто воспринимают весьма сумбурно; в результате они превращают то испытание, какое можно преодолеть простейшим применением *умения различать*, в нечто похожее на битву, а точнее — на потасовку в темноте. С другой стороны, они могут отмахнуться от подлинной битвы как от мелкой неприятности.

Эти соображения вновь возвращают нас к принципу зеркал и к тому, что все окружающие, любое событие жизни и, если уж на то пошло, даже неодушевленные предметы отражают в себе некоторые стороны внутренних непознанных черт самого человека. К примеру, если он пытается выкопать камень в своем саду, но тот даже не сдвигается с места, можно даже не сомневаться в том, что человек столкнулся с отражением собственного упорства, так как в жизни он может быть не менее упрямым, чем скалы Гибралтара. Сходным образом, если человек едет в машине, а у той вдруг начинает капризничать зажигание, то сам человек почти наверняка пребывает в этот момент в беспорядочном состоянии осознания. Аналогично, если он только что получил выговор от начальника и при выходе из кабинета сквозняк громко захлопнул за ним дверь, человек должен учесть, что его собственные побуждения вполне могут привести к тому, что его уволят.

Когда воин сталкивается с таким испытанием, которое, как ему без тени сомнений известно, не может его ничему научить, он понимает, что само испытание кроется не в битве, а в развитии *умения различать*. Пусть, к примеру, человек пытается выкопать камень в своем саду, но, как глубоко он ни копает, с какой силой ни налегает на рычаг, камень не трогается с места. Если в данном случае человек совершенно уверен в том, что хотя он действительно был упрямым прежде, но уже на все сто процентов превратил это упрямство в преимущество, то он может не сомневаться в том, что очередное испытание, представшее перед ним в облике этого непреклонного камня, заключается в развитии *умения различать*. Быть может, есть некая

незамеченная человеком причина, по которой этот камень не следует сдвигать с места. Не исключено, что в жизни человека существует что-то такое, что тоже ни в коем случае нельзя изменять, и камень просто символизирует это. Так или иначе, все сводится к способности принимать решения на основе *умения различать*, а это не означает необходимость вступать в битву в полном смысле слова. Таким образом, штурм камня всеми доступными средствами оказался бы полной тратой времени и *личной силы*.

Если говорить о тех людях, с которыми нас связывает жизнь, *то умение различать* часто влечет за собой необходимость выбора между компромиссом с самим собой во имя сохранения прежних зеркал и выхода из сферы влияния этих людей в той или иной форме. Когда человек сталкивается с таким испытанием, битва действительно возможна, так как может оказаться, что освободить свою жизнь от какого-либо человека не так уж просто. Однако следует понимать, что даже в подобном случае битва не означает сражение с конкретным зеркалом и носит характер борьбы за *умением мудро различать*.

В действительности человек не может вести битву с самим собой, пусть даже временами ему приходится вступать в настоящие сражения за практическое воплощение того, что, как ему известно, он обязан сделать. Человек может сражаться только с противником — независимо от того, является он другим человеком, животным, неодушевленным предметом или самой *силой*. Более того, как уже известно, единственной допустимой причиной начала битвы с любым противником является условие, что сражение с этим противником позволит человеку узнать о самом себе нечто такое, чего он не знал раньше. Таким образом, признаком того, предстоит ли человеку битва или это просто упражнение по развитию *умения различать*, становится ответ на простой вопрос: «Что отражается в этом зеркале?» Если это устаревшее зеркало, то предстоит развивать *умение различать*. Если это зеркало отражает текущее поведение, нужно готовиться к битве. Если в нем отражается потенциальное поведение в будущем, это только предупреждение о грядущем сражении.

Необходимость отсутствия одержимости победой представляет собой еще одну тему, приносящую много излишних неприятностей ученикам. Основной причиной этого является социальная обусловленность: даже если ученик провел свою битву *безупречно*, но потерпел поражение, его неизбежно охватывает ощущение неудачи или, хуже того, смущение и даже стыд за этот провал. Однако подобное *индуглирование* представляет собой худшую форму *чувства собственной важности*, так как показывает полное неведение. В поражении нет ничего позорного, ведь даже неудачи приносят опыт, а опыт всегда ведет к знаниям. Разве знания постыдны? Даже если человек проиграл сражение вследствие отсутствия *безупречности*, полученный опыт по-прежнему означает знания, за которые была заплачена соответствующая цена; так или иначе, в этом нет никаких причин для чувства смущения или стыда. Именно по этой причине Толтеки утверждают, что поражений вообще не существует. Худшее, что может случиться в любом случае так называемого поражения, сводится к тому, что *чувство собственной важности* ученика испытает изрядное потрясение — но именно это Нагваль обычно считает чрезвычайно забавным; он начнет скорее аплодировать, чем рыдать! В результате те ученики, которые после неудач пытаются добиться от Нагваля сочувствия, обычно отступают от него с возмущением, так как им не удастся выжать из наставника ничего, кроме громкого хохота.

Вполне уместно ненадолго отклониться от основной темы, чтобы отметить, что именно может вызывать у воина подлинный стыд. Воин вправе ощутить стыд лишь в том случае, если он умышленно и намеренно потворствует поведению, которое, как ему прекрасно известно, является *небезупречным*. Впрочем, среди миллионов *небезупречных* поступков существует несколько таких, которые Воины Свободы считают *ненарушаемыми табу*: во-первых,

злоупотребления *силой*, во-вторых, пренебрежение взаимозависимостью всего живого в корыстных целях и, в-третьих, оскорбление Верховной Матери путем пренебрежения *разумным сотрудничеством*. Воины Свободы считают эти три главных проступка полностью противоречащими самой свободе, и любой воин, нарушивший эти заповеди на любой стадии жизни, быстро окажется перед острием меча настоящего воина; помимо прочего, такие преступники обычно изгоняются из братства. Кроме того, если этот воин имеет доступ к мысленной связи, она, разумеется, прерывается; он становится изгоем, а последствия этого оказываются, мягко говоря, суровыми.

Вернемся к обсуждаемой теме. Именно глубинные следствия второй причины и станут центром нашего внимания при разговоре о текущем разделе учений. Избавившись от одержимости победой, воин может целиком отдаться протекающей битве.

Прежде всего следует поговорить о подлинном смысле слова «раскованность». Обычно это означает *отсутствие жесткого контроля*, и такое определение почти соответствует представлениям Толтеков. Важно, однако, отметить, что с точки зрения Толтеков раскованность не означает, что человек становится небрежным и безрассудным или теряет контроль над собой в том смысле, что становится беспомощным. Напротив, контроль воина всегда безупречен. По этой причине необходимо подробнее поговорить о том, что значит раскованность воина.

Под этим понятием Толтеки подразумевают то, что воин полностью погружается в текущую битву. Такое погружение не может означать ни полной поглощенности, ни одержимости, ни навязчивой приверженности. Полностью погрузиться в текущую битву и одновременно оставаться бдительным, бесстрашным, исполненным уважения и совершенно уверенным в себе — все это требует, чтобы воин полностью перешел к тому состоянию осознания, в котором он пребывает в единении со всем окружающим. Это состояние осознания не может быть достигнуто в рамках обычного сознания, которому неизменно присуще разделенное восприятие *себя и окружающего мира*. Таким образом, интересующее нас состояние осознания относится к левой стороне.

Невнимательные ученики часто упускают из виду, что при переходе к осознанию левой стороны обычное осознание останавливается, а воин во всех отношениях временно становится «ненормальным». Хотя способность переходить к осознанию левой стороны по собственной воле приносит огромные преимущества, этот тип осознания мало помогает при необходимости иметь дело с практическими вопросами жизни на физическом плане и, без сомнений, совершенно непрактичен во время битвы. В результате несмотря на то, что настоящий воин умеет по собственному желанию переходить к осознанию левой стороны и покидать ее, он предпочитает действовать в первую очередь на уровне обычного осознания — по той простой причине, что воин представляет собой прежде всего практичное существо. Воин переходит к осознанию левой стороны только тогда, когда ему предстоит совершить акт *сновидения* или вступить в битву. Что же происходит, если воин переходит к осознанию левой стороны перед началом битвы? Само ведение сражения представляет собой чрезвычайно практичное занятие, которое весьма отличается от сугубо личной практики *сновидения*.

Важно вспомнить, что осознание левой стороны относится к непознанному, а непознанное являет собой ту беспредельность, в которой человек рискует «зайти слишком далеко», то есть стать беспомощным при столкновении с совершенно незнакомыми и неизвестными испытаниями. В этом заключается и польза, и опасность непознанного и, следовательно, осознания левой стороны. Иными словами, бездумно прыгнуть в непознанное — мягко говоря, попросту глупо; и поскольку контроль воина в любой миг безупречен, ему никогда не придет в голову поступить таким образом.

По этой причине, легко понять, что, когда воин переходит к осознанию левой стороны

перед началом битвы, он сам выбирает, в какой участок непознанного перенести свое осознание, так как не может позволить себе оказаться там, где быстро обнаружит, что, так сказать, «зашел слишком далеко». Для хорошо подготовленного и опытного воина в непознанном существует огромное множество таких участков, с которыми он хорошо знаком. И все же при необходимости вступить в битву все настоящие воины предпочитают одно особое положение *точки сборки*. Это особое положение называют *местом без жалости*, а причиной того, что воины предпочитают именно эту позицию, являются те ее свойства, которые наиболее пригодны для ведения битвы.

Место без жалости представляет собой совсем не то, что можно предположить, исходя из его названия, хотя в определенном смысле такое понятие чрезвычайно подходит этой особенной настройке восприятия. Основная причина того, что воины любят использовать это положение при проведении сражений, заключается в том, что в *месте без жалости* ощущение всеохватности становится настолько сильным и острым, что человек целиком погружается во взаимозависимость, взаимодействие и взаимосвязанность всего живого. Более того, поскольку эта настройка относится к глубинам левой стороны, ей присуще полное отсутствие мышления; в результате вместо линейного и последовательного восприятия событий вам кажется, что все происходит одновременно — таким образом, что невозможно с уверенностью указать, где прошлое, настоящее или будущее.

С точки зрения обычного осознания этот принцип всегда кажется состоянием полного хаоса; мне проще всего пояснить его, прибегнув к старинной аналогии, согласно которой *место без жалости* сравнивается с особой формой пустоты. Толтеки уподобляли *место без жалости* пустоте, поскольку ему присуще странное свойство кажущейся изоляции события, на котором сосредоточивается воин, и при этом он не осознает ничего, кроме самых мельчайших подробностей, свойственных рассматриваемому событию. Благодаря отсутствию мышления, *место без жалости* обладает свойством полной тишины, в которой понятие времени лишается смысла. В результате человек оказывается зависшим в пустоте безмолвия и вневременности, где не остается ничего, кроме подробностей текущей битвы.

Поскольку в этом состоянии нет осознания времени в линейном смысле, воин воспринимает все вокруг исключительно в категориях взаимосвязанности; таким образом, ощущение времени начинает определяться сугубо скоростью восприятия воина. Иными словами, если воин быстро усваивает взаимозависимость всего вокруг, ему кажется, что все происходит быстро; если же его восприятие медленно, все выглядит затянутым во времени. Преимуществом такого странного изменения ощущения времени становится то, что воин имеет возможность по собственной воле выбирать, с какой скоростью будут развиваться события. К примеру, если противник совершает на воина физическое нападение, воин может предпочесть рассматривать движения противника в замедленной скорости и таким образом выиграть достаточно времени для ответного удара. Та же тактика может использоваться для оценки умственных и эмоциональных поступков соперника. Необходимо, однако, осознавать, что все эти правила применимы только к *месту без жалости*, которое, как следует помнить, представляет собой особое состояние осознания; это означает, что с точки зрения того, кто наблюдает за действиями воина на протяжении битвы, все события будут развиваться во времени вполне обычно.

Огромным преимуществом, которое приносит переход к *месту без жалости*, является то, что, хотя в левой стороне обычное осознание приостанавливается, воин, тем не менее, подвергается таким сильным вибрациям всеохватности, что как бы достигает невероятно высокого уровня *трезвости* — хотя эта особая настройка чрезвычайно отличается от подлинной *трезвости*. Оказавшись в буквальном смысле слова подвергнутым прямому воздействию

ощущения взаимосвязанности всего живого, но в то же время лишившись рационального ума, воин не воспринимает самого себя как нечто отличное от всего окружающего. Он становится единым со всем вокруг, включая своего противника, и в результате чувствует каждое движение соперника как свое собственное. Это значит, что, если в этот момент противник пребывает на уровне обычного осознания, то воин сольется с его мыслями, чувствами и эмоциями.

Полезьа всего этого заключается в том, что воин не замечает ничего, что не относится к текущей битве. Он не подвержен никаким мыслям и эмоциям, то есть просто течет вслед за движениями противника только с той целью, чтобы одержать победу над ним. Воин, ведущий свою битву из *места без жалости*, становится совершенно безжалостным существом, и все же, лишаясь мыслей и эмоций, он никогда не откликается на происходящее гневом, ненавистью, жаждой мести, неприязнью и любыми другими формами эмоций или дурными намерениями, вызванными предубеждением или ошибочным мышлением. Именно по этой причине подчеркивается, что, несмотря на полную безжалостность, *место без жалости* является совсем не таким, каким его может представлять человек в силу своей социальной обусловленности.

Вот что значит раскованность воина. Оказавшись в *месте без жалости*, лишившись всех мыслей и эмоций и одновременно пребывая в полном единении со всем, что вовлечено в текущую битву, воин не испытывает необходимости или стремления контролировать все вокруг, так как ему достаточно самого чувства единства. Однако, хотя воин переживает ощущение пребывания в пустоте, присущее *месту без жалости*, глубочайшее ощущение всеохватности удерживает его в тесной связи не только с мельчайшими подробностями этой пустоты, но и с более широкими следствиями его битвы, протекающей за рамками пустоты. Иными словами, хотя воин полностью погружается в текущую битву и становится единым с ней, он по-прежнему остается бдительным в самом глубоком смысле этого слова.

Подлинный смысл понятия «раскованность» заключается в отсутствии чувства потребности всем управлять; тот же смысл имеют и слова «*позволяет своему духу течь легко и свободно*» — быть свободным от необходимости контролировать и освободиться от бремени мыслей и эмоций, то есть не перегружаться их воздействием. Более того, благодаря глубокому ощущению всеохватности воин пребывает в тесной связи со своей судьбой и, следовательно, с предназначением своего *сновидящего*, так как на этом уровне осознания воин воспринимает все вокруг с точки зрения поступательного развития своей судьбы. В результате этого воин волея-неволей воспринимает и переживает свою битву только в понятиях того, чего именно она позволит ему достичь в отношении собственной судьбы. Независимо от исхода сражения воин всегда завершает его, узнав много нового о самом себе и своей судьбе. Это означает, что он одерживает победу в своей подлинной битве, так как разгадал новый фрагмент тайны собственного бытия — пусть даже с точки зрения самого сражения он мог и проиграть, то есть не одержать верх над своим противником. Именно в этом заключается смысл слов «воин способен победить несмотря на поражение в битве».

Поскольку в этом положении воин тесно связан с предназначением своего *сновидящего*, та *сила*, которая направляет воина в его битве, в действительности представляет собой силу предназначения, так как в то время, когда воин действует из *места без жалости*, у него не возникает никаких препятствующих мыслей и эмоций.

Разговор о *месте без жалости* проходил по большей части с точки зрения физических действий, однако настоящим воинам очень редко приходится сражаться в физических битвах. Пример о *месте без жалости* дан с физической точки зрения лишь потому, что в этом случае легче понять его природу и принципы использования. В большинстве случаев воину приходится вести нефизические битвы, но и в них он пользуется *местом без жалости* в точности так же, как и в физических сражениях. Единственная разница заключается в том, что при использовании

места без жалостив нефизическом сражении воину необходимо оставаться в нем до тех пор, пока он не выявит все предстоящие действия противника и его намерения. Разумеется, воин способен вновь переноситься в *место без жалости*, когда бы в этом ни возникла нужда, хотя даже нескольких секунд пребывания в этом месте обычно достаточно для того, чтобы выяснить все необходимое, ведь в *месте без жалостив* времени не существует.

У воина нет настоящей необходимости оставаться в *месте без жалостив* при проведении нефизических сражений, так как пребывание в этом месте имеет один серьезный недостаток. Он возникает по той причине, что левая сторона вообще и *место без жалостив* особенности исключают линейное восприятие времени и, следовательно, невероятно затрудняют логику последовательности событий, необходимую для связной речи. В результате *место без жалостив* способствует словесному выражению. Разумеется, этот недостаток не очень важен при сражении в физической битве, но в случаях нефизических битв он может превратиться в настоящую проблему — особенно тогда, когда воину приходится оставаться в *месте без жалостив* довольно долгое время.

Пытаясь преодолеть этот недостаток, Толтеки со временем выяснили, что в *место без жалостив* можно переноситься с различными уровнями *интенсивности*. Таким образом, опытный воин может либо полностью отождествить себя с той настройкой, которая отмечает *место без жалостив*, либо просто очень легко «коснуться» этой настройки. Естественно, описанные возможности представляют собой две крайности, а между ними существует целый спектр доступных воину разнообразных форм взаимодействия. Если воин просто слегка «касается» *места без жалостив*, он может пользоваться свойствами этой настройки, одновременно сохраняя большую часть обычного осознания, и тогда его речь не подвергнется нарушениям — при этом воин, конечно же, не сможет в полной мере воспользоваться преимуществом отсутствия мышления и эмоций. С другой стороны, если воин полностью перейдет к этой настройке, его речевые способности временно нарушатся; это не означает, что он полностью потеряет дар речи, — просто сможет изъясняться только краткими приказами или утверждениями. При попытках ведения бесед речь воина, погружившегося в левую сторону, становится почти бессвязной, поскольку, как уже отмечалось, левая сторона лишена логики и последовательности, вызываемых линейным восприятием времени. Можно добавить, что при этом разительно меняется даже голос воина: обычно он становится низким и резким, а при полном переходе к *месту без жалостив* звучит ровно и бесстрастно.

Необходимо отметить, что в действительности существует две позиции *места без жалостив*: та, о которой говорилось выше и которая относится к левой стороне, и еще одна, размещенная в сфере обычного осознания. Лично я предпочитаю называть вторую настройку *местом жестокости*. Настоящий воин никогда не станет погружаться в эту настройку, так как она олицетворяет именно то, что отражает использованное мною название, — жестокость. Будучи полной противоположностью своего двойника, второе место вовсе не исключает мышление и эмоции, но, напротив, может быть достигнуто только при полном отсутствии уважения к жизни или при помощи таких сильных эмоций, как ненависть, жажда мести или дурные намерения, которые вызваны желанием заставить другое существо страдать. Мне совершенно не хочется подробнее рассказывать о *месте жестокости*, поскольку, с точки зрения Воинов Свободы, умышленная настройка на это место представляет собой самый презираемый поступок, так как он отражает намеренное стремление причинять страдания другим. Я упоминаю о нем только для того, чтобы читатель мог ясно понять огромную разницу между *местом без жалостив* и *местом жестокости*.

Читателю будет интересно узнать, что огромное множество обычных людей хотя бы однажды в жизни непроизвольно оказывались в *месте без жалостив*. Это случается довольно

часто: внезапные и ужасные несчастные случаи заставляют человека неосознанно сместить точку сборки в место без жалости, и в результате такой человек начинает действовать с захватывающей скоростью и обычно становится героем. Однако, когда впоследствии ему задают какие-либо вопросы, он ведет себя довольно застенчиво и признается, что на самом деле совершенно не понимает, что произошло; он может сообщить, что неожиданно начал воспринимать все вокруг в замедленном темпе и начал действовать безо всяких мыслей и чувств.

Для того, кто еще не способен видеть, умение переноситься в место без жалости представляет собой неплохой заменитель этой способности, хотя в действительности не может служить полноценной заменой видению.

Рассмотрев следствия из четвертого аспекта правила stalkера, нам необходимо поговорить о его применении к контексту первого постулата stalkinga. Я обязан предупредить читателя о том, что мастерство виртуозного stalkера заключается в его умении применять любой аспект правила stalkера к контексту каждого из четырех постулатов stalkinga. Проявления каждого аспекта правила stalkера порождает различные последствия, зависящие от того контекста, к которому этот аспект применялся.

Немного отклонимся от темы, чтобы познакомиться с тем, что называют пятью стихиями Единой Силы. По традиции эти стихии называют землей, огнем, водой, воздухом и духом; благодаря современной эзотерической и научно-фантастической литературе широко известно, что так называемые волшебники творят чудеса, манипулируя одной из стихий или их сочетаниями. Это сказки, породившие множество суеверий.

Четыре основные стихии представляют собой лишь символические отражения четырех атрибутов воина, то есть нечто вроде стенографической записи, которая для опытного воина превращается в целые тома знаний, если ученик уже прошел необходимую подготовку и познакомился с содержанием этих символов. Воздух символизирует трезвость, земля — устойчивость, вода — сердечность ^[3], огонь — чувство, а дух — чистое намерение (рис. 5). Для большинства действий требуется только одна стихия, но некоторые поступки связаны с их сочетаниями. К примеру, для умения различать необходим только воздух. С другой стороны, когда спортсмен готовится к забегу, ему требуются и земля и дух. Сходным образом, если воин собирается исцелить другого человека, то, в зависимости от характера болезни, ему могут понадобиться различные сочетания воздуха, воды и духа, а иногда и сочетание всех пяти стихий.

ПЯТЬ СТИХИЙ ЕДИНОЙ СИЛЫ И ЧЕТЫРЕ АТТРИБУТА ВОИНА

СТИХИЯ / А ТТРИБУТ / СТОРОНА СВЕТА

ВОЗДУХ / Трезвость / Восток

ЗЕМЛЯ / Устойчивость / Север

ОГОНЬ / Чувствование / Запад

ВОДА / Сердечность / Юг

ДУХ / Намерение / Пронизывает все

Пять стихий обладают четырьмя различными свойствами, связанными с четырьмя основными измерениями МЭПВ (Материя, Энергия, Пространство, Время), о которых рассказывалось в «Крике Орла»; эти четыре свойства поясняются четырьмя постулатами stalkinga (рис. 6). К примеру, в рамках времени трезвость имеет совершенно иное качество, чем в измерении энергии. Таким образом, хотя стихий всего пять, каждая из них способна обретать особые свойства в зависимости от того, в каком измерении она проявляется, то есть в каком постулате stalkinga действует. То же самое справедливо и в отношении семи аспектов правила stalkера, так как эти аспекты лишь играют роль необходимых подробностей, позволяющих выявить глубинные следствия четырех атрибутов воина. Иными словами, правило

сталкера применимо к любому из *четырёх атрибутов воина*, и в каждом таком случае семь аспектов *правила сталкера* выявляют семь различных характеристик соответствующего атрибута. В конечном итоге существует только одно правило, имеющее семь граней.

В одном томе просто невозможно рассмотреть все тонкости, присущие *четырем постулатам сталкинга* и *правилу сталкера*. В связи с этим я лишь кратко упоминаю о тех подробностях, которые в настоящее время либо вызывают излишнюю путаницу, либо могут привлечь чрезмерное внимание и в результате стать причиной роста суеверий из-за недостатка у человечества необходимых знаний.

Вернемся к основной теме. Первый постулат сталкинга связан с трезвостью в контексте измерения времени. «Если воин хочет победить — хотя он рискует и оказаться побежденным, — он должен смещать свой фокус, применяя четвертый аспект правила сталкера в контексте первого постулата сталкинга». Итак, четвертый аспект правила сталкера следует применять в контексте того свойства трезвости, которое проявляется в рамках времени. Посмотрим, что это означает.

Трезвость в контексте *времени* подразумевает тот уровень *трезвости*, на котором все происходящее видится в его логической последовательности, то есть в линейном развитии в процессе течения времени. Иными словами, в жизни человека происходит некое событие, которое порождает ряд расходящихся кругов, а каждый из этих кругов, в свою очередь, вызывает к появлению новые расходящиеся круги. Нужно помнить о необходимости даже во время битвы принимать во внимание всю цепочку событий, ведущую к текущему мгновению битвы, а также тот факт, что результаты сражения уже начали порождать новую цепочку событий. Любая битва должна опираться на трезвое размышление, а не становиться беспорядочным *откликом*, основанным на разнузданных эмоциях или импульсивном мышлении.

Это приводит нас к тому принципу, который Толтеки называют *выдержкой*, хотя они вкладывают в это понятие совсем иное значение, чем обычные люди, так как вовсе не имеют в виду, что снисходительный воин непременно превращается в «безвольную тряпку». Напротив, выдержка требует значительного уровня подлинного *терпения* и *устойчивости*; ничто не развивает *намерение* быстрее и действеннее, чем воспитание выдержки. В этом и заключается тот смысл, какой вкладывают в это слово Толтеки: *снисходительность представляет собой проявление устойчивости, во время которого воин укрощает свое терпение до такого уровня, пока оно не становится подобным хорошо натянутому луку, являющему собой саму легкость, но в то же время обладающему смертельно опасным внутренним напряжением*.

Воин вовсе не считает терпением то, что называют этим словом обычные люди, так как так называемое терпение в обыденном смысле представляет собой лишь бездеятельную покорность необходимости ждать, которая навязывается либо другим человеком, либо обстоятельствами жизни. С другой стороны, *терпение воина* является не бездеятельным покорным ожиданием, а осознанным и преднамеренным выжиданием подходящего момента — это действие предпринимается по воле самого воина и не навязывается ему внешними обстоятельствами.

Причиной необходимости для воина воспитывать выдержку являются цели *сталкинга* не только его жертвы, но и собственного восприятия текущих обстоятельств. Развивая выдержку, воин получает возможность и, прежде всего, обретает достаточную отстраненность для полной и тщательной оценки текущей ситуации в самом разгаре действий и сражения. Этот принцип имеет огромную важность, и ни ученик, ни читатель не должны относиться к нему поверхностно. В связи с этим читателю рекомендуется вновь освежить в памяти тот пример из «Возвращения воинов», где говорилось о солдате, пытающемся спасти свою жизнь во время перехода через минное поле, так как все учения, излагавшиеся при обсуждении этого примера, имеют непосредственное отношение к текущей теме.

Не испытывая одержимости в связи с победой или поражением в своей битве, воин вступает в нее без неистовства, свойственного обычному человеку, единственное желание которого — поскорее победить. Воину, который воспитывает выдержку, нет нужды спешить, так как на протяжении битвы время не имеет для него никакого значения. Вместо этого воин смакует каждый миг сражения, и в этой полноте оценки каждой доли секунды он воспринимает такое количество подробностей, а также их следствий, что любое мгновение становится для него вечностью

— вечностью, имеющей привкус вневременности, хотя воин действует в контексте времени. В результате он просто следует за каждым поступком и намерением своего противника в том действе, которое, как это ни парадоксально, напоминает не столько битву, сколько отточенные движения двух танцоров, исполняющих па-де-де, несущее в себе все признаки *разумного сотрудничества*. В конечном счете воин вступает в битву не из-за своей жажды мести или желания уничтожить противника, но только потому, что хочет получить у своего соперника те *дары силы*, которые тот способен ему дать. В этом кроется глубинный смысл двух следующих изречений.

ОХОТНИК БЛИЗКО ЗНАКОМ СО СВОИМ МИРОМ. ХОТЯ И ОСТАЕТСЯ ОТСТРАНЕННЫМ ОТ НЕГО.

ОХОТНИК НЕ ИСТОЩАЕТ СВОЙ МИР — ОН БЕРЕТ ОТ НЕГО ТОЛЬКО ТО, ЧТО ЕМУ ПО-НАСТОЯЩЕМУ НЕОБХОДИМО.

Развивая выдержку и, следовательно, не испытывая стремления поскорее закончить битву, воин использует свое терпение для воспитания *намерения*, которое, разумеется, совершенно необходимо для получения от битвы нужных ему *даров силы*. Благодаря тем сдерживающим факторам, которые воин, сохраняя терпение, умышленно накладывает на свои действия, его *намерение* начинает набирать силу и в результате приводит к движению и смещению его *точки сборки*. В свою очередь, это приносит ему такую настройку восприятия, которая позволяет воину с полной ясностью воспринимать не только события, что проявляются в процессе битвы, но и те подлинные *дары силы*, которые она ему несет. Вместо того чтобы закрепится на мыслях о победе или поражении, воин может вести себя раскованно и позволить силам предназначения направлять его действия. В этом и заключается истинный смысл *смещения фокуса*.

Благодаря той отстраненности, какую воин накопил при развитии выдержки, его действия приобретают «легкость», которой можно достичь только в отсутствие *интенсивности*. Однако, поскольку на протяжении битвы *намерение* воина неуклонно набирает силу, его действия становятся все более смертоносными — не только благодаря *намерению*, но и по той причине, что ясность, какой он добивается с каждой секундой, повышает точность каждого его поступка.

При использовании четвертого аспекта *правила сталкера* в контексте *первого постулата* необходимо лишь слегка прикасаться к *месту без жалости*. Как уже отмечалось, *полное отождествление с местом без жалости* останавливает время, но для того, чтобы битва протекала надлежащим образом, эта стихия совершенно необходима. Важно не только научиться переходить в *место без жалости*, но и научиться управлять взаимодействием с ним.

Выдержка применима не только в битве, — нередко она используется на практике еще до вступления в сражение. Однако, независимо от того, применяется она до или во время битвы, развитие выдержки неизменно приводит к одному результату. Основным преимуществом воспитания выдержки перед битвой является тот факт, что она позволяет воину разрабатывать свою стратегию предстоящего сражения быстрее и действеннее. Это особенно справедливо в тех случаях, когда человек имеет дело с мелким тираном.

Воин, который воспитывает выдержку при помощи применения четвертого аспекта *правила сталкера* в контексте *первого постулата сталкинга*, всегда завершает сражение, достигнув своей

цели, то есть получает от своего противника тот *дар силы*, который он намеревался завоевать прежде всего. Такой воин просто не может потерпеть поражение в подлинном смысле этого слова, хотя внешнему наблюдателю может показаться, что воин проиграл битву. Это легко заметить на примере Шона и Уиллиса: хотя на первый взгляд Шон потерпел поражение в битве с Уиллисом, *дар силы*, которым в результате завладел Шон, то есть те знания о самом себе и, в особенности, вновь обретенные уверенность в себе и самоуважение невозможно измерить категориями денежной выгоды. Шон не смог бы приобрести такой *дар силы* ни за какие деньги; ему не удалось бы добиться его, если бы он не вступил в эту битву, за которую он должен от всей души поблагодарить Уиллиса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРОЧЕСЫВАНИЕ ТЕНЕЙ

ДЛЯ ОПЫТНОГО ВОИНА ТЕНИ СТАНОВЯТСЯ СВЯЗЬЮ МЕЖДУ ПОЗНАННЫМ И НЕПОЗНАННЫМ — ПОДОБИЕМ ДВЕРЕЙ, БЛАГОДАРЯ КОТОРЫМ МОЖНО ВИДЕТЬ НЕПОЗНАННОЕ, ОСТАВАЯСЬ В РАМКАХ ПОЗНАННОГО.

Мы переходим к обсуждению пятого аспекта *правила сталкера*. Нам предстоит познакомиться с одним из тех странных и загадочных принципов Пути Воина, которые чрезвычайно редко правильно понимаются теми, кто не следует Пути Свободы. Маги называют этот принцип *пристальным созерцанием теней* и используют эту технику для перехода к измененным состояниям восприятия. Воины Свободы применяют этот метод несколько иным образом и именуют его *прочесыванием теней*.

Как и любой обычный человек, воин сталкивается в своей жизни с такими обстоятельствами, когда ему приходится выступать против значительно превосходящих сил; на первый взгляд кажется, что воин просто не может двигаться вперед и в прямом смысле слова оказался меж двух огней. Однако все подобные ситуации представляют собой лишь результат иллюзии, и эта иллюзия неизбежно приводит к тому, что воин оказывается зажатым рамками конкретного взгляда на мир. Это может прозвучать странно, так как читатель вспомнит, что у воина нет жесткого взгляда на мир, — как же он может оказаться в ловушке какого-либо мировоззрения? И все же не стоит забывать и о том, что, хотя воин действительно не имеет жесткого взгляда на мир, окружающие обычно оказываются полностью запутавшимися в своих собственных мировоззрениях, и потому при взаимодействии с этими людьми воину поневоле приходится принимать во внимание взгляды на мир своих собратьев.

Хотя воин свободен в своем выборе любого взгляда на мир, подходящего для его стратегии, встречаются такие битвы, которые требуют, чтобы воин пользовался тем же мировоззрением, что и его противник. Однако любой взгляд на мир имеет свои ограничения, которые способны затруднить действия даже воина, так как в тех случаях, когда ему приходится действовать только в рамках данного взгляда на мир, воин, разумеется, обязан ограничивать свои поступки навязанными этим мировоззрением рамками. Таким образом, несмотря на тот факт, что воин прекрасно осознает, что имеет дело с присущей любому взгляду на мир иллюзией, эти иллюзорные представления не всегда легко и просто преодолеть, одновременно оставаясь в контексте того мировоззрения, к которому они относятся.

Чтобы прояснить сказанное выше, вновь вернемся к примеру Шона и его брата Уиллиса. Вступая в битву с Уиллисом, Шон не имеет иного выбора, кроме необходимости принимать во внимание взгляд Уиллиса на мир. Шон просто не может начать свое сражение, не столкнувшись с братом в рамках мировоззрения Уиллиса. Это означает, что Шону нужно общаться с Уиллисом на его территории и приспособить свои внешние действия к требованиям мировоззрения брата. Любой другой подход привел бы лишь к тому, что Уиллис еще острее ощутил бы угрозу со стороны Шона и в результате стал бы более нервным, подозрительным, воинственным и недружелюбным, чем прежде. Очевидно, что, если Шон хочет «выиграть» свою битву с братом, ему совершенно необходимо *выслеживать* Уиллиса в условиях *сотрудничества*. В действительности Шон может добиться этого только одним способом — заставить Уиллиса поверить в то, что тот одолел Шона, после чего Шону придется играть свою роль в соответствии с параметрами, определенными взглядом Уиллиса на мир.

Хотя у воина нет жесткого взгляда на мир, при вступлении в битву он все же может на время оказаться в ловушке тесных рамок чужого мировоззрения. Для опытного воина подобная

ловушка станет лишь временной неприятностью, которой, однако, не всегда следует избегать. Таким образом, воин иногда по собственной воле, сознательно вступает в подобную западню, если такое действие способствует его стратегии и, в особенности, в тех случаях, когда его стратегия предусматривает необходимость усыпить противника ложным ощущением безопасности. Однако, если воин окажется в такой ловушке неожиданно, он немедленно прибегнет к практическому применению пятого аспекта *правила сталкера*, который гласит: *сталкиваясь с неравным противником, воин открывается окружающему миру и позволяет своему разуму заняться мелочами жизни.*

Воплощение на практике пятого аспекта *правила сталкера* обычно оказывается совершенно обманчивым тактическим приемом, так как у противника неизменно возникает впечатление, что он уже перехитрил воина. Как только воин «попадает в западню», он незамедлительно совершает самое неожиданное с точки зрения противника: прекращает всякое сопротивление. Разумеется, это только иллюзия, так как в действительности воин лишь временно приостанавливает битву, чтобы получить возможность тщательно оценить сложившиеся обстоятельства. Иными словами, на время отвлекаясь от прямого столкновения, воин заново оценивает и ситуацию, и свою тактику, чтобы добиться преимущества над противником. Вследствие этого он вовсе не терпит поражение, но, отклоняясь от борьбы, просто собирается с силами, чтобы неожиданно, в любой миг вновь перейти в нападение с еще большим запасом твердости и *силы*, чем прежде.

Когда воин временно отступает в результате столкновения лицом к лицу с превосходящими силами противника, он использует для отстранения от ситуации свое умение *различать*. Отстраняясь от ситуации, воин ни в коей мере не ослабляет свой контроль, но, напротив, усиливает его. Таким образом, по определению Толтеков, такое «отступление» вовсе не означает бегства — напротив, оно понимается в самом буквальном смысле слова, то есть как шаг назад и новое наступление с использованием иной тактики. Может показаться, что воин сдал позиции и опустил свой меч, но на самом деле он просто готовится предпринять другие, новые действия.

Это естественным образом переносит нас к более глубокому рассмотрению понятий *действие*, *ответное действие* и *отклик*. В словаре воина они не являются синонимами, поскольку каждое слово несет в себе особый смысл, хотя их содержания тесно взаимодействуют друг с другом.

ДЕЙСТВИЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ОТКЛИК ВОИНА НА ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЕГО СНОВИДЯЩЕГО. ТОГДА КАК ОТВЕТНОЕ ДЕЙСТВИЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВНЫМ СРЕДСТВОМ, КОТОРЫМ ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ПРИКОВЫВАЕТ СЕБЯ К ГЛУПОСТИ СВОИХ СОБРАТЬЕВ.

Действие предполагает применение чего-то нового и оригинального, будь то новый уровень восприятия, новые ощущения, эмоции и образ мышления, новый способ говорить, есть, вести дела или общаться с окружающими. Действие означает умение *жить в текущем мгновении*, следовательно, *танцевать на грани*. Таким образом, действие возможно лишь тогда, когда человек расстаётся со своим жестким взглядом на мир. Это сводится к пробуждению во сне и обретению контроля над содержанием этого сна. Воин, добившийся контроля над содержанием своего сна, одновременно получает *власть* над своей жизнью; в свою очередь, это значит, что он *безупречно* един с предназначением своего *сновидящего*. Воин *безупречно откликается* на предназначение своего *сновидящего*, постоянно предпринимая действия на физическом плане; поскольку любые его действия неизменно новы, каждое из них переносит его к новым сферам переживаний, а каждое новое переживание порождает новые измерения *силы*.

С другой стороны, *ответное действие*, как уже пояснялось во второй главе, представляет собой просто повторение собственной глупости, то есть нечто такое, что с точки зрения воина

является не только пустой тратой времени и *личной силы*, но и верным путем к продолжению жесткой прикованности к чужой глупости. Таким образом, если во время битвы воин совершает временное отступление, он не подчиняется ситуации, но предпринимает действие, ведущее его к новым знаниям.

Чтобы целиком и полностью уловить значимость этого принципа, необходимо осознать, что всякий раз, когда обычный человек сталкивается с тем, что кажется ему превосходящими силами, он либо пытается тем или иным путем избежать сложившихся обстоятельств, либо просто отдается на милость противника. Иными словами, обычный человек ошибочно полагает, что превосходящие силы в том или ином смысле означают его полное поражение и потому он должен подчиниться воле соперника независимо от того, является его противником другой человек или ряд жизненных обстоятельств. Однако повторение одной и той же ошибки означает повторное проявление собственной глупости.

Понимая, что столкновение с неравными силами представляет собой просто испытание, позволяющее исследовать непознанное, воин не покоряется поражению, даже если со стороны может показаться, что он уже проиграл битву. Вследствие этого воин использует сложившуюся в результате его мнимого поражения возможность для полной переоценки текущих обстоятельств с точки зрения того, что называют *прочесыванием теней*.

Прочесывание теней представляет собой действие, которое само по себе является упражнением выдержки, и в этом отношении его значение четко описано в предшествующей главе. Поскольку техника *прочесывания теней* возникает благодаря проявлению выдержки, то для правильного понимания этого принципа необходимо полностью осознать, что именно подразумевает это загадочное выражение, и по этой причине нам предстоит обсудить смысл понятия «.тень-».

Те наши братья, которые следуют Пути Великого Приключения, воспринимают слово «тень» буквально и используют технику *пристального созерцания* для непосредственной работы с достаточно причудливыми свойствами физических теней. Рациональное обоснование техники *пристального созерцания теней* заключается в том факте, что физические тени возникают в результате существования предметов, препятствующих естественным потокам и распространению света. Толтеки прошлого рассматривали это явление с точки зрения *сопротивления*. Иными словами, предмет отбрасывает тень по той причине, что он *отражает, поглощает и частично пропускает* падающие на его поверхность лучи света. Однако независимо от того, был свет отражен, поглощен или частично пропущен, то есть встречен с сопротивлением, справедливым остается тот факт, что свет не может пройти сквозь предмет и этот предмет препятствует свободному распространению света, что Толтеки считают *сопротивлением*.

Толтеки считают все существующее выражением жизни, а всем формам жизни в той или иной степени необходимы животворные свойства физического, солнечного света. Уже на ранних этапах своего поиска знаний *Толтеки-видящие* серьезно заинтересовались тем, почему *физические* формы жизни отражают, поглощают или частично сопротивляются свету. Пользуясь своей способностью *видеть* процесс жизни, Толтеки быстро поняли, что явление, которое называют *сопротивлением*, вызвано не столько *плотностью* предметов, сколько состоянием их осознанности, которая присуща всем уровням существования, включая даже те из них, которые, с научной точки зрения, неведущи; именно состояние осознанности порождает *плотность* образование пучков.

После этого открытия Толтекам не потребовалось много времени, чтобы сообразить, что *тени* действительно обладают определенными свойствами, непосредственно связанными с осознанием. Иными словами, будучи проявлением того или иного состояния осознания,

сопротивление может иметь различные уровни *интенсивности*, и эти степени интенсивности сопротивления определяют качество отдельной *тени*. Таким образом, хотя для обычного зрения все *тени* выглядят совершенно одинаковыми, опытный *видящий* способен выявлять различия в характеристиках *теней*. Эта особенность привела Толтеков к практике *пристального созерцания теней*, поскольку в конечном счете *тени* — не просто тени. При правильном истолковании умелых внутренних видений *тень* раскрывает богатые сведения о господствующем состоянии осознания того предмета, который эту *тень* отбрасывает, независимо от того, является этот предмет человеком, животным, растением или камнем.

Применяя технику *пристального созерцания теней*, маг может сдвигать и смещать свою точку сборки, используя в качестве проводника свойства *теней*. Однако эта техника целиком основана на *отождествлении* — чего Воины Свободы избегают, словно чумы, так как *отождествление* почти никогда не ведет к свободе. Несмотря на это, сейчас мне придется разъяснить эту технику — совсем не потому, что ученикам Пути Свободы рекомендуется *отождествление*, но лишь по той причине, что без знания техники *пристального созерцания теней* не удастся понять *прочесывание теней*.

Занимаясь *пристальным созерцанием теней*, практикующий выбирает любую *тень*, а затем «открывается» вибрационному качеству этой *тени*. Необходимость открыться чему-либо требует полного внутреннего безмолвия, и, разумеется, это возможно только при отсутствии *внутреннего диалога*, который, как следует помнить, играет роль щита, отгораживающего человека от внешнего мира. Когда достигнуто такое состояние внутреннего безмолвия, то есть человек избавляется от отделяющего щита, ему довольно легко перейти в состояние *полного отождествления* с тем, на чем он сосредоточивается. Если человек сосредоточился, к примеру, на *тени* какого-либо дерева, он вскоре начнет *отождествляться* с качеством, *присущим* этой *тени*. Продолжительное *отождествление* с этим качеством рано или поздно заставляет точку сборки либо сдвигаться, либо смещаться, так как это необходимо для полной настройки на соответствующее качество. Такая настройка окажется измененным состоянием восприятия, позволяющим человеку ощутить ту часть осознания дерева, которая порождает его сопротивление.

Читатель, без сомнения, обратит пристальное внимание на то, что было сказано в отношении настройки на осознанность дерева. Отметим, что такая настройка целиком опирается на *отождествление*, которому недостает объективности, так как любое *отождествление* лишено *трезвости* потому представляет собой полную противоположность *отстраненности*. Человек настраивается не на полное осознание дерева, но лишь на ту его часть, которая порождает *сопротивление*.

Вспомним о том, что *десять точек человека* перемежаются и соединяются двадцатью двумя аспектами осознания, именуемыми *самоцветами*. Однако помимо этих двадцати двух *самоцветов*, которые называют *самоцветами света*, или просто *светлыми самоцветами*, существует еще одиннадцать *темных самоцветов*, названных так, потому что всем им свойственно отражать, поглощать и частично пропускать свет. Хотя не все *темные самоцветы* обладают свойством сопротивления, нас интересует тот из них, который так и называется: *сопротивление*, поскольку этот *темный самоцвет* в определенном смысле представляет собой само воплощение сопротивления.

Почти невозможно пояснить сущность *темных самоцветов* до знакомства и полного понимания *светлых самоцветов*. По этой причине достаточно будет сказать, что *темные самоцветы* являются *присущими* осознанию характеристиками, и потому их не следует смешивать с такими принципами, как зло или то, что можно было бы назвать *силами тьмы*. *Темные самоцветы* — обширная часть *непознанного*, но они представляют собой такие

обманчивые и неуловимые оттенки *непознанного*, что возникает впечатление, будто они противятся поглощению светом *познанного*. Таким образом, под *темными самоцветами* понимается то, что относится к *темной стороне* осознания, хотя темная сторона осознания не имеет ничего общего с тем, что называют *силами тьмы*.

В связи с этим полезно будет слегка отклониться от основной темы, чтобы поговорить о том, что многие люди считают злом, *дьяволами Сатаной*. С точки зрения Толтеков, подобные концепции вообще лишены смысла, так как Толтекам прекрасно известно, что в проявленной вселенной все имеет определенное предназначение. Поскольку все предназначения с неизбежностью достигают своего исполнения в форме развития осознания, ни одно из них не может считаться злым. И все же, как прекрасно сказано в старой пословице, «Во всем непонятном кроется дьявол».

Единственной причиной того, что невежественный человек взирает на поступки других как на чистое зло или считает их источником дьявола или самого Сатаны, является тот факт, что все кажущиеся дурными поступки неизбежно восходят к неправильному использованию одного из одиннадцати *темных самоцветов*. Если человек не понимает, чем являются эти *самоцветы* на самом деле, он просто не в состоянии обращаться с ними *безупречно*, а последствия неумелого обращения с этими *самоцветами* неизменно проявляются разрушительным или дьявольским образом. Поскольку обычные люди по привычке предпочитают играть во взаимные обвинения, а не нести ответственность за свои поступки, Сатана, или дьявол, становится для них чрезвычайно удобным козлом отпущения; в результате этого люди с большой охотой обвиняют во всем бесов или Сатану. На самом же деле таких созданий, как Сатана, просто не существует, так как в конечном счете дьявол представляет собой лишь олицетворение отсутствия у человека *безупречности*, причиной которого становится неведение в отношении собственной темной стороны.

Однако наиболее ироничной особенностью общей концепции Сатаны является тот факт, что обычные люди вовсе не относятся к поступкам своих ближних как к зеркальным отражениям их собственного поведения. В результате немалая часть людей полностью погружена в выявление последователей Сатаны среди окружающих; эти люди не отдают себе отчета в том, что те черты других, которые они считают дурными или злобными, в Действительности представляют собой только отражения их собственного поведения в прошлом и настоящем или в потенциально возможном будущем. И все же, со всей страстностью предаваясь игре во взаимные обвинения и стремительно осуждая своих ближних как дурных людей, обычный человек извечно пытается отделить себя от тех, кого он считает злыми, и в этом процессе непрерывно строит планы о гибели, крахе и уничтожении Сатаны и его приверженцев. Подлинная ирония кроется в том факте, что слово «сатана» буквально означает «заговор» или «козни против кого-либо». Таким образом, настоящими сатанистами являются те заблудшие души, которые настолько отделены от внешнего мира своим ложным ощущением святости, что непрестанно горят желанием наказать любого человека, чьи взгляды не совпадают с их собственными. Такое нелепое положение дел можно сравнить с выстрелом в собственную ногу, поскольку именно те, кто верит в дьявола или Сатану, как раз и оказываются самыми ревностными сатанистами!

Такие рассуждения неизменно вызывают вопрос: «Значит ли все это, что зла вообще не существует?» Ответ очень прост, но в то же время его трудно выразить в нескольких словах. Достаточно будет сказать, что единственным настоящим злом на свете является *грех отделенности*, и потому любое действие или ответное действие, основанное на неведении в отношении взаимосвязанности всего живого, следует считать потенциальным злом. Обратите внимание на то, что я назвал это зло «потенциальным», так как не все проявления

разделенности непременно оказываются злом. Умение различать, без сомнений, тоже связано с разделенностью, и все же при отсутствии такого умения осознанность просто не смогла бы развиваться. Только побуждение к поиску отличий делает применение умения различать «добрым» или «дурным». Иными словами, если человек упражняется в этом умении, чтобы добиться ясности в каком-либо вопросе, это действие является «хорошим»; с другой стороны, если он предвзято различает людей по их расовой принадлежности, цвету кожи, культуре, вероисповеданию и прочим подобным признакам, то делает это лишь потому, что стремится к отделенности, и такое различение можно по праву называть «дурным».

Другой часто задаваемый вопрос связан с тем, кого в Христианской Церкви называют Люцифером, падшим ангелом. Хотя на текущем этапе изложения учений такой вопрос вполне правомерен, на него почти невозможно дать удовлетворительный ответ, если спрашивающий не обладает глубокими познаниями в области космологии, иначе этот вопрос становится похожим на обращенную к математику просьбу рассказать о дифференциальном исчислении, хотя тот, кто об этом просит, еще не знаком с основами алгебры. Таким образом, я могу в лучшем случае попытаться объяснить, что Люцифер представляет собой не некое создание, но, скорее, коллективное сознание целого сонма древних существ, относящихся к неорганической ветви жизни. Кроме того, ученик Пути Воина не должен допускать ошибки и верить в то, что Люцифер является воплощением зла. Хотя в определенном смысле это правильно, сами Толтеки не считают Люцифера чем-то более плохим, чем неразвитый потенциал любого человека. Мы вновь столкнулись с тем, что «во всем непонятном кроется дьявол». Имя «Люцифер» означает «несущий свет», и его смысл трудно связать со злом. В настоящий момент я просто не могу сказать ничего больше и в завершение просто приведу одно изречение — те, у кого есть глаза, смогут извлечь из него один-два намека на подлинную природу и предназначение Люцифера. В НАЧАЛЕ ЗАРОЖДЕНИЯ ЭТОЙ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ ДУХ АТЛЯ ВОПЛОТИЛСЯ И ПРИНЯЛ ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЛИК ВСЕХ ОСКОЛКОВ СОЛНЦА. ОСКОЛКИ СОЛНЦА ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ НЕПРЕОДОЛЕННОЕ ИСПЫТАНИЕ. ОСТАВШЕЕСЯ ОТ ПРЕЖНЕЙ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ; ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ ОНИ ЯВЛЯЮТСЯ ФОРМОЙ ИЗЛУЧЕНИЯ. ПОТЕНЦИАЛЬНО СПОСОБНОЙ ЛИБО ВЗОРВАТЬСЯ ОСЛЕПИТЕЛЬНЫМ СИЯНИЕМ. ЛИБО СЖАТЬСЯ В АБСОЛЮТНУЮ ТЬМУ. ИМЕННО ОСКОЛКИ СОЛНЦА, ПРОНИКШИЕ В СВЕТАЯЩИЙСЯ КОКОН ЗЕМЛИ. ПРИДАЮТ ВСЕМ ФОРМАМ ЖИЗНИ НА ЭТОЙ ПЛАНЕТЕ СТРАННУЮ СКЛОННОСТЬ К ИНЕРТНОСТИ. НО ОДНОВРЕМЕННО НАДЕЛЯЮТ ИХ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ СПОСОБНОСТЬЮ СТАТЬ ЛУЧИСТЫМ ИСТОЧНИКОМ РАДИОАКТИВНОГО СВЕТА. ПО ЭТОЙ ПРИЧИНЕ ВСЮ СОВОКУПНОСТЬ ЭТИХ ОСКОЛКОВ НАЗВАЛИ ЛЮЦИФЕРОМ. «НЕСУЩИМ СВЕТ».

Вернемся к теме сопротивления. Итак, темные самоцветы не являются злыми или дурными, хотя по сути своей все типы сопротивления представляют собой проявления разделенности, и потому следствием неправильного использования темных самоцветов обычно оказывается та или иная форма зла. Это соображение очень важно для обсуждения пристального созерцания теней, так как совершенно очевидно, что, если человек отождествляется только с сопротивлением, это сопротивление окажется не на надлежащем месте, так как не будет рассматриваться в контексте целого, неотъемлемой частью которого оно является. Чтобы прояснить это, вновь обратимся к примеру умения различать.

Если бы люди не могли объективно различать день и ночь, свет и темноту, лето и зиму, мужчину и женщину, положительное и отрицательное, прибыль и расходы и так далее, человечеству никогда не удалось бы развить рациональный ум в целом, а без разделяющих свойств рационального ума не было бы ни математики, ни науки, ни технологии; невозможным стало бы развитие религий, образования и даже политики. Вследствие этого мир оставался бы в

хаотическом беспорядке, а человеческие существа по-прежнему мало отличались бы от животных, которые живут только инстинктами. И все же, несмотря на важность *умения различать* для развития осознания, окружающий мир дает нам ясно понять, что человек не может позволить себе отрывать это качество от контекста, так как в противном случае вместо различий между тем, что во имя ясности можно назвать «правильным» и «неправильным», человек начал бы *предвзято различать* явления исходя из соображений отделенности.

Люди никогда не понимали *умение различать* так, как это следует делать, именно потому, что вырывали его из контекста. В результате люди хотят, чтобы лето длилось круглый год, чтобы никогда не поднимался ветер, чтобы на небе всегда сияло солнце и эту радость не портили ни тучи, ни дожди. Однако больше всего они хотят к тому же, чтобы все вокруг имели одинаковый цвет кожи, относились к одной и той же культуре, говорили на одном языке и исповедовали одну религию. Научившись *различать предвзято*, а не *объективно*, люди в целом заявляют о своем стремлении к равенству, но на деле оказываются чрезвычайно разборчивыми в отделении одного от другого, и в результате нигде на свете не существует подлинного равенства. Напротив, повсюду царят разделенность и ненависть, подозрительность и страх; неуклонно усиливается тенденция к скучному единообразию, в котором почти невозможно определить, где женщина, где мужчина, что по-настоящему ценно, а что лишено значения, что «правильно» и что «неправильно» — и, прежде всего, какие законы являются всеобщими, а какие установлены человеком.

Соппротивление, как и *умение различать*, следует развивать и рассматривать в соответствующем контексте, иначе его применение может стать разрушительным. Любой, кто просто поневоле настраивается на ту или иную форму сопротивления, неизбежно становится антиобщественным мятежником, не понимающим даже того, почему ему захотелось восстать, не говоря уже о том, хорошо ли он представляет себе, против чего восстает. Таким образом, логично предположить, что *отождествление* с сопротивлением дерева попросту глупо, независимо от того, по каким соображениям человек пытается это сделать, так как в конечном счете люди являются не деревьями, а человеческими существами — какой же смысл противиться жизни так, как это делает дерево?

Очарование *силы*, предлагаемое Путем Великого Приключения, настолько велико, что те, кто свернул на этот путь, с радостью становятся еще более отделенными и с готовностью *отождествляются* с чем угодно, лишь бы это обеспечило им доступ к таким способностям, которые возвысят их над собратьями и другими созданиями. Основным принципом Пути Свободы является *путь с сердцем*; подобно этому, лейтмотивом Пути Великого Приключения становится алчность. Правильное применение *умения различать* на Пути Свободы порождает свойства *всеохватности* и *смирения*, а злоупотребления этим умением на Пути Великого Приключения приводят к развитию качеств *отделенности* и *эгоцентричности*. Эгоцентричность представляет собой еще один *темный самоцвет*, самым распространенным проявлением которого является алчность. С другой стороны, *умение различать* относится к *светлым самоцветам*, хотя, как уже стало понятно, злоупотреблять можно и этими *самоцветами*. Нетрудно понять, насколько опасными могут быть *темные самоцветы*, поскольку по самой своей природе они вызывают соблазн и подталкивают практикующего к злоупотреблениям.

Это приводит нас к необходимости обсуждения подлинного характера и цели *сопротивления*, поскольку при отсутствии понимания этого аспекта осознания не удастся постичь истинный смысл *прочесывания теней*. Самый простой путь понять подлинное значение *сопротивления* заключается в том, чтобы рассмотреть пример одного из его наиболее распространенных проявлений, а именно *силы трения*. Если бы трения вовсе не было, человек не

смог бы ни ходить, ни пользоваться автомобилем, ни управлять лодкой; ему не удалось бы даже удержать на месте ни один не прикрепленный к полу предмет мебели. Люди склонны относиться к силе трения как к чему-то само собой разумеющемуся, и потому они не осознают, какое неопределимое значение имеет эта сила. Сила трения представляет собой лишь одно из многочисленных проявлений *сопротивления*, тогда как само *сопротивление*, как мы уже убедились, является одним из одиннадцати различных проявлений единой и всеобщей силы под названием *инертность* — древнейшего аспекта солнечного осознания.

Сопротивление проявляется на всех уровнях проявленной вселенной, и без него развитие осознания стало бы невозможным — по той простой причине, что даже эволюция осознания целиком и полностью зависит от разнообразных форм трения. К примеру, если в жизни человека не будут возникать испытания, ему никогда не заявить свои права на *силу*. Ни разу не столкнувшись с конфликтом, человек никогда не научится *умению различать*. Основой общего процесса *сопротивления* является всеобщий закон под названием *Гармония путем Борьбы*, так как там, где не возникает противостояния, не может быть *сопротивления* трения, а при отсутствии *сопротивления* не возникло бы потребности уметь различать, то есть не было бы никакой возможности достичь гармонии, — ведь в этом случае проявленная вселенная пребывала бы в единообразном состоянии хаоса.

Сопротивление обладает тремя важнейшими свойствами: заставляет как одушевленные, так и неодушевленные предметы *отражать, поглощать и частично пропускать* свет или проявлять в своем поведении различные сочетания двух или всех трех свойств.

Ограничимся обсуждением *сопротивления* человеческого осознания. Толтеки определяют всю проявленную вселенную в понятиях *разумности*, которая предполагает существование осознания и его развитие. Таким образом, даже растения и камни пользуются *сопротивлением* для развития своей осознанности, но цели данной книги не позволяют нам отклоняться к обсуждению развития осознания в иных царствах природы, кроме человеческого. Я упоминаю о них лишь для того, чтобы читатель не забывал, что, если он надеется овладеть более сложными учениями Пути Воина, ему необходимо воспитывать в себе привычку мыслить в категориях *всеохватности* и взаимосвязанности всего живого.

Все *самоцветы* осознанности — то есть и *светлые*, и *темные самоцветы* (которые иногда называют *скрытыми самоцветами*), а также особые *самоцветы*, именуемые *запретными*, — ведут себя *быво* многом подобно атомам. По существу, атомы представляют собой нестабильные ионы, соединяющиеся с другими атомами при образовании молекул; сходным образом, все аспекты осознания также являются нестабильными ионами, извечно сочетающимися с другими атомами и образующими *молекулы осознания*. *Молекулы осознания* способны либо *кристаллизоваться* в жесткие структуры мышления, либо сохранять свое естественное *текучее* состояние бытия; в последнем случае *атомы осознания* непрестанно «соприкасаются краями с другими *атомами* самым фантастическим и захватывающим образом.

Важным для понимания соображением является тот факт, что всякий раз, когда *атом осознания* соприкасается краями с другим *атомом*, эти атомы на какое-то время соединяются и образуют то, что можно назвать *молекулами восприятия*, — *разум видящего* зрительно воспринимает эти образования как *пузыри восприятия*. Таким образом, в случае человека с кристаллической структурой осознания эти *пузыри восприятия* настолько сдавлены, что в осознанности этого человека почти не возникает движения. Даже те движения, которые в ней проявляются, оказываются настолько медленными, что практически не поддаются восприятию. С другой стороны, чем *текучее* становится человек, тем свободнее и быстрее образуются и перемещаются такие *пузыри восприятия*, и со временем этот человек превращается в по-настоящему *текучего* воина, сознание которого выглядит похожим на пенящийся фонтан в

отличие от почти «твердого» кристалла осознания обычного человека.

Что же именно подразумевают понятия *отражение*, *поглощение* и *частичное пропускание*? При использовании связанных с осознанием понятий слово «свет» становится синонимом «восприятия»; таким образом, когда говорится, что человек *отражает свет*, это означает, что он *отражает восприятие*. С чисто логической точки зрения это выглядит достаточно ясным, за тем лишь исключением, что нам до сих пор не известно, что значит *отражать*, *поглощать* и *частично пропускать* восприятие.

Чтобы полностью понять этот принцип, приведем несколько простых примеров. Прежде всего, рассмотрим человека, которого легко запугать словами или действиями. Обычно те люди, которых легко запугать, быстро ощущают потребность самозащиты и становятся либо очень говорливыми, пытаясь словесно оправдать свои действия, либо довольно агрессивными вплоть до стремления физически расправиться с тем человеком, от которого исходит ощущаемая ими угроза. В данный момент важнее всего осознать, что основой обоих стилей поведения непременно оказывается ощущение опасности.

Когда такой тревожащийся о своей безопасности человек — скажем, Джон — общается с другим человеком — назовем его Питером, — испытываемое Джоном ощущение угрозы будет отражено, поглощено или частично пропущено Питером в соответствии с уровнем восприятия самого Питера. Если Питер также в той или иной мере не уверен в собственной безопасности, он *отразит* чувство угрозы Джона, то есть начнет вести себя по отношению к Джону таким образом, что немедленно примется оправдывать свои действия или — в ином случае — станет агрессивным. Однако в обоих случаях Джон начнет злиться: либо его будут раздражать оправдания Питера, либо он почувствует, что Питер перекладывает вину на него самого; это произойдет и в том случае, если Питер станет агрессивным безо всякой видимой причины. Так или иначе, и Джон, и Питер будут просто *отражать* восприятие друг друга — разумеется, именно в этом и заключается *принцип зеркал*.

Однако если Питер окажется из той породы людей, которые всегда правы, он незамедлительно попытается доказать свое превосходство над Джоном — словесно, физически или обоими способами. В зависимости от того, насколько убедительным окажется Питер в своей напористости, Джон либо рассердится, либо ощутит еще большую угрозу; в последнем случае он, скорее всего, просто ускользнет прочь, как наказанное животное. Очевидно, что в этом случае Питер будет *частично пропускать* восприятие Джона.

С другой стороны, если Питер не настолько тверд в своем взгляде на мир и обладает более текучим уровнем восприятия, он не станет стремительно откликаться на общение с Джоном и вместо этого тщательно оценит их общение в категориях собственных знаний. В этом случае Питер начнет *поглощать* восприятие Джона, чтобы полностью впитать и усвоить его в соответствии со своим уровнем восприятия.

Этих простых примеров вполне достаточно, чтобы ясно понять, что означают *отражение*, *поглощение* и *частичное пропускание*, когда речь идет о восприятии, и все же необходимо осознавать, что все три рассмотренных случая связаны с *сопротивлением*, так как даже *поглощение* представляет собой свойство *сопротивления*. Большинству учеников нетрудно понять, почему *отражение* и *частичное пропускание* восприятия относятся к *сопротивлению*, однако ученикам намного сложнее сообразить, почему его третьим свойством является *поглощение*.

При любом *поглощении* в действие приводится *самоцвет* умения различать, но, поскольку эта способность по самой своей природе разделяет, *поглощающее* действие неизменно оказывается связанным с разделенностью. Иными словами, даже если Питер является чрезвычайно *текучим* воином, не допускающим на практике никаких проявлений разделенности,

он все же не может неразборчиво *поглощать* общение с Джоном. Питеру по-прежнему необходимо *объективно различать* —собственные знания от того, что относится к знаниям Джона. Таким образом, независимо от уровня *безупречности* Питера и несмотря на то, что в глубине сердца он может прекрасно понимать, что, как и Джон, является частицей единой жизни, Питер не имеет возможности избежать акта *различения*. Он в состоянии избежать только одного: злоупотребления умением *различать*, то есть в той или иной мере *предвзятым различием* по отношению к Джону. В конечном счете, несмотря на чрезвычайную важность умения *различать*, оно все равно остается разделяющим. Такое положение дел было определено *силой*, и потому самый *безупречный* и всеохватывающий воин не способен избежать проявлений *сопротивления* при необходимости мудро *различать* в акте *поглощения*.

В разговоре о *сопротивлении* я намеренно упрощаю все настолько, насколько это возможно, но читателю следует понимать, что, если он хочет добиться успеха на Пути Воина, ему совершенно необходимо уделять внимание каждому фрагменту передаваемых учений и исследовать всю глубину их смысла, постигая любую тонкость каждого оттенка. Ни один Нагваль не в силах передать учения во всей полноте, поскольку жизнь слишком коротка для их словесного выражения. Вследствие этого Нагваль передает только самое необходимое для понимания того или иного принципа, позволяя ученику воплотить каждую грань учений на практике и таким образом на собственном опыте во всех подробностях пережить то, на разъяснение чего потребовались бы непомерные объемы времени. В связи с этим читателю рекомендуется никогда не забывать следующее изречение.

ПОЛУЧИВ УКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛЮБОГО ФРАГМЕНТА ЗНАНИЯ. УЧЕНИК ЗА СЧИТАННЫЕ МИНУТЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЛИЧНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ В СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ СФЕРЕ МОЖЕТ ДОБИТЬСЯ НАМНОГО БОЛЬШИХ ЗНАНИЙ. ЧЕМ ВОЗМОЖНО ИЗВЛЕЧЬ ИЗ ОГРОМНЫХ ОБЪЕМОВ СВЕДЕНИЙ. СООБЩЕННЫХ ЕМУ ЗА ДОЛГИЕ НЕДЕЛИ.

Я продолжу делать все, что в человеческих силах, чтобы передавать как можно больше сведений во всех своих книгах, но я был бы несправедливым по отношению к читателю, если бы не подчеркнул, что бремя ответственности за воплощение на практике всех передаваемых учений целиком и полностью лежит на самом ученике, так как только личный опыт позволяет усвоить эти учения в полном объеме. Следует осознавать, что даже в том случае, если я буду писать книги вплоть до самой смерти, мне все равно не удастся изложить учения Толтеков во всей их полноте.

Следует помнить, что до сих пор мы рассматривали *сопротивление* только с точки зрения человеческого осознания, хотя и при этом во имя ясности я умышленно лишь скользнул по поверхности, темы. Теперь стоит задуматься об остальных упомянутых *самоцветах*, помимо которых есть еще тридцать девять! Не будем забывать о взаимодействии между всеми этими *самоцветами*. Но и после всего этого вне нашего внимания останутся десять измерений и взаимодействия между этими измерениями и *самоцветами*, не говоря уже о смысле этих понятий в рамках МЭПВ. Надеюсь, этот пример ясно показывает всю обширность учений Толтеков и объясняет, почему так важно, чтобы каждый ученик дисциплинированно использовал все возможности для обучения на собственном опыте.

Все, что было сказано ранее, должно не только внести ясность в смысл явления *сопротивления*, но и отчетливо подчеркнуть, какие глубинные взаимодействие, взаимозависимость и взаимосвязанность присущи всем аспектам осознания. Более того, в настоящий момент становится понятным, почему Толтеки определяют *тень* как порождение *сопротивления*.

СОПРОТИВЛЕНИЕ НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАНО С АКТОМ ВОСПРИЯТИЯ. КАК ТРЕНИЕ — С

ДВИЖЕНИЕМ. ПРИ ОТСУТСТВИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ ВОСПРИЯТИЕ ПРЕВРАТИЛОСЬ БЫ В БЕССМЫСЛЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ. А ПЕРЕЖИВАНИЯ НЕ ПРИНОСИЛИ БЫ ЗНАНИЙ.

Любые тенипредставляют собой то, что мы до сих пор называли недостатками, поскольку независимо от того, что именно оказывается недостатком человека, такие недостатки неизменно становятся результатом того или иного проявления *сопротивления*. Иными словами, недостатки возникают всякий раз, когда человек *отражает, частично пропускаетили поглощает* восприятие. Кроме того, чрезвычайно важно помнить о том, что недостатки человека определяются его нераскрытыми потенциальными способностями; разумеется, это подразумевает, что *тени* скрывают в себе некий потенциал, исследование которого — долг человека, так как *тени* представляют собой не только проход к *силе*, но и билет к свободе.

Однако потенциальное кроется не только в *тени*х самого человека, но и в *тени*х всех остальных людей и существ. Опытный воин, даже если он не является *видящим*, способен понимать язык *теней*, подобно тому как обычные люди способны читать открытую книгу. Таким образом, все то, что мы узнали до сих пор, позволяет без труда понять, что *прочесывание теней* означает «считывание» недостатков самого себя и других людей. Следует, впрочем, осознавать, что любое подобное «считывание» подразумевает восприятие. Поскольку все осмысленные формы восприятия основаны на правильном применении *сопротивления*, *прочесывание теней* формально определяется как *состояние отстраненности, вызванное положительным сопротивлением*.

Теперь читателю должно быть понятно, почему в начале этой книги я опять и опять повторял, что при отступлении воин не убегает и не покоряется своему поражению. Любое подобное отступление представляет собой лишь внешнее свидетельство того, что воин перешел к *состоянию отстраненности, вызванному положительным сопротивлением*. Понятие «*положительное сопротивление*» применяется для обозначения *поглощающего* аспекта *сопротивления* — в противоположность *отрицательному сопротивлению*, как называют аспект *частичного пропуска*, и *нейтральному сопротивлению*, то есть *отражающему* аспекту. Таким образом, хотя воин отстраняется от текущих обстоятельств, он остается полностью поглощенным ими; это значит, что он остро осознает самые мельчайшие подробности происходящего.

В данный момент очень важно понять, что, несмотря на постоянную бдительность *безупречно*го воина, *прочесывание теней* представляет собой уровень осознания, превосходящий обычное осознание; это означает, что уровень восприятия воина повышается, и, следовательно, воин осознает происходящее острее, чем на обычном уровне осознания. Это соображение является важнейшим, поскольку обычный человек смещается к такому уровню осознания лишь тогда, когда под угрозу поставлено его физическое выживание, но даже в этих случаях он редко оказывается способным отстраниться от происходящего в такой мере, чтобы не поддаться страху или панике. С другой стороны, воин умеет добиваться и добивается такой полной отстраненности от всех подробностей ситуации — включая его собственные эмоции, — что способен рассматривать ее с точки зрения совершенно объективного свидетеля и в результате воспринимать те крошечные детали, которые в противном случае остались бы незамеченными.

Все это легче понять, рассмотрев пример из жизни обычного человека.

Поговорим о человеке по имени Аллан, начальник которого попрекнул его тем, что Аллан якобы несведущ в своей работе. Сталкиваясь с подобной ситуацией, большинство людей прибегает к одной из двух типичных реакций. Аллан может почувствовать себя застигнутым врасплох и в этом случае, вероятнее всего, запаникует, однако, отдавшись панике, Аллан вряд ли сможет внимательно выслушать своего начальника, так как либо начнет постоянно перебивать его, пытаясь оправдать свои действия, либо направит все

свои мысли на поиски оправданий, но и тогда не сможет внимательно слушать. Во втором случае Аллан может заподозрить, что его собираются уволить, едва узнав о вызове в кабинет начальника, и тогда вступит в столкновение с собственным разумом, переполненным самыми разнообразными предположениями в сочетании со смесью неуправляемых эмоций — в основном, подозрений и стыда. Пребывая в таком состоянии, Аллан также не сможет внимательно выслушать начальника, так как его заранее сложившиеся представления и неуправляемые эмоции окрасят разговор с начальником такими оттенками, что Аллану вряд ли удастся воспринимать эту беседу с достаточной степенью трезвости.

И все же в основе своей оба случая сводятся к тому, что Аллан совершает *ответное действие* таким образом, что при этом нарушается его способность слушать; в результате он будет слышать только то, что захочет услышать, или, точнее, будет воспринимать то, что твердит ему собственный взгляд на мир, а не вникать в подлинный смысл слов начальника. В связи с этим читатель должен внимательно отнестись к тому, в каком смысле в данном контексте используется слово «слушать». Толтеки не ограничивают умение *слушать* одним лишь чувством слуха; они определяют его как *способность воспринимать всеми волокнами своего светящегося существа*. Иными словами, воинов больше заботит само звучание, чем конкретное значение слов, так как *звучание* представляет собой основу *чувствования*, а, следуя за своим сердцем, воин предпочитает *чувствовать* мир каждой частицей своего существа, включая физические органы чувств.

Лишившись способности по-настоящему слушать своего начальника, Аллан не сможет уделять должное внимание и своему *чувствованию* в отношении происходящего; вместо этого он полностью погрязнет либо в попытках убедить начальника в том, что в действительности является достаточно опытным работником, либо в размышлениях о том, что будет делать после того, как его уволят. Так или иначе, независимо от типа реакции Аллана, справедливым останется то, что он позволил себе полностью *подчиниться* происходящему, то есть сразу признал свое поражение. Если Аллан попытается упросить начальника не увольнять его, он в действительности просто попросит дать ему еще один шанс. Это равнозначно признанию того, что он, быть может, и в самом деле не работал в полную силу, но теперь будет стараться. С другой стороны, если Аллан уже смирился с тем, что его уволят, он уже ничего не слышит, так как размышляет, где же ему искать новую работу, — а это равнозначно рассуждениям о том, насколько быстро ему удастся убежать от возникшего испытания.

Однако если бы Аллан был воином, он подошел бы к этому разговору с начальником с точки зрения испытания, в котором, на первый взгляд, ему пришлось столкнуться с намного превосходящими силами. Иными словами, будучи *безупречным* воином, Аллан прекрасно понимает, что на самом деле он вполне справляется со своей работой, но если начальник обвиняет его вне компетентности, то это означает, что он столкнулся с восприятием начальника и его взглядом на мир. Очевидно, что в подобных обстоятельствах воин не может преодолевать возникшее испытание таким способом, который не соотносился бы со взглядом противника на мир, поскольку противник имеет возможность «вести стрельбу с возвышенности» — во всяком случае, в текущий момент.

В подобных ситуациях воин всегда расслабляется в *прочесывании теней*. Обратите внимание на слово «расслабляется» — оно подразумевает, что воин переходит к таким действиям, которые, как он прекрасно знает, позволяют ему добиться преимущества над противником, и потому у воина нет никаких причин волноваться. Естественно, это понятие не имеет ничего общего с расслаблением как ощущением бессмысленности любых действий. Расслабляясь в *прочесывании теней*, воин полностью поглощен тем, что представляет собой

поистине виртуозный маневр *сталкинга*, —маневр, до такой степени могущественный и в то же время утонченный, что ни один противник не в силах осознать, что же на самом деле совершает воин, пока совершенно неожиданно не заметит словно по волшебству возникшее перед ним острие меча.

Застигнутый врасплох таким ошеломляющим поворотом *силы*,любой противник либо сдается в полном замешательстве, либо бросается в безумную неразбериху оправданий, которые неизбежно разоблачают слабые стороны его собственной позиции. Однако в обоих случаях противник воина сам наносит себе смертельный удар, признавая свое поражение или вырывая для самого себя еще более глубокую яму, порожденную его неистовыми самооправданиями. И все же, приступая к *прочесыванию теней*,воин делает только одно: раскрывается тем мелким подробностям, которые обнаруживают потенциальные возможности, скрывающиеся в недостатках противника. Важно помнить, что до тех пор, пока человек не преобразил свои недостатки, те остаются слабостями, чрезвычайно уязвимыми для внешнего мира. Это становится особенно заметным, когда окружающие умышленно или непреднамеренно тем или иным способом нащупывают эти недостатки — обычно это называют «затронуть чувствительную струну».

Таким образом, *прочесывая тени*,воин самым тщательным образом следит за поведением противника, так как поведение человека всегда разоблачает не только его недостатки, но и все тонкости этих недостатков. Более того, если воин совершенно объективен в своем ощущении отстраненности, он воспринимает недостатки противника на фоне того, что для самого соперника остается кроющимся внутри него *непознанным*.В результате воин всегда способен ясно понять, как можно использовать недостатки противника, чтобы захватить его врасплох и вывести из равновесия. Именно это подразумевается в изречении, приведенном в начале данной главы, где сказано: для *опытного воина тени становятся связью между познанным и непознанным — подобием дверей, благодаря которым можно видеть непознанное, оставаясь в рамках познанного*.

Иными словами, сравнивая недостатки противника с тем, что этот противник на самом деле знает о самом себе, воин мгновенно подмечает слабости соперника, то есть его нераскрытый потенциал. После оценки соотношения *непознанного* и *познанного* в своем противнике воину остается только заставить соперника столкнуться с собственными слабостями, после чего тому приходится либо немедленно сдаться, либо вырыть себе еще более глубокую яму. Более того, поскольку *непознанное* всегда вселяет в человека страх, подобное столкновение вызывает у противника воина растущее ощущение опасности. В результате противник стремительно переходит от полной уверенности в своей победе над воином к исступленным поискам какого-либо способа скрыться. Чтобы прояснить все сказанное, вернемся к примеру Аллана.

Начальник Аллана, которого зовут Эррол, управляет крупной компанией оптовой продажи одежды. Он *начинает столкновение с заявления* о том, что большую часть рабочего времени Аллан, судя по всему, тратит на смешки и *перешучивания с обращающимися к нему покупателями* вместо того, чтобы экономно, быстро и вежливо оказать им помощь. Эррол уже описал характер своего недовольства, но Аллан не откликается на него незамедлительно — он расслабляется в *прочесывании теней*, признаваясь, что действительно любит смех и шутки, но был бы очень признателен, если бы Эррол описал свою точку зрения подробнее. Поскольку такая реакция Аллана внушает Эрролу ощущение безопасности, он чувствует себя достаточно уверенным в себе, чтобы выложить на стол все свои жалобы в отношении Аллана — в том числе *также* те из них, которые он сам считал довольно детскими или мелочными. Пока Эррол излагает все свои претензии,

Аллан просто внимательно вслушивается в его слова, время от времени кивая головой, словно он соглашается со всем сказанным. Завладев полным вниманием Аллана и столкнувшись с тем, что кажется ему отсутствиемкакого-либо сопротивления, Эррол начинает расслабляться и при этом все больше открывается перед Алланом, позволяя ему увидеть те свои стороны, которые он обычно тщательно скрывает.

Внимательно вслушиваясь во все оттенки слов Эррола и звучание его голоса, подмечая тонкости языка движения тела, Алландостаточно быстро понимает, что подлинная проблема заключается в том, что Эррол завидует его общительности и раскованности при встречах с самыми трудными покупателями. Убедившись в этом, Аллан начинает прочесывать тени в поисках того, что позволит ему воспользоваться завистью Эррола, и ему вновь не требуется много времени для того, чтобы заметить, что, несмотря на свою напускную браваду, Эррол представляет собой весьма застенчивого и замкнутого человека, предпочитающего относительную безопасность собственного кабинета. Одновременно Аллану совершенно очевидно, что сам Эррол не осознает своей зависти кАллану, предпочитая видеть в его дружелюбии излишнюю трату времени на добродушный обмен шутками.

Таким образом, попытка столкнуть Эррола непосредственно с его подлинной проблемой ничуть не поможет Аллану, так как Эррол попросту начнет отрицать ее и, помимо того, встретившись с правдой, скорее всего, чрезвычайно рассердится и исполнится осознанием собственной правоты. Вместо этого Аллан принимается оценивать Эррола с точки зрения того, что он знает о самом себе и чего не знает. Чтобы понять, как это происходит, следует вспомнить, что после того, как Аллан понял, что именно является настоящей проблемой, он замечает, что Эррол скрывает свою застенчивость даже от самого себя и пытается производить впечатление бесстрастного человека. Однако следствием такого поведения становится то, что Эррола не только легко смутить, но и, по причине замкнутости, нетрудно запугать угрозой выставить его на всеобщее обозрение. Эти сведения — все, что Эррол знает о самом себе, однако он не отдает себе отчета в том, что основой всех этих недостатков является отсутствие у него уверенности в собственной значимости. Вследствие такого подавленного страха Эррол редко становится открытым и дружелюбным. Предпочитая в общении с окружающими отчужденность и сохранение дистанции, он надеется, что никто не сможет приблизиться к нему настолько, чтобы заметить, что на самом деле он совсем не такой, каким хотел бы быть. Таким образом, попытки произвести впечатление очень сильного человека позволяют Эрролу скрывать свой глубинный страх даже от самого себя, и все же это остается его уязвимым местом.

Определив, в чем заключается уязвимость Эррола, Аллану остается только столкнуть того лицом к лицу с его страхом, чтобы полностью вывести из равновесия. В связи с этим Аллан вспоминает, что в прошлом часто гадал, почему Эррол изо всех сил старается избегать встреч с обычными покупателями, быстро передавая их на попечение Аллана и одновременно старательно изображая обаяние и трогательную заботу о том, чтобы клиентов обслужили как можно лучше. То, как Эррол делал это, неизменно вызывало у покупателей впечатление, что ихверяют в самые надежные руки, то есть Эррол убеждал их в том, что они получают то особенное внимание, которого заслуживают. Однако теперь Аллану неожиданно становится ясно, что такое напускное обаяние и забота были для Эррола лишь возможностью избежать вероятности выставить напоказ свою слабость,

Когда Эррол заканчивает свою речь, Аллан просто улыбается в ответ, а затем «простодушно» заставляет Эррола встретить свой страх лицом к лицу, предлагая ему в

течение пары дней поработать вместе с ним в выставочном зале, чтобы Аллан мог поучиться ремеслу на примере Эррола. Испытав внезапный испуг, Эррол начинает выдумывать самые разнообразные оправдания вплоть до того, что у него попросту нет времени этим заниматься и Аллану придется самостоятельно найти лучшую форму обслуживания покупателя. Однако, притворившись совершенно растерянным, Аллан отвечает, что он озадачен, так как всегда с уважением относился к занятости Эррола и именно потому изо всех сил старался самостоятельно найти лучший способ работы и не оказаться навязчивым.

У застигнутого врасплох Эррола есть только один выход: согласиться с Алланом. Воспользовавшись этой уловкой, Аллан вонзает свой меч глубже, поинтересовавшись, не является ли причиной недовольства его работой уровень продаж. Вновь оказавшись в ловушке, Эррол вынужден признать, что результаты продаж вполне удовлетворительны и его заботит только тот факт, что посторонние разговоры Аллана с покупателями могут повлиять на репутацию компании. На этот раз Аллан выдерживает взгляд Эррола до тех пор, пока тот не смущается и не отводит глаза; после того Аллан спрашивает Эррола, не было ли каких-либо жалоб со стороны покупателей. Откровенно сообщив Аллану, что никаких жалоб не было — и втайне признавшись себе, что клиенты всегда отмечали, как приятно им было иметь дело с Алланом, — Эррол наконец-то вынужден понять кое-какую правду о самом себе.

Вспыхнув от ярости, он просит Аллана покинуть его кабинет, невнятно пробормотав, чтобы он подумал об этом разговоре, в глубине души уже прекрасно понимая, что Аллан победил, показав его собственную зависть к открытому и дружелюбному человеку. Аллан подавляет понимающую улыбку и вежливо благодарит Эррола за его «полезные указания», прежде чем выйти из кабинета.

На протяжении всего столкновения с Эрролом Аллан твердо опирался на собственные знания, однако при этом ничуть не подвергал опасности свою карьеру. Напротив, застав Эррола в совершенно глупом положении, он заслужил его уважение тем, что не стал открыто доказывать его неправоту, одновременно ясно показав Эрролу мелочность его придирок, вызванных завистью. Сделав это, Аллан предоставил Эрролу богатую пищу для размышлений, вследствие чего его зависть уже начала превращаться в восхищение смелостью и блестящими способностями Аллана. И все же следует понимать, что в действительности Аллан сделал только одно: столкнул Эррола лицом к лицу с его собственным страхом. Если Эррол окажется достаточно честным перед собой, чтобы полностью смириться с тем, что выяснилось в этом разговоре, он не только признает, что Аллан его перехитрил, но и поблагодарит его за то, что он помог ему осознать свои скрытые страхи.

Если Эррол захочет столкнуться со своим страхом, он добьется более глубокого понимания самого себя и благодаря этому осознает потенциальные возможности, связанные с его застенчивостью и вызванной ею замкнутостью. Однако после битвы с воином лишь редкие люди способны понять, какую помощь он оказал им таким выслеживанием. Столкнувшись с силой воина, обычный человек просто постарается как можно скорее забыть о случившемся и продолжит жить так, словно ничего не произошло.

Завершая разговор о том, что представляет собой прочесывание теней, необходимо высказать одно предупреждение. Внимательно обдумайте приведенный пример. Но не стоит полагать, что прочесывание теней всегда оказывается таким простым, каким оно выглядит в рассмотренном случае. Я использую простые примеры только во имя ясности, но, по правде сказать, в извилистых путях работы человеческого разума нет ничего простого. Чтобы

освоить искусство прочесывания теней, нужны время, терпение и широкая практика. В связи с этим никогда не следует забывать, что не бывает ни одинаковых людей, ни одинаковых ситуаций, какими бы похожими они ни казались на первый взгляд. Искусство сталкинга всегда остается умением действенно и виртуозно импровизировать в текущее мгновение — разумеется, такого мастерства нельзя добиться за один день.

В руках искусного сталкера прочесывание теней становится могущественным средством — настолько неприметным и утонченным, что после битвы у противника часто возникает жуткое ощущение, что в распоряжении воина была некая сверхъестественная сила, в каком бы значении ни понималось это довольно бессмысленное слово. Однако в прочесывании теней нет ничего «сверхъестественного», а воин не обладает никакими силами, не доступными всем тем, кто готов вложить необходимые усилия и время на изучение искусства сталкинга.

В отличие от первых четырех аспектов правила сталкера, я не рассматривал в связи с четырьмя постулатами сталкинга пятый аспект. Это вызвано двумя причинами. Во-первых, как уже пояснялось ранее, все семь аспектов правила сталкера могут применяться в контексте любых постулатов сталкинга или их сочетаний. Не существует жестких и определенных правил, определяющих, какой аспект правила сталкера следует применять в контексте того или иного постулата. Понимание того, какой аспект правила связан с какой-либо конкретной ситуацией, и его применение в контексте надлежащего постулата опираются на искусное умение различать, которого можно достичь только постоянной практикой. Таким образом, описывая на уместных примерах первые четыре аспекта правила сталкера, я просто пытался предоставить читателю возможность осознать, на каких принципах основано их действие, чтобы он по крайней мере мог начать усилия по действенному применению правила сталкера.

Теоретические пояснения не могут обеспечить большей помощи, так как только практика способна принести читателю подлинное понимание того, как использовать правило сталкера в контексте четырех постулатов сталкинга.

Второй причиной того, что я опустил объяснения о применении пятого аспекта правила сталкера в контексте каждого отдельного постулата, были требования простоты. Важно понимать, что следствия пятого, шестого и седьмого аспектов правила сталкера настолько обширны, что почти в любом контексте применения они непременно растянутся по области проявления двух или всех четырех постулатов сталкинга. Что касается пятого аспекта правила сталкера, то этот аспект почти целиком связан с действием в противоположность ответному действию. Действие относится к Северу, и той же стороне света соответствует отсутствие привычного ответного действия на какие-либо события, то есть неделание. Таким образом, нет никаких сомнений в том, что этот аспект следует рассматривать в контексте второго постулата сталкинга. Однако, учитывая, что общая цель прочесывания теней заключается в достижении обычно невозможного уровня презвости, становится понятно, что прочесывание теней также необходимо рассматривать в понятиях первого постулата сталкинга.

Вернувшись к примеру Аллана и Эррола, можно заметить, что при столкновении со взглядом своего начальника на мир Аллан оказывается в невыгодном положении и потому должен стремиться к использованию пятого аспекта правила сталкера. Как уже известно, это означает необходимость применения неделания, то есть, во-первых, не откликаться на обстоятельства поверхностным восприятием и, во-вторых, предпринять то действие, которое называют прочесыванием теней. Логично предположить, что, если Аллан собирается добиться успеха и не допустить ответных действий, он должен подходить к столкновению с Эрролом с точки зрения первого постулата, поскольку только это позволит ему не оказаться в ловушке поверхностного отношения к происходящему. Помимо этого, Аллану необходимо

провести прочесывание теней — действие, непосредственно связанное со вторым постулатом. Следует, впрочем, осознавать один факт: несмотря на то, что прочесывание теней помогает Аллану обрести в этом столкновении ту ясность, которая позволит ему добиться преимущества над Эрролом, эта ясность применима только в данной ситуации. На следующий день или через несколько дней Аллан вполне может столкнуться с очень похожим испытанием в общении с другим человеком, и потому ему совершенно необходимо признать глупость надежд на то, что ему когда-либо удастся разгадать тайну бытия, — и, разумеется, эта мысль заставляет его головой вперед нырнуть в глубины четвертого постулата.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗА ПОКРОВОМ ВРЕМЕНИ

ВРЕМЯ ВЫРАЖАЕТ СОБОЙ РАЗУМНЫЙ ФАКТОР В РАМКАХ ЧЕТЫРЕХСТОРОННЕГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ НЕВЫРАЗИМОГО. ПО ЭТОЙ ПРИЧИНЕ ТО, ЧТО ВОСПРИНИМАЕТСЯ КАК ВРЕМЯ, В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЯВЛЯЕТСЯ ПРИСУЩИМ ОСОЗНАННОСТИ ДВИЖЕНИЕМ — ПОДЛИННЫМ ВЫРАЖЕНИЕМ НАМЕРЕНИЯ И РАЗУМА НЕВЫРАЗИМОГО. ДОПУСТИМО СЧИТАТЬ ВРЕМЯ СУЩНОСТЬЮ ВСЕГО СОТВОРЕННОГО, А ТРИ ОСТАВШИЕСЯ НАПРАВЛЕНИЯ ЧЕТЫРЕХСТОРОННЕГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ (МАТЕРИЮ, ЭНЕРГИЮ И ПРОСТРАНСТВО) — ОТРАЖЕНИЯМИ НЕВЫРАЗИМОГО В СУЩНОСТИ СОТВОРЕННОГО, ТО ЕСТЬ ВРЕМЕНИ. ВСЛЕДСТВИЕ ЭТОГО ЧЕЛОВЕК ПОЛНОСТЬЮ ТЕРЯЕТ ТОЧКУ ОТСЧЕТА, ЕСЛИ НЕ ПРИЗНАЕТ ВРЕМЯ ИЗНАЧАЛЬНОЙ СУЩНОСТЬЮ ПРОЯВЛЕННОЙ ВСЕЛЕННОЙ — СУЩНОСТЬЮ, СВЯЩЕННОЙ ДЛЯ ВСЕХ, КРОМЕ НЕПОСВЯЩЕННЫХ.

Прежде чем рассмотреть содержание шестого аспекта правила сталкера, то есть тот факт, что воин всегда сжимает время, необходимо добиться более ясного понимания истинной природы самого времени. В первых двух томах время определялось как результат восприятия процесса жизни — это определение достаточно хорошо и для неспециалиста, и для тех, у кого есть глаза, чтобы видеть. Однако для предстоящего обсуждения времени очень важно, чтобы мы попытались по крайней мере отчасти воспользоваться техническим описанием времени, представленным в открывающем эту главу изречении.

Подлинную природу МЭПВ очень нелегко постичь рациональным умом, а четыре выражения четырехстороннего предназначения Невыразимого представляют собой наиболее абстрактные и трудные для понимания принципы. Сходным образом, для любого Нагваля попытки словесно описать природу МЭПВ представляют собой достаточно тщетное занятие, и все же, поскольку людям приходится пользоваться устным и письменным языком, у нас нет иного выбора, как только попытаться сделать невозможное. Вам необходимо добиться чувствования передаваемого смысла. В попытках разъяснить принцип времени мне придется использовать до нелепости ограниченные и неточные слова, и потому я изо всех сил постараюсь вызвать у вас чувствование в надежде, что вы предпримете усилия, которые необходимы для свободного течения вслед за этим чувствованием до тех пор, пока оно не преобразится в переживание, поскольку только при личном переживании природы времени человек может надеяться хотя бы отчасти понять подлинный смысл этого явления.

Время — ничто, но, одновременно, все; в этом оно похоже на пространство, которое пусто и в то же время наполнено до отказа. То, что человек измеряет часами, — не время, подобно тому, как то, что он воспринимает как пустоту между двумя атомами или двумя планетами, — вовсе не пространство. Время и пространство представляют собой две противоположности, которые делают возможным проявление Вселенной. Вследствие этого оба являются проявлениями врожденной осознанности, то есть врожденного осознания Невыразимого. Таким образом, время и пространство представляют собой особые и противоположные друг другу состояния осознания; в этом смысле они остаются неразделимыми и взаимозависимыми, так как без той осознанности, которую именуют временем, не может возникнуть осознания пространства, а без осознанности под названием «пространство» невозможно осознание времени.

С математической точки зрения понятие «осознание времени» означает «осознанность, усиленная временем», а выражение «осознание пространства» — «осознанность, усиленная

пространством». Однако и время и пространство сами по себе являются состояниями врожденной осознанности; это значит, что, независимо от того, говорим мы об «осознании времени» или «осознании пространства», оба понятия равнозначны выражениям «осознание осознанности», «осознанность, усиленная осознанием» или, еще точнее, «осознание, усиленное врожденной осознанностью».

С другой стороны, что представляет собой то осознание, которое позволяет усиливать врожденную осознанность? Краткий обзор космологии в «Крике Орла» позволил понять не только то, что существуют два типа осознанности — врожденная и развивающаяся, — но и то, что оба типа осознанности обладают двумя полюсами: отделенностью и всеохватностью. Разделяющим полюсом является разум, принцип мышления, а объединяющим — намерение, принцип чувствования. Поскольку сейчас нас больше интересует врожденное осознание, логично предположить, что то «другое» осознание, о котором идет речь, представляет собой один из полюсов врожденного осознания; это подразумевает, что явление, прежде именовавшееся врожденным осознанием, в действительности является вторым полюсом этого осознания. Таким образом, пространство и время представляют собой два полюса врожденного осознания, и в этом смысле пространство являет собой выражение разума, принципа мышления, который разделяет и тем самым порождает стихию под названием пространство. С другой стороны, время представляет собой выражение намерения, принципа чувствования, объединяющего и при этом вызывающего к появлению стихию поступательного развития, то есть последовательное, или поступательное включение непознанного в познанное, — тем самым этот принцип порождает время. И все же следует осознавать, что при упоминаниях времени и пространства речь идет о части Невыразимого под названием «Это Двигается».

Выражение «осознание, усиленное временем» означает «пространство, усиленное временем», а слова «осознание, усиленное пространством» равносильны словам «время, усиленное пространством». Разумеется, все это представляет собой одно и то же, тем самым показывая не только то, что время и пространство — два полюса врожденного осознания, но и то, что их результат одинаков — оба приводят к Это Двигается, то есть к деятельной разумности, описанной в «Крике Орла». С точки зрения неспециалиста, пространство определяется как результат восприятия предназначения жизни, а время — как результат восприятия процесса жизни. Иными словами, пространство неразрывно связано с предназначением жизни, а время — с процессом жизни. Это означает, что пространство представляет собой осознание предназначения Невыразимого, а время — осознание того процесса, посредством которого это предназначение может и должно исполниться. Это позволяет предположить, что время является не только выражением стремления к проявлению, но и выражением намерения. Поскольку намерение представляет собой единую и единственную силу всей проявленной вселенной, а сама проявленная вселенная является только результатом намерения (см. «Крик Орла»), становится совершенно ясно, почему Толтеки рассматривали время как изначальную сущность проявленной вселенной.

Таким образом, несмотря на то, что время и пространство являются противоположными полюсами врожденного осознания, время, тем не менее, предшествует пространству. Этот факт нелегко понять умом, и потому для его осознания можно поразмышлять о следующем: до тех пор, пока в той пустоте, что отмечает Невыразимое, движется Нечто, эту пустоту определяет Не Что-то, но как только, или когда, возникает движение, — то, что отмечает эту пустоту, становится доступным восприятию. Но выражения «как только» и «когда» подразумевают стихию времени — разумеется, это незамедлительно делает пустоту воспринимаемой в форме пространства или, точнее, некоего пространства. Это помогает осознать не только взаимозависимость времени и пространства, но и их взаимосвязанность. Более того, как уже

известно из «Крика Орла», именно разумное сотрудничество между двумя полюсами врожденного осознания допускает и обеспечивает проявление и развитие осознания. В действительности, только постоянное взаимодействие этих двух полюсов позволяет проявленной вселенной существовать, так как в тот миг, когда эти противоположности сливаются, взаимодействие прекращается и возникнет Это Уже Не Двигается, то есть Невыразимое вновь становится неподвижной пустотой.

Именно это непрерывное, являющееся подлинной константой взаимодействие между двумя полюсами врожденного осознания, между пространством и временем, ускользнуло от Альберта Эйнштейна, когда он разрабатывал свои теории относительности и пытался описать его в понятиях света. В результате становится понятно, что его уравнение $E = mc^2$ означает - $E/m = c^2$, то есть энергия, деленная на материю, является результатом времени, умноженного на пространство (c^2). Это означает, что, когда два полюса врожденного осознания приходят во взаимодействие, результатом становится частное от деления единообразного сознания на обособленное сознание («Крик Орла») — именно это частное называют образованием пучков. Однако следует помнить, что энергия является следствием силы, и, поскольку сила есть продукт восприятия, уравнение $E = mc^2$ можно истолковать таким образом: энергия (E , следствие силы) = обособленное сознание(m), умноженное на произведение пространства и времени (c^2 , константа взаимодействия между двумя полюсами врожденного осознания).

Все это говорится, чтобы вызвать у вас некое чувство того, что означает время, и его взаимоотношений с пространством, энергией, материей и силой. Однако, как уже упоминалось, все это — только толчок к чувствованию и потому не должно восприниматься буквально, так как поверхностное отношение к этим пояснениям не принесет читателю ничего, кроме ощущения сумбурности, лишенной какого-либо смысла. С другой стороны, если только что переданные сведения будут восприниматься как помощь в выработке чувствования того, что понимается не только под самим временем, но и под МЭПВ и силой в целом, это ощущение вызовет у вас определенные переживания. Нет нужды говорить, что переживания представляют собой не только настоящие знания, но и, что еще важнее, знания, полученные из первых рук.

По мере нашего движения вперед вы сможете заметить, насколько глубоко в непознанное мы погрузились на протяжении разговора о времени; как и во всех прочих случаях столкновения с непознанным, рациональный ум ничем не способен помочь нам. В таких случаях приходится иметь дело непосредственно с непознанным в контексте осознания левой стороны, но до тех пор, пока вы не научитесь по собственной воле проникать в осознание левой стороны и покидать его, лучшим средством движения вперед останется внимательность к любым чувствам, возникающим у него благодаря переживаниям. Информация никогда не сможет заменить прямой личный опыт, однако при разумном использовании она способна помочь человеку уловить по меньшей мере намеки на то, какого рода ощущений ему следует ожидать от тех или иных переживаний. Когда у человека появляются определенные представления о том, чего ждать, он в состоянии уловить нужное чувство, вызванное соответствующим переживанием, и это чувство окажется проявлением осознания левой стороны. Вначале такие чувства не приносят особых прозрений, но по мере того, как к первому чувствованию добавляются другие подмеченные и уже знакомые, перед человеком медленно, но уверенно начинает образовываться совершенно подлинная картина — сначала она туманна, но рано или поздно уплотняется до того уровня чувствования, который доступен рациональному уму. В связи с этим я надеюсь, что передаваемые сведения предоставят вам по меньшей мере легкие намеки, которые в будущем приведут к более глубокому пониманию того, что в действительности означает не только само время, но и МЭПВ в целом, и того, какую роль в этой общей картине играет сила.

Узнав, что время является изначальной сущностью проявленной вселенной и в этом

контексте одновременно представляет собой выражение намерения, нетрудно понять, почему Толтеки считают время священным. Следует осознать, что при отсутствии изначальной сущности ничто не может быть сотворено, и только благодаря наличию изначальной сущности сотворение становится одним из возможных вариантов. Иными словами, все сотворенное зависит от существования и использования времени. Однако необходимо осознавать и то, что общечеловеческое понимание времени представляет собой лишь мнение человека о том, как время проявляет себя на физическом плане. Когда человек постигает более глубокий смысл систем счисления и начинает понимать, что этот смысл можно постичь только с помощью забытой науки нумерологии, возникает совершенно новая форма математики — та ее форма, которая связана с удивительными психологическими аналогиями, и потому не только принимает в расчет взаимосвязанность всего живого, но и признает необходимость включать во все математические уравнения переменную времени.

Благодаря стихии времени мы живем не в абсолютной Вселенной. Вся Вселенная относительна и по отношению к времени, и по отношению к намерению Невыразимого; как только человек постигнет, что это означает на самом деле, наука придет к пониманию того, что проявленная вселенная сама по себе обладает неким эмоциональным качеством, которое нельзя не принимать во внимание. Подобно тому как эмоции являются выражением намерения на физическом плане, время представляет собой всеобщее выражение намерения во всей проявленной вселенной, по отношению к которой физическая, видимая вселенная является лишь малой частью. Таким образом, как бы странно это ни прозвучало, время представляет собой изначальное выражение того, что можно назвать всеобщей эмоцией. Время в буквальном смысле слова является эмоциями Невыразимого, что бы это ни означало и ни подразумевало, так как со своей человеческой точки зрения мы просто не знаем о себе достаточно много, чтобы оказаться в состоянии судить об эмоциях Невыразимого.

Однако в наше время Толтеки знают о времени достаточно много, чтобы с уверенностью утверждать, что оно представляет собой не только часть четвертого измерения, но и имеет характер чистых эмоций. Эти эмоции, впрочем, растянуты на целую вечность и потому столь непостижимы во всей своей протяженности, что в течение своей тысячелетней истории человеку удавалось улавливать лишь их легкие намеки. На протяжении невероятно долгих столетий Толтеки-ученые усердно трудились, одно поколение передавало плоды усилий всей своей жизни своим потомкам, чтобы в результате постепенно, очень не скоро человеку открылись всеобщие циклы времени — каждый такой цикл, без сомнений, служит выражением отдельной эмоциональной волны. Вследствие этого сегодня нам известно, что нет ни случайностей, ни совпадений, что вся история представляет собой результат того, что можно по праву называть временами — или, еще точнее, результатом всеобщего намерения, проявляющегося сначала в форме силы, а затем в форме энергии, заряженной эмоциональным побуждением.

Таким образом, для воинов-Толтеков безупречное распоряжение временем имеет огромную важность. Ни один настоящий воин не станет рассматривать время как нечто такое, что можно беззаботно растрачивать на всевозможные несущественные банальности или мелочи. Любая пустая трата времени для воина просто немыслима, так как делать это означает упускать возникающую возможность принять участие во всеобщем сотворении. Вследствие этого для настоящего воина жизнь на земле не имеет никакого смысла, если он тратит ее только на достижение хорошей должности, на покупку новой машины или дома, на семью и крупный счет в банке. Для воина жизнь на земле обретает подлинное значение только в том случае, если он использует ее для того, чтобы оставить свой след во Вселенной, творением которой является. Очевидно, что воин может добиться этого единственным способом — жизнью в контексте

времени; очевидно и то, что единственная форма действенного управления временем заключается в полном контроле над своим осознанием, поскольку, как уже известно из уравнивания времени, приводившегося в первом и втором томах, время обратно пропорционально осознанию.

Поскольку время является выражением всеобщего намерения, человек, разумеется, не имеет возможности им манипулировать. Однако время обратно пропорционально осознанию, и потому человек все же в состоянии в определенном смысле манипулировать временем, так как в силах управлять своим осознанием. Иными словами, хотя человек не может каким-либо образом непосредственно влиять на само время, он, тем не менее, способен изменять свое восприятие времени и тем самым либо ускорять, либо замедлять его течение. Следует, впрочем, осознавать, что любое подобное изменение скорости течения времени происходит сугубо в рамках восприятия, а не в физическом, проявленном мире. И все же обладая способностью изменять скорость течения времени в рамках восприятия, воин умеет совершать совершенно поразительные поступки, которые часто кажутся обычному человеку настоящими чудесами.

Чтобы пояснить, что именно означает замедление и ускорение течения времени, кратко рассмотрим пример Толтека-видящего. Искусство видящего заключается в его умении настолько точно настраивать свое восприятие на восприятие, скажем, того человека, которого он видит, что при этом осознание видящего на какое-то время сливается с осознанием другого человека. По природе своей такое слияние осознаний является полным отождествлением с внешним объектом, так что можно сказать, что видящий в буквальном смысле временно становится другим человеком. В тот миг, когда происходит такое отождествление, видящий немедленно изменяет свое восприятие времени таким образом, что оно либо замедляется, либо ускоряется в соответствии с целями видящего.

Если видящий хочет увидеть, скажем, причину того или иного поведения другого человека, он будет ускорять течение времени. Следует, однако, осознавать, что при этом ускоряется не течение физического времени, но только восприятие времени видящим. В свою очередь, это означает, что благодаря полному отождествлению с другим человеком видящий способен наблюдать всю последовательную цепочку восприятия этого человека, которая привела к текущему стилю поведения. Иными словами, все происходит так, словно видящий возвращается на несколько мгновений в прошлое, хотя в действительности он никуда не перемещается и просто переносит прошлое в настоящее путем сжатия времени в рамках восприятия, которое само по себе не ограничено ни временем, ни пространством, ибо любое восприятие прошлого, настоящего и будущего представляет собой лишь результат настройки, а все возможные настройки неизменно присутствуют в светящемся коконе.

С другой стороны, если видящий желает удостовериться, к примеру, в побуждениях другого человека, то после настройки на его восприятие он замедляет течение времени в своем восприятии. Такое замедление времени во многом напоминает настолько пристальный анализ текущего мгновения, что доступными восприятию становятся даже самые крошечные подробности и все оттенки этих подробностей. Это можно сравнить с кинофильмом, замедленным до такой степени, что человек в состоянии разглядывать по отдельности каждый кадр. В результате умения видеть все в таких деталях каждая подробность рассказывает человеку целую историю; складывая все эти истории воедино, видящий начинает видеть все, что другой человек старается скрыть. Иными словами, замедляя течение времени, видящий растягивает время в рамках восприятия, и тогда все намерения другого человека становятся такими отчетливыми, будто лежат на стекле микроскопа.

Разумеется, сказанное о мастерстве Тоттека-видящего описывает лишь одну грань его искусства, так как способности видящего не ограничиваются одушевленными объектами и

распространяются на неодушевленные предметы, а также на МЭПВ в целом. Однако, поскольку искусство видящего связано с полным отождествлением, должно стать понятно, почему настоящий видящий редко испытывает искушение воспользоваться своими способностями для слежки за окружающими. Полное отождествление редко оказывается приятным, так как даже временно отождествиться с чужими страхами, сомнениями, тревогами, извращенными привычками мышления или беспорядочными эмоциями и переживать их, словно свои собственные, — чаще всего, такой опыт становится, мягко говоря, довольно неприятным.

В завершение разговора о том, что значит изменять скорость течения времени, следует отметить, что даже тот воин, который не владеет видением, может управлять временем, хотя до тех пор, пока он не научится точно настраиваться на другого человека, ему не добиться успеха в обретении знаний, доступных видящему. И все же, научившись управлять своим осознанием, воин действительно становится способным изменять скорость течения времени и, следовательно, творить чудеса. По этой причине следует подробнее остановиться на том, как на практике организована жизнь воина, не владеющего видением.

Шестой аспект правила сталкера гласит: воин всегда сжимает время; любая битва, крупная или малая, является сражением не на жизнь, а на смерть, и в том сражении, где ставкой становится жизнь, мгновение превращается в вечность — в вечность, определяющую исход битвы.

Прежде всего, в нем говорится, что воин всегда сжимает время. Однако это утверждение не следует воспринимать буквально, так как в данном случае слово «сжимать» применяется в более широком смысле, отличном от прежнего значения, которым мы пользовались при обсуждении изменений скорости течения времени. В действительности это утверждение означает, что независимо от того, сжимает воин время или растягивает его, он никогда не тратит время попусту.

Умение не тратить время попусту не означает, что воин исступленно спешит и двадцать четыре часа в сутки стирает пальцы до крови; это значит, что в любых своих делах воин использует время скупой и действенно. Иными словами, если воин занят работой, он целиком погружается в эту работу; если он спит, то целиком отдается сну, если расслабляется, то пребывает в полном покое. Однако независимо от того, чем именно занят воин, он неизменно полностью осознает самые мелкие подробности своего занятия, свой отклик на это занятие, а также все то, что с ним связано и что происходит вокруг. Это означает, что воин никогда не забывает о своем предназначении — даже в часы сна, так как для полностью подготовленного воина сон является лишь измененным состоянием восприятия, во время которого обычная физическая активность временно приостанавливается. То же самое можно сказать и о расслаблении, поскольку для воина расслабление не означает возможность просто откинуть голову назад и погрузиться в полудремотное состояние. Расслабленность является для воина возможностью провести переоценку своего ощущения предназначения в текущее мгновение, но он делает это, скорее, в контексте чувствования, чем погружения в некую умственную, эмоциональную или физическую деятельность.

Непрерывно осознавая каждое свое движение и любое изменение в окружающем мире, воин постоянно ощущает развитие своего чувства предназначения, а также понимает, как лучше всего воплотить его в рамках этой бескрайней жизни, частью которой он является. В этом смысле воин отдает себе полный отчет в том, что в жизни не бывает ни случайностей, ни совпадений, и все события жизни, все его действия складываются воедино и образуют частицу общего предназначения Невыразимого. Таким образом, только путем следования собственной судьбе с помощью чувства предназначения воин способен по-настоящему оставить свой след во Вселенной, то есть заявить свои права на безупречную жизнь.

Однако безупречная жизнь воина связана с борьбой на протяжении всей жизни или, точнее, с непрерывной борьбой за постоянное сохранение бдительности и внимательности в течение всего текущего воплощения. Такая борьба во многом похожа на битву, поскольку в конечном счете непрерывное сопротивление склонности к инертности представляет собой самую настоящую битву. Однако поддаться инертности означает начать скольжение по нисходящей спирали — той спирали, что приводит к полному прекращению движения и, следовательно, к разложению и неизбежной гибели. В связи с этим важно помнить, что существуют и иные формы смерти, более утонченные, чем смерть на физическом плане. Таким образом, когда говорится, что любая битва является сражением не на жизнь, а на смерть, имеется в виду, что воин сражается не только за выживание на физическом плане, но и за сохранение жизни в смысле ведения безупречного образа жизни. Только безупречный образ жизни позволяет воину оставить свой след во Вселенной; именно этот след представляет собой его будущее и его бессмертие.

Важно понимать, что человек теряет то, чем не воспользовался; по этой причине в настоящее время существует множество развоплощенных существ, которые уже не могут воплотиться из-за того, что не шли в ногу с временами. Безнадежно отстав в развитии своего осознания, такие люди уже не способны сыграть какую-либо значительную роль в исполнении предназначения Невыразимого и потому стали лишними в процессе жизни.

Таким образом, выражение «сражение не на жизнь, а на смерть» подразумевает нечто большее, чем его буквальный смысл, и воин прекрасно осознает это. Совершенные за считанные мгновения поступки в любой жизни способны оказывать влияние на воина намного дольше, чем могут себе представить обычные люди, а последствия расходящихся от одного мгновения кругов могут со временем пересекать границы одного воплощения и переходить в другое, где они порождают новые круги, — те также перенесутся в следующую жизнь и так далее. По этой причине утверждения о том, что «мгновение превращается в вечность», а «вечность определяет исход битвы», — не просто метафоры, поскольку любое действие, совершенное сегодня, образует основу будущего, подобно тому как каждое текущее испытание представляет собой накопленный результат прошлого.

Люди полностью скованы убежденностью в том, что ограниченная контекстом времени жизнь дается только один раз, и в результате начинают считать каждый новый день своей жизни неким независимым событием, никак не связанным с общей протяженностью жизни. Вследствие этого люди ведут себя так, будто время не имеет никакого значения, а от последствий любых поступков можно просто отмахнуться как от того, что не имеет ничего общего с настоящим и, тем более, с будущим. Все, усвоенное к данному моменту, позволяет легко понять, что подобный подход к жизни является не только признаком безумия, но и самым верным путем к саморазрушению. И все же, несмотря на это, человечество в целом испытывает столь малое уважение к жизни и времени, что большая часть людей по-прежнему продолжает растрачивать свои жизни на самоубийственные и саморазрушительные поступки.

Настоящий воин не тратит попусту ни единого мгновения своего пребывания на земле. Считая время не только драгоценным, но и священным, воин усердно учится тому, как лучше всего сжимать время. Не существует единой методики достижения этого, поскольку воин учится сжимать время только тогда, когда полностью живет учениями. Однако необходимо понимать, что сжатие времени не означает попыток изредка «экономить» его. Сжатие времени означает, что человек постоянно алертен: во-первых, он понимает, что в текущей жизни содержится его судьба, и, во-вторых, всегда готов уловить мимолетный миг шанса.

Какими бы способами Нагваль ни пытался объяснить значение сжатия времени, ученики всегда сталкиваются с тем, что этот принцип не становится проще для понимания при попытках

применить его на практике. Причина этого заключается в том, что по своей природе сжатие времени — не столько действие, сколько нечто вроде настроения. Этот факт отражается в следующем изречении.

СЖАТИЕ ВРЕМЕНИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ РАСШИРЕНИЕ В ТУ БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ, КОТОРУЮ НАЗЫВАЮТ ПРОЦЕССОМ ЖИЗНИ. В РЕЗУЛЬТАТЕ ЧЕГО ЧЕЛОВЕК НАЧИНАЕТ ОСОЗНАВАТЬ СВОЮ СУДЬБУ. УВИДЕВ СВОЮ СУДЬБУ В РАМКАХ ВЕЛИКОГО ЦЕЛОГО. ЧЕЛОВЕК ПЕРЕПОЛНЯЕТСЯ СИЛЬНЫМ ЧУВСТВОМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ, КОТОРОЕ ВСКОРЕ СТАНОВИТСЯ ВСЕПОГЛОЩАЮЩИМ НАСТРОЕНИЕМ — НАСТРОЕНИЕМ. ПОСТЕПЕННО ПРЕВРАЩАЮЩИМСЯ В НАМЕРЕНИЕ.

Поскольку время является выражением вселенских эмоций, нет ничего удивительного в том, что попытки работать со временем или соприкосновение со своей судьбой должны сопровождаться возникновением определенных эмоций. Однако вселенские эмоции намного превосходят диапазон человеческого, и потому любая встреча с ними оставляет у человека лишь неопределенное, хотя и вполне отчетливое ощущение, что в его жизни чего-то «не хватает». Разумеется, то, что кажется ему недостающим, в действительности является его неисполнившейся судьбой; такое ощущение начинает меняться только после того, как судьба человека воплощается в действительность.

В настоящий момент необходимо осознать, что до тех пор, пока человек не знает, в чем заключается его судьба, стихия времени проявляется в его жизни таким образом, что вызывает некое странное настроение, усиливающееся со временем. Это происходит независимо от того, пытается человек следовать Пути Воина или нет. Более того, такое настроение сохраняется, даже когда человек определяет свою судьбу и сознательно пытается осуществить ее, хотя при этом его ощущение чего-то «упущенного» превращается в чувство незавершенности.

Чтобы полностью понять, что все это означает, следует вспомнить, что все люди являются частицами жизни и исполняют свои роли в развитии этого великого целого. Именно это называют предназначением; чтобы исполнить свое предназначение, человек время от времени воплощается на физическом плане и накапливает те знания, которые необходимы для осуществления этой цели. В настоящий момент нужные человеку знания можно получить только посредством переживаний на физическом плане и соответствующих испытаний, позволяющих человеку научиться всему необходимому. По этой причине то, что называют судьбой, в буквальном смысле означает знания, требующиеся для осуществления предназначения человека. То, как человек получает эти знания и какими станут направляющие к знаниям испытания, зависит только от самого человека в его физическом воплощении, хотя на протяжении всей его жизни на земле сновидящие постоянно пытаются показать ему верное направление движения. Именно это руководство, а не те знания, которые следует накопить, люди обычно и называют судьбой. В результате люди очень часто чувствуют себя жертвами жизненных обстоятельств, вместо того чтобы искать подлинные дары силы, возникающие у них на пути благодаря испытаниям.

Людям так трудно по-настоящему понять свою судьбу прежде всего по причине того затмения сознания, которое происходит в момент рождения. Из-за этого затмения ни один человек не в силах вспомнить, зачем он воплотился и каких знаний ищет. В результате у сновидящего нет иного выхода, кроме попытки отпечатать в сознании человека тот факт, что у него нет времени, то есть нет цели или, еще точнее, нет цели по той причине, что он временно позабыл о предназначении своего воплощения. В связи с этим следует помнить, что единственной целью человека является его предназначение, то есть та роль, которую он обязан сыграть в развитии великого целого, выражение которого отражается частицей во всеобщем намерении.

У каждой личности такое ощущение отсутствия времени проявляется по-разному, однако рано или поздно любой человек начинает в том или ином смысле осознавать стремительный бег времени и в результате меняет свое отношение не только к самому времени, но и к цели своей жизни. Такая переоценка неизменно вызывает у человека очень отчетливое настроение — настроение, которое у каждого человека также может оказаться особенным, но всегда наполняет его ощущением того, что нечто упущено. После начала этого процесса может произойти одно из двух: человек либо сохранит это настроение и сделает все возможное, чтобы найти недостающее, либо начнет все сильнее потворствовать самым разнообразным формам побега от действительности, чтобы смягчить то оупляющее чувство опустошенности, которое порождается ощущением того, что ему чего-то не хватает.

Начиная поиски упущенного, человек поневоле осознает все вокруг намного острее, чем прежде, и в результате, даже если он не следует Пути Воина, его жизнь приобретает совершенно иной смысл, и это медленно, но уверенно ведет его к более глубокому пониманию того, как он может распоряжаться своим временем. С этого мгновения ученик внезапно начинает понимать глубинное содержание одного из первых изречений, которые даются всем ученикам в самом начале обучения.

ВРЕМЯ — СУЩНОСТЬ БЕЗУПРЕЧНОСТИ. ТОЛЬКО ОЩУЩЕНИЕ НЕИЗБЕЖНОСТИ СМЕРТИ ВЫЗЫВАЕТ У ЧЕЛОВЕКА ЖЕЛАНИЕ ДЕЙСТВОВАТЬ БЕЗУПРЕЧНО

Таким образом, время проявляется двумя способами: во-первых, оно приводит человека к мигу осознания, что он не может позволить себе растрачивать жизнь на земле по мелочам, и, во-вторых, позволяет ему понять после такого осознания, что у его жизни есть цель, — в действительности каждый человек должен осуществить нечто особенное. Однако независимо от того, понимает человек это или нет, осознание важности времени образует связь со вселенскими эмоциями, вызывающими в нем некое неподдающееся описанию настроение. Под влиянием этого настроения человек начинает искать свою судьбу, а затем исполнять ее. Делая это, он откликается на всеобщее намерение, то есть начинает разумно сотрудничать со своим сновидящим и учиться тому, что значит нацеливать намерение на осуществление своего предназначения. И все же в конечном счете следует понимать, что все это столь же просто и глубоко, как следующее изречение.

КОГДА ПРИХОДИТ ВРЕМЯ. ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ОБЛАДАТЬ ДОСТАТОЧНЫМ ЗАПАСОМ ЛИЧНОЙ СИЛЫ. ЧТОБЫ РАСПРАВИТЬ КРЫЛЬЯ ВОСПРИЯТИЯ. СОПРИКОСНУТЬСЯ КАК С НАГВАЛЕМ. ТАК И С ТОНАЛЕМ И ПОЗНАТЬ СМЫСЛ ВЕЧНОСТИ. В ЭТОМ ПОЛЕТЕ СКВОЗЬ ВРЕМЯ ОН ПОСТИГАЕТ ЗНАЧЕНИЕ НАМЕРЕНИЯ. А ЗАТЕМ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ВСЕГО СУЩЕГО.

В этой главе мы лишь коротко коснулись чрезвычайно обширной темы времени, однако, согласно целям данной книги, переданных сведений вполне достаточно для текущего момента. В начале этой главы я предупреждал, что МЭПВ — поистине неисчерпаемая тема, и вплоть до тех времен, когда вы будете лучше понимать учения в целом, нам нет никакого смысла погружаться в эту тему глубже. Говоря понятиями христианства, эти времена могут настать, могут возникнуть только тогда, когда вы поймете, что сущностью любой битвы, великой и малой, является борьба за сжатие времени. В связи с этим можно отметить, что вы уже получили описание всего необходимого для сжатия времени, а именно: щита воина.

Если каждое испытание будет рассматриваться как последняя битва на земле, а к любой битве человек будет подходить с точки зрения времени, он совершенно инстинктивно воспользуется щитом воина. Что еще может понадобиться человеку, если он поднял этот щит, то есть стал бдительным, бесстрашным, исполненным уважения и полностью уверенным в себе?. Остается только приступить к действиям. Таким образом, при сжатии времени воин занимает

позицию на Севере, в месте действия, и, действуя в контексте второго постулата сталкинга, не забывает, что его долг заключается в разгадке тайны, будь то тайна времени или загадка его собственного бытия. В результате воин стремится к трезвости в измерении времени и в этом отношении понимает, что искомой трезвости можно добиться только всесторонним сжатием времени.

Если вы все еще ждете, то чего именно? У вас уже есть щит, а время идет; Выбор сводится к тому, собираетесь ли вы растратить его впустую или намерены поднять щит воина и пуститься в свое путешествие немедленно. Вы можете либо отложить эту книгу прямо сейчас и продолжить бесцельно тратить время, либо отложить ее на время и прямо сейчас начать жить безупречной жизнью воина. Выбор остается за вами, но не стоит забывать, что время — не ваша собственность. Вы можете подождать, но само время не ждет.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГЛУПОСТЬ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ

СТАЛКЕР НИКОГДА НЕ РАСКРЫВАЕТ СВОЮ СУЩНОСТЬ — ДАЖЕ САМОМУ СЕБЕ.

Рассматривая седьмой аспект правила сталкера, нам придется столкнуться с тем, что для большинства учеников является, вероятно, одним из наиболее увлекательных принципов Пути Воина, а именно с тем, что у сталкера много лиц. В свете того, что уже известно об искусстве сталкинга, это вряд ли покажется удивительным, однако этот принцип вначале всегда вызывает у каждого ученика сильное чувство благоговения, смешанного с немалой долей тревоги и подозрительности. Вследствие этого даже ученики нередко неосознанно играют на руку сталкеру, позволяя ему использовать множество своих лиц.

По своей природе разнообразные лица сталкера представляют собой не столько его собственные маски, сколько различные точки зрения, с которых его видят окружающие. В результате сталкер, разумеется, постоянно посмеивается над глупостью происходящего, поскольку в конечном счете не делает «ничего» и только получает удовольствие от проявлений чужого восприятия. В этом смысле сталкеры поистине являются наиболее готовыми к сотрудничеству людьми на свете, так как никогда не отказываются поиграть в игру по чужим правилам. В конце концов, игра — это только игра, а игры приносят радость — даже те из них, которые причиняют боль. Таким образом, сталкер никогда не упускает возможности повеселиться, потому что, даже в тех случаях, когда игра вызывает плач, такие слезы не обязательно должны быть признаками жалости к себе или мучений — они могут стать слезами радости, вызванными ощущением остроты бытия.

Для сталкера вся жизнь — это игра, обладающая огромными потенциальными возможностями приносить радость; разумеется, при условии, что человек ведет ее совершенно безупречно. Таким образом, когда сталкер смеется и шутит, это никогда не означает легкомысленности или непочтительности — напротив, его веселье вызвано только радостным ощущением чудесного дара жизни. Неизменно оказываясь способным разглядеть во всем вокруг, включая собственные испытания, присущую миру красоту, сталкер может серьезно относиться к своим или чужим слезам только тогда, когда предпочитает замечать их красоту. Однако даже в умении разглядеть красоту слез любовь сталкера к жизни проявляется таким образом, что пронзительный смех может весьма неожиданно прервать самые искренние рыдания.

Таким является веселье сталкера, и в этом чувстве веселости кроется и его искусство, и его сила, которая, честно говоря, заставляет большую часть людей чувствовать невероятное смущение. В конце концов, смех на похоронах не считается чем-то обычным, а взрывы хохота в торжественной обстановке церковной службы рассматриваются как невероятная грубость. Для сталкера жизнь представляет собой безостановочное веселое приключение, и какие бы тяжкие испытания ни выпадали на его долю, и в радости, и в горе его жизнь неизменно заполнена такой энергией, что у него просто нет времени на ощущения печали или угрюмости, подавленности или удрученности. Даже если такие мгновения наступают, что случается с каждым человеком, сталкер распознает их сущность и немедленно принимается тщательно выискивать в них потенциальные возможности веселья, ибо в этом заключается склонность сталкера.

И все же следует осознавать, что умения рассматривать жизнь под таким углом зрения невозможно добиться за один день и оно не дается легко. Подобно любому другому искусству — виртуозности в обращении со скрипкой, теннисной ракеткой или гимнастическими снарядами, — для превращения в искусного сталкера нужно потратить много пота и слез. Для этого необходимо не только безупречно жить учениями во всей их полноте, но и, что особенно

важно для сталкера, с невероятной тщательностью стирать личную историю. Невозможно овладеть сложными учениями сталкинга до тех пор, пока в человеке остается хотя бы капля личной истории, так как подлинное искусство сталкера заключается не в способности вводить других в заблуждение, но в отсутствии привязанности к эго, которое сталкер должен оберегать и защищать...

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОН

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЧЕТЫРЕ ПОСТУЛАТА СТАЛКИНГА.

ГЛАВА ВТОРАЯ. КОНТРОЛИРУЕМАЯ ГЛУПОСТЬ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРАВИЛО СТАЛКЕРА

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРАВИЛО СТАЛКЕРА

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПРОБУЖДЕНИЕ ВО СНЕ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ДОСТОИНСТВО ВОИНА

ГЛАВА ПЯТАЯ. ШАГ В НЕПОЗНАННОЕ

ГЛАВА ШЕСТАЯ. СМЕЩЕНИЕ ФОКУСА

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПРОЧЕСЫВАНИЕ ТЕНЕЙ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ЗА ПОКРОВОМ ВРЕМЕНИ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГЛУПОСТЬ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ

ЧАСТЬ III. МИР МАГОВ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. КОРОТКО О ЧЕТВЕРТОМ ИЗМЕРЕНИИ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ДВАДЦАТЬ ОДИН САМОЦВЕТ

Имя Кетцалькоатля приводится в транскрипции автора. — *Прим.персе.*

Англ. enjoy u enmesh oneself in rejoicing. — Прим. перев.

Англ. *Warmth* —тепло, теплота, сердечность, энтузиазм, пыл, пылкость и т. д. —Прим. ред.